

ИСТОРИЯ OSTKRAFT

| научное обозрение | www.ostkraft.ru |

| Модест Колеров | Москва | 2020 | № 5–6 |

УДК 94(470) "18/19"
ББК 63.3(2)5
И 90

Редакционная коллегия:
Далибор Денда, Юрий Пущаев, Кирилл Шевченко
Ответственный редактор: Модест Колеров

Фотография на обложке — М. Бороздинского

И 90 История. Научное обозрение OSTKRAFT № 5–6 (17–18).
М. : Модест Колеров, 2020. (www.ostkraft.ru.) 240 с.
ISBN 978-5-905040-58-0

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Андрей Тесля. На пути к своему жанру: заметки об эволюции «Писем из Франции и Италии» А. И. Герцена</i>	5
<i>Андрей Тесля. «Замечательное десятилетие. 1838–1848»: заметки о концептуальных аспектах мемуарного текста</i> П. В. Анненкова	13
<i>В. Н. Коробейников. Общественно-политические взгляды Н. Ф. Бунакова — гимназического учителя Г. В. Плеханова</i>	28
<i>В. А. Болтрукевич. Полуброненосные фрегаты российского императорского флота как инновация в военно-морском деле второй половины XIX века (по свидетельствам современников)</i>	74
<i>О. А. Шишкин. Судьба «дела об убийстве Распутина»: Новые документы, имеющие отношение к раскрытию преступления в Юсуповском дворце</i>	84
<i>И. С. Ратьковский. Уссурийский атаман И. П. Калмыков</i>	98
<i>Г. Е. Аляев. Извилистые линии жизни в топологическом пространстве истории (материалы к биографиям Михаила Людвиговича Франка и Семёна Людвиговича Франка)</i>	115

- М. М. Герizon. Фильмы (немые), созданные на частных киностудиях в первые годы Советской власти и не размещенные в интернете 171
- Андрей Тесля. Дневник красного профессора. Дневник историка С. А. Пионтковского (1927–1934) / Отв. ред. и вступ. ст. А. Л. Литвина. Казань : Казанский государственный университет, 2009. 516 с. 175
- А. В. Мартынов. Борис Меньшагин: Воспоминания. Письма. Документы / Сост. и подг. текста П. М. Полян. М. ; СПб. : Нестор-История, 2019. 824 с., ил. 186
- Л. Кацис. К выходу в свет книги: П. Успенский, В. Файнберг. К русской речи. Идиоматика и семантика поэтического языка О. Мандельштама. М., 2020 (Новое литературное обозрение. Научное приложение. Вып. ССVI). 360 с.: Заметки читателя историко-философской и мандельштамоведческой литературы. XIX. Критика интертекстуального мандельштамоведения (с большими подтекстами и тонкой фразеологией) 191
- Л. Кацис. К проблеме перечтения книги: П. Успенский, В. Файнберг. К русской речи. Идиоматика и семантика поэтического языка О. Мандельштама. М., 2020. Новое литературное обозрение. Научное приложение. Вып. ССVI. 360 с. — на фоне работ Б. А. и Ф. Б. Успенских. Заметки читателя историко-философской и историко-«косоведческой» литературы. XX. 218

Андрей Тесля

НА ПУТИ К СВОЕМУ ЖАНРУ: ЗАМЕТКИ ОБ ЭВОЛЮЦИИ «ПИСЕМ ИЗ ФРАНЦИИ И ИТАЛИИ» А. И. ГЕРЦЕНА¹

Герцен всегда писал легко и быстро — он был прирожденным журналистом. В слова он облакал все — и чувства, и размышления, и в состоянии радости, и в печали или тоске. Впрочем, вспоминал Достоевский, трудно поверить, но говорил он еще лучше, нежели писал². Но вместе с тем для него характерно постоянное переписывание, редактурa того из им написанного, что он считал выходящим за пределы газетно-журнальной сиюминутности. Уже давно обратили внимание на то обстоятельство, что даже фрагменты из писем или собственного дневника, помещенные им в «Былом и думах», подвергнуты им изменению — не с целью скрыть/изменить/исказить некогда сказанное, а стилистически — для уточнения, оттенения того, что важно ему в рамках конкретной главы, чтобы стереть случайное и выделить существенное. То же можно сказать и, кажется, обо всех его книгах, которые состоялись в таком качестве при его жизни, там, где автор имел возможность работать с рукописью — Герцен был именно тем автором, который никогда не упускал этой возможности, от небольшой поправ-

¹ Андрей Тесля — к. филос. н., с. н. с. ИГН БФУ им. И. Канта, научный руководитель Центра исследований русской мысли ИГН БФУ им. И. Канта meistr81@gmail.com. Работа поддержана из средств субсидии, выделенной на реализацию Программы повышения конкурентоспособности БФУ им. И. Канта.

² Достоевский Ф. М. Старые люди // Дневник писателя. 1873 г. // Достоевский Ф. М. Дневник писателя. СПб., 2020. С. 76.

ки, появления/устранения эпитафии — вплоть до радикальной переработки.

Напомню, что «Былое и думы» не имеют никакой окончательной авторской композиции — это текст «в движении», завершающийся, собственно, со смертью автора. Это, разумеется, особый случай — но как раз собственно «книги», написанные Герценом, здесь показательнее. Впрочем, если говорить о писательской манере Герцена, то ему трудно давалась именно «книга»: он был слишком стремителен, нуждался в отклике, в работе, которой виден близкий конец — потому «книг» как таковых он не писал, включая «Былое и думы» — он собирал их из статей и писем, тасуя фрагменты, перерабатывая³. Позволю себе напомнить несколько общеизвестных фактов — сам Герцен в «Былом и думам», в предисловии к части V («Париж — Италия — Париж (1847–1852)»), датированном 29 июля 1866 г., писал:

«Для пополнения этой части необходимы, особенно относительно 1848 года, — мои “Письма из Франции и Италии”; я хотел взять из них несколько отрывков, но пришлось бы столько перепечатывать, что я не решился».

Итоговая конструкция «Писем...», сложившаяся к изданию 1854 г., оказывается движением от первых наблюдений и отдельных зарисовок — к теоретическим рассуждениям и общему ито-

³ Как и большинство писателей — Герцен экономен — так, фрагмент с описанием встречи на пути из Ливорно в Марсель с герцогом де Роганом, которым он начинает IV письмо из цикла «Опять в Париже» [*Герцен А. И. Собрание сочинений* : в 30 т. Т. V. М., 1955. С. 375–376, далее ссылки на это издание даются сокращенно, «V: 375–376», где римская цифра обозначает номер тома, а арабская — страницу соответствующего тома], выпав из «Писем...», перейдет в «Былое и думы» (гл. XXXV). Впрочем, здесь Герцен скорее всего писал по памяти, не видя перед собой оригинал своих писем 1848 г. — описание разговора хоть и стало картиннее, законченнее — как часто и бывает, когда мы воспроизводим уже хорошо отложившееся в памяти и освободившееся от деталей реальности — но при этом забыла имя случайного собеседника, заменив его на герцога де Ноая, одного видного легитимиста на другого. Равно как и наоборот — характеристика Дрейяка, гувернера князя и Михаила Столыгина из неоконченной повести «Долг превыше всего» (осень 1847 г., на тот момент неопубликованной) с его «поклонением закону тяготения», отчасти буквально, отчасти по схеме — легло в расширенном виде в основу рассуждения об «энциклопедистах» и «философах» и о «религиозном» характере «революции 89 года» (V: 306; VI: 273–274).

гу, о конце старого мира (в этот образ Герцен смотрится с конца 30-х, со своей драмы «Лициний») и о надежде на новый — так что, завершая письма, он прилагает к ним еще одно письмо, на сей раз — к Шарлю Риберолю, издателю «L'Homme», в котором — создавая эффект множащихся отражений — цитирует свое письмо к Мишле⁴ и отсылает, цитируя австрийский «Ллойд», к «С того берега» (V: 222–224). Вырастая от «Писем из Avenue Marigny», публиковавшихся в «Современнике», наследующих уже большой русской традиции писем из Франции — которую упоминает и обыгрывает сам Герцен в начале первого письма — герценовские заметки постепенно утрачивают перспективу быть опубликованными в подцензурной печати, становясь предшественниками будущей эмигрантской публицистики «Вольной русской типографии».

Начиная новый цикл писем, «Опять в Париже», первое из которых помечено 1 июня 1848 г., Герцен пишет:

«Эти письма назначены исключительно для вас, друзья; у меня наконец в голове нет ни одной мысли, которая могла бы пройти сквозь цензуру, сверх того, нет и прежнего желания высказывать свою мысль как можно темнее — лишь бы ее напечатали. Письма мои будут вам полезны. Истинные вести о добре и зле, совершающихся здесь, до вас дойдут не скоро, они дойдут до вас, сделавшись хроникой, историей. Те журналы, которые энергически и бойко высказывают дело, — для вас невозможны; те, которые вам возможны, — не передадут дело. Сверх того, часть знаемых вами событий сделается живее и ближе для вас — пересказанная мною. Не правда ли?» (V: 303).

Потому наиболее интересны изменения, появляющиеся между пишущимися уже без оглядки на цензуру первыми вариантами писем — и итоговым вариантом. Первый пласт перемен — вполне очевиден и понятен. Герцен снимает почти все хроникальные описания французских событий, равно как сильно прореживает с этой точки зрения и письма из Италии — оставляя и расширяя зарисовки, «сцены», в которых рисуются переживаемые события. Ему важно показать волнение, подъем революции — и передать всю

⁴ «Русский народ и социализм» (1-я публикация — ноябрь 1851 г., единственное прижизненное русское издание — 1858 г.).

радость освобождения, «революционный праздник», там, где люди становятся крупнее, больше самих себя. Уже в первой редакции он замечает по поводу кабинетных переговоров вечером 23 февраля в Париже:

«Великие, хитрые, проницательные дипломаты и дельцы! Как жалки все эти Талеяраны, Меттернихи — когда народ действительно выходит на сцену, как они бледнеют и исчезают со всей премудростью перед его мощной простотой, — нахохотался над вами 48 год!» (V: 330).

Та фраза, которая станет оскоминой советского литературоведения, действительно близка и верна к «Письмам...» Герцена — причем с самых первых, но в особенности с итальянских — он стремится показать, зарисовать «народ», «массы» — собственно, сам впервые видя их в действии, очутившись в Европе в решающий момент, когда то, что обычно глубоко под почвой — выходит на поверхность, когда мудрость обычного дня оказывается глупостью.

Мотив, побуждающий убрать хроникальность — во-первых, стремление вернуться собственно к «письмам», рассказу о том, чему он сам был очевидцем, идти от виденного — включая рассуждения и то, что было вне непосредственного видения лишь как объяснение последнего. Во-вторых, это и изменение во времени — к моменту выхода писем уже в немецком, первом издании, не говоря о двух русских (1854 и 1858 гг.), исторические обзоры и очерки событий 1848 г. появились в изобилии — ближайшие годы приносили все новые и новые «Истории...». Рассказ Герцена, который не был свидетельством очевидца, либо требовал переработки в очередную «Историю...», уточнений, подробностей — либо его нужно было исключить, сохранив от исходного текста то, в чем был основной смысл — авторское истолкование происходящего и отношение к нему.

Но второй пласт перемен — изменения и уточнения уже смысловые, как на уровне добавлений, так и исключений из первоначальных писем. Из последнего останавливаюсь только на одном примере — отношения ко всеобщему избирательному праву — в III письме из цикла «Опять в Париже» Герцен пишет:

«<...>Временное правительство объявило *suffrage universel* и начало проповедовать идолопоклонство к результату этих выборов,

сделанных детьми, дикими, чернью (не моя вина, что большинство так составлено). — Как можно было дать вдруг темной массе — всю будущность страны, зная, что арифметическое большинство не есть истинное, зная, что один Париж — virtualiter полнее и лучше понимает, нежели вся Франция?» (V: 366).

Эту же тему Герцен в энергичных выражениях развивает в откровенном при оказии письме к московским друзьям от 5–8 ноября (24–27 октября) 1848 г. из Парижа:

«О возможности (не добив, не разрушив этот мир) торжества демократии и социализма и говорить нечего. Если считать во Франции 10.000.000 citoyens actifs, то 1 м<илион> падет на 9 ретроградных, состоящих из буржуа, мелких землевладельцев, легитимистов и орангутангов. Орангутанги, не развившиеся в людей, составляют вообще $\frac{4}{5}$ всей Франции и $4\frac{3}{4} \frac{1}{5}$ всей Европы. Suffrage universel, последняя пошлость формально-политического мира, дала голос орангутангам, ну а концерта из этого не составишь. Вот теперь-то Европа несет казнь за аристократию, за развитие одного меньшинства⁵. Сердце кровью обливается, когда смотришь на людей, душой и телом отданных демократии, или на маленькую кучку работников больших городов; но чувствуешь, что это святое меньшинство работает попусту, из вершин общества европейского и из масс ничего не сделаешь⁶» (XXIII, 111).

⁵ Ср. из III письма «Опять в Париже»: «Общая причина — демоническое начало европейской цивилизации — одна, — это ее исключительность, ее аристократизм. Европейская жизнь так сложилась, что она все делала для меньшинства, и оно, блестящим образом развитое, перешагнуло ее собственную жизнь в то самое время, как большинство не токмо не двигалось вперед, но скорее дичало в безвыходной борьбе с нуждой. Развитая часть народа, не имея истинных корней в народе, отрешалась от него более и более и устремляла все силы на отвлеченные теории построения народной жизни, не совпадавшей, собственно, с действительной жизнью» (V: 349).

⁶ См., напр., в письме к Т. А. и С. И. Астраковым, 1–2 июля (19–20 июня) 1849 г., Женева: «Во всей Европе (кроме некоторых частей Германии) воспитание домашнее и публичное в самой дикой степени схоластики, про Францию и говорить <нечего>, во Франции выучиваются превосходно разные специалисты (химики, медики, механики) — но общего образования ни на грош, они заменяют пошлыми сентенциями и болтовней — всю сумму сведений, тяготящих (и не облегчающих) немцев. А rgoros — французик 13 или 14 лет расчетлив и своекорыстен, как жид 30 лет. Что скажете о нравственном воспитании? Немец по крайней мере имеет юношеский период, и как ни смешны подчас его

Парадоксально на первый взгляд, что Герцен оказывается критиком не только всеобщего избирательного права, но и того расширения избирательного ценза, что произошло по результатам июльской революции (1830) — и эта последняя критика сохранится и в итоговой версии «Писем...». В первоначальной редакции Герцен писал: «Ценс 1830 не ввел ничего народного, а позволил всплыть бедной или по крайней мере небогатой буржуазии — сословию плохо образованному и весьма неблагородному» (V: 313)⁷. Там же Герцен формулирует свои симпатии и антипатии:

«<...> французский работник. Будущность Франции — его, наследник Бурбонов и мещан — не Генрих V, не Ламартин, а блузник, столяр, плотник, каменотелец. Потом что это единственное сословие во Франции, которое доработалось до некоторой ширины политических идей, которое вышло вон из существующего замкнутого круга понятий. Потому что его товарищ по несчастью, бедный земледелец, представляет в противоположность деятельному протесту работников — страдательное, тупое хранение *statu quo*» (V: 314).

Это побуждает Герцена далее ввести мимоходом разделение на «народ» и «население»: «Когда Ламартин явился и сперва на словах сказал об утверждении всем народом республики, ему из толпы кричали, что это вздор, что Париж — передовая фаланга Франции и что если они подставили свою грудь пулям — то это вовсе не для того, чтоб весь плод победы отдать на обслуживание грубого населения, на которое будут действовать интриганы» (V: 352).

В итоговом тексте Герцен снимет и эту дихотомию «народа»/«населения», равно как уберет многое из страстной критики всеобщего избирательного права⁸ — сохранив общее направление

надзвездные мечтания — но они чистят душу и не допускают преждевременный разврат. Мелкий, подлый эгоизм в самом антигуманном значении среды, в которой вырастает француз и француженка, — отсюда не трудно понять, что для них брак и что воспитание. Об наших широких, разметистых натурах нечего и думать. В крови немца — золотуха, у француза — сифилис. Разумеется, есть исключения, есть целые сословия, к которым это не идет; но я говорю в антитестическом смысле» (XXIII, 157).

⁷ См. определение «буржуа» в IV «Письме из Avenue Marigny»: «<...> буржуа тот, кто сознает себя таким, кто ненавидит аристократию в одну сторону и презирает народ в другую...» (V: 240, прим. 1).

⁸ Итоговый текст будет звучать следующим образом: «“Всеобщая подача голосов, организация работы” — вот чего хотела февральская революция и чего

рассуждения (так, останется в тексте решительная защита Ледрю-Ролена в его попытке от лица новой власти направить через посланных в департаменты комиссаров ход выборов, побуждая голосовать за республиканцев — см.: V: 162–163, 171–172).

И здесь Герцен вводит — в сравнении с первоначальным текстом — новые характеристики «народа», только не вообще, а именно итальянского и русского, в письме VI прямо переходя от первого ко второму и обозначая общий корень⁹:

«Несмотря на все действия, на чужеземный гнет, на нравственную неволю, итальянец никогда не был до того задавлен, как француз и немцы. <... > главная причина в том, что итальянец не всю свою жизнь связывал с государством, для него государство всегда было формой, условием, а не целью, как для француз; отчего падение государства не могло совсем раздавить человека. Крестьянин средней Италии так же мало похож на задавленную чернь, как русский мужик — на собственность. Нигде не видал я, кроме Италии и России, чтоб бедность и тяжелая работа так безнаказанно проходили по лицу человека, не исказив ничего в благородных и муже-

не осмеливалось оспаривать у народа Временное правительство. Но грубое непонимание вопроса и механическое, холодное разрешение его привели к тому, что всеобщая подача голосов убила организацию работ.

Всеобщая подача голосов, при монархическом устройстве государства, при нелепом разделении властей, которым так хвастались приверженцы конституционных форм, при религиозном понятии о представительстве, при полицейской централизации всего государства в руках министерства, — такой же оптический обман, как равенство, которое проповедовало христианство. Тупость консерваторов, их привычки к цензу заставляли их трепетать перед всеобщей подачей голосов, в то время как оно не опаснее всего другого избрания представителей. Дело вовсе не в том, чтоб раз в году собраться, выбрать депутата и снова воротиться к страдательной роли управляемого, надобно было предоставить общине избрать свое правительство, департаменту свое; надобно было уничтожить всех проконсулов, получающих священный сан от министерского помазания; тогда только народ мог бы действительно воспользоваться правами и, сверх того, дельно избрать своих центральных депутатов» (V: 161–162) — то есть вопрос переформулируется в саму проблематику демократического устройства власти, где процедура выборов — лишь частный вопрос (понятно, что сама рамка рассуждений существенно изменилась после становления режима плебеситарного цезаризма Наполеона III).

⁹ Тогда как критика «монархической республики» и формулирование своего понимания «республиканского» идеала, прямо противостоящего «монархии» и «дуализму» — ключевые темы теоретических трудов Бакунина конца 60-х — начала 70-х — развернется в XI письме (ср.: ред. 1848 г., V: 305, 362–364).

ственных чертах. У таких народов есть затаенная мысль или, лучше сказать, не мысль, а непочатая сила, непонятная им самим до поры до времени, которая даст возможность переносить самые подавляющие несчастья, даже крепостное состояние» (V: 102–103).

Русская деревня появится и в самом неожиданном месте — описании пути от Эстреля до Ниццы: «Смысл деревенской коммуны в Европе — только полицейский; что общего между этими разбросанными домами, огораживающимися друг от друга? у них все особое, они связаны только общей межой; что может быть общего между голодными работниками, которым коммуна предоставляет *le droit de glaner*¹⁰, и богатыми домохозяевами? Да здравствует, господа, русское село — будущность его велика» (V: 74).

Текст «Писем...» в его истории оказывается в итоге и историей уточнения и формирования доктрины «русского социализма», и историей позднего нахождения Герценом собственного стиля повествования — соединения наблюдения и размышления, отталкивания от характерной черты, образа, сценки — к обобщениям и выводам — и сознательным отказом от того, что является «не собственным», от подробной хроники, передачи прочитанного. Герцен соединяет два элемента — непосредственное впечатление, связанное у него с эмоциональной реакцией в ее подлинности — и размышлением над ним, где сравнение предшествующего, исходного с последующими редакциями демонстрирует неизменную верность автора исходному переживанию с меняющимся его осмыслением: увиденное, почувствованное остается тем же, подвергаясь стилистической правке, размышление продолжается.

¹⁰ Право собирать колосья после жатвы (*фр.*).

Андрей Тесля¹

«ЗАМЕЧАТЕЛЬНОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ.
1838–1848»: ЗАМЕТКИ
О КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ АСПЕКТАХ
МЕМУАРНОГО ТЕКСТА П. В. АННЕНКОВА

Восприятие русской интеллектуальной культуры XIX века во многом определяется несколькими мемуарными текстами. Речь идет о том наборе образов, знаковых ситуаций и сцен — которые вспоминаются нами, когда мы обращаемся мысленно к тем временам. В общем-то, в этом обстоятельстве нет ничего неожиданного. Справедливо, кажется, будет, существенно расширяя рамку, сказать — что вообще всякая значимая, большая культурная эпоха проявляется, прежде всего в создаваемых ею образах самой себя, ее масштаб в том числе утверждается через возможность создать убедительное самописание — которое как непосредственно, так и через множественные опосредования будет транслироваться, воспринимаясь уже как некое самостоятельное описание.

При этом сами данные тексты сравнительно редко попадают в фокус исследователей в качестве целого — значимым исключением являются «Былое и думы» Герцена (непосредственно

¹ Андрей Тесля — к. ф. н., с. н. с. ИГНБФУ им. И. Канта, научный руководитель Центра исследований русской мысли ИГН БФУ им. И. Канта, tes-tr81@gmail.com.

Работа была выполнена в рамках гранта РНФ (№ 18-18-00442) «Механизмы смыслообразования и текстуализации в социальных нарративных и перформативных дискурсах и практиках» в Балтийском федеральном университете им. И. Канта.

их разбору и анализу посвящены два монографических исследования — Я. Е. Эльсберга² и Л. Я. Гинзбург³).

В особенности, можно сказать, не повезло в этом отношении П. В. Анненкову — его взвешенный стиль, подчеркнутая умеренность, объективизм приводили к тому, что оставленные им мемуарные тексты оказывались своего рода «прозрачными». Относительно его работ отмечалось наличие «тенденций», стремление представить позиции целого ряда персонажей как более умеренные, чем они были в действительности, или подчеркнуть тенденции в их творчестве — выведя на передний план близкие автору и/или созвучные тому времени, когда писался конкретный текст. Однако все это — преимущественное внимание к конкретным деталям и оценкам, анализ того, какие из эпизодов прошлого выведены мемуаристом на передний план, а какие лишь упомянуты или оставлены за рамками изложения.

«Замечательное десятилетие. 1838–1848»⁴ — одновременно и самый значимый, и самый объемный мемуарный текст Анненкова, выступающий для него подведением итогов своего поколения и завершением дискуссии конца 1850-х — 1870-х гг. о «лишних людях» и «людях 40-х годов»⁵, одним из инициаторов которой он в свое время был — вступив в 1858 г. статьей «Литературный тип слабого человека. По поводу тургеневской “Аси”» в спор с Чернышевским. Данное небольшое эссе никак не претендует на полноту раскрытия темы и обозначение конечных выводов — для этого потребовалось бы обстоятельное монографическое рассмотрение как всей совокупности мемуарных и биографических текстов, принадлежащих Анненкову, так и реконструкция плотного контекста его личного и эпистолярного общения в 1850-е — нач. 1880-х гг., складывание концепции во времени и ее эволюция — реакция на появляющиеся в конце 1860-х — 1870-е достаточно

² Эльсберг Ж. [Эльсберг Я. Е.] А. И. Герцен и «Былое и думы» / Пред. Л. Б. Каменева. М.: Федерация, 1930.

³ Гинзбург Л. Я. «Былое и думы» Герцена. М., 1957.

⁴ Далее все ссылки на эту книгу даются в тексте, в круглых скобках, по изданию: Анненков П. В. Литературные воспоминания / Отв. ред. Н. К. Гей, вступ. ст. В. И. Кулешова, коммент. А. М. Долотовой, Г. Г. Елизаветиной, Ю. В. Манна, И. Б. Павловой. М., 1983.

⁵ См., в частности, замечательный обзор полемики конца 1860–1870-х гг. в работе: Мостовская Н. Н. И. С. Тургенев и русская журналистика 70-х годов XIX века. Л., 1983. С. 23–65. Более широкий контекст дан в работе: Кантор В. К. Русская эстетика второй половины XIX века и общественная борьба. М., 1978.

многочисленные мемуарные и исследовательские тексты, посвященные недавнему прошлому русской мысли.

И, тем не менее, нам представляется важным обозначить некоторые вехи. Прежде всего, необходимо остановиться на структуре текста. «Замечательное десятилетие» не только писалось на протяжении длительного времени — но и сохранило целый ряд черт временной разнородности. Так, напр., в начале гл. XXV Анненков отмечает: «Лето 1845 года оставило мне такие живые воспоминания, что я и теперь (1870 год), по прошествии с лишком 25-ти лет, как будто вижу перед собой каждого из тогдашних лиц московского кружка и как будто слышу каждое их слово» (с. 250). Первые мемуары были опубликованы в 1880 г. на страницах «Вестника Европы» — а переписка Анненкова со Стасюлевичем и Пыпиным демонстрирует разные стадии работы — в 1882 г. в «Воспоминаниях...» был опубликован отредактированный текст. Тем примечательнее, что при внимательной авторской правке, уточняющей и отшлифовывающей текст мемуаров, хронологические отсылки — редкие, но достаточно заметные, отсылающие к разным временам написания соответствующих фрагментов — были сохранены.

В итоге Анненков стремится, как нам думается, сочетать оба принципа — целостности и фрагментарности, достигая первой как эффекта, возникающего из тщательно продуманной монтировки эпизодов и сюжетов. Обозначая уже позднее, в письме к Стасюлевичу от 4/16. XII.1882 г. своеобразие своей задачи как мемуариста, он пишет:

«Дело у меня не в математической точности цифр при перечислении факторов, а в некоторых разоблачениях и передаче психических факторов, двигавших наших старых писателей и сделавших из них то, чем они сделались»⁶.

Напомним начало текста «Замечательного десятилетия»:

«... Я познакомился с Виссарионом Григорьевичем Белинским за год до моего отъезда за границу, именно осенью 1839 года» (с. 121).

⁶ Стасюлевич и его современники в их переписке. Т. III / Под ред. М. К. Лемке. СПб., 1912. С. 410.

Вводная фраза весьма показательна в интересующем нас аспекте:

— во-первых, текст начинается «с середины», фрагментарность подчеркнута троеточием — мы сразу же оказываемся в середине действия — и вместе с тем в его начале, поскольку,

— во-вторых, подчеркивается, что речь идет именно о том, что видел мемуарист — Анненков фиксирует знакомство с Белинским, далее обозначая внутреннюю («за год до моего отъезда за границу») и внешнюю («осенью 1839 года») хронологию;

— в-третьих, в середине действия мы оказываемся постольку, поскольку следующим шагом Анненков рассказывает пунктиром литературную биографию Белинского до момента своего знакомства с ним. Этому посвящена вся первая глава мемуаров — и только во второй главе автор возвращается собственно к своему знакомству с Белинским, теперь уже обстоятельно излагая его обстоятельства: «Я сошелся с Белинским в первый раз у А. А. Комарова, преподавателя русской словесности во 2-м кадетском корпусе. Комаров занимал и квартиру в зданиях корпуса» (с. 127), чтобы следом вновь уйти в описание прошлых лет, а именно, поясняя каким образом Белинский оказался в Петербурге, положение литературных сил в те годы и появление обновленных «Отечественных записок» (с. 127–132) — и только уже в начале 3-й главы (с. 132) наконец излагаются впечатления автора от первого знакомства с Белинским, внешность последнего, манера держать себя и т. п. (с. 132–133).

И, наконец, фраза, открывающая «Замечательное десятилетие», сразу же фиксирует главную фигуру — собственно, определяющую рамки «десятилетия» — Белинского, вокруг которого сложным образом, но так или иначе — прежде всего по отношению к нему — расположены все другие фигуры. В данном случае довольно предсказуемым образом Анненков заканчивает воспоминания не только обращением к фигуре Белинского, но и эпизодом его отъезда из Парижа, трагикомических его обстоятельств — с иронической цитатой из письма Белинского к Анненкову⁷ и замыкающей текст фразой, характерно заканчивающейся вновь троеточием, как и открывающая мемуары:

⁷ Из его рассказа о мытарствах в бельгийской таможене и офицере таможенной стражи: «Догадавшись, что я глуп до святости, он сжалился надо мной и оставил меня в покое» (с. 366). Письмо цитируется Анненковым с существенным

«В Петербург Белинский явился, к изумлению и радости своих знакомых, гораздо свежее и бодрее, чем выехал из него, но радость их была непродолжительна...» (с. 367).

Понятно, что одним из ключевых сюжетов мемуарного очерка оказывается спор «западников» и «славянофилов». Однако именно его трактовка в высшей степени примечательна. Следует напомнить, что очерк Анненкова выходит после «Характеристики литературных мнений...» и «Опыта биографии Белинского» Пыпина — в подготовке которых Анненков принимал некоторое участие, как и в «Очерках гоголевского периода...» Н. Г. Чернышевского. Общая установка Анненкова — прежде всего в указании, что все эти споры принадлежат к достаточно отдаленному прошлому. В одном из последних написанных им мемуарных очерков, в воспоминаниях о Писемском, Анненков вновь возвращается к теме спора «западников» и «славянофилов», характеризуя ситуацию начала 1850-х гг.:

«[...]оба главные органа петербургской журналистики, “Отечественные записки” и “Современник”, старательно поддерживали, после смерти Белинского, полемику с славянофилами, не давая совершенно погаснуть огоньку, который некогда освещал так ярко положение литературных партий и помогла скрытому обмену политических идей между ними. Известно, что Белинский к концу своего поприща склонялся признать разумность некоторых положений своих противников, но продолжатели его не хотели и слышать о каких-либо уступках. По-своему они были правы. При том гнете, который лежал на печати, единственная возможность заявить себя бодрым еще и действующим организмом заключалась для журналистики в возобновлении старой литературной полемики.

К подобному же заключению приведена была и партия славянофилов. Борьба снова завязалась, но теперь она походила уже на струю той сказочной живой воды, которая имела силу воскрешать мертвецов, ею окропленных; сражались уже не живые люди, а мертве-

изменением, в оригинале она звучит так: «Поспоривши со мной и видя, что я глуп до святости, они оценили все в 35 фр. и взяли пошлины — 3½ франка». *Белинский В. Г. Собрание сочинений* : в 9 т. Т. 9: Письма 1829–1848 годов / Под ред. В. И. Кулешова. М., 1982. С. 651. Письмо от 17/29. IX.1847 г., Берлин.

цы, что доказывалось их оружием: повторением старых, некогда столь новых и ярких тем, подогретыми останками прежней бойкой речи, намеками на давние смелые и теперь обветшалые положения и проч.» (с. 482–483).

В этом пассаже можно, как кажется, расслышать и отголосок остроты начала 1860-х, то есть уже следующего по отношению к описываемому Анненковым десятилетия — пущенной про аксаковскую газету «День», что в ней, мол, «сотрудничают покойники» (поскольку первые номера были обильно наполнены публикациями к тому времени скончавшихся Хомякова и Конст. Аксакова).

Уже для начала 50-х, согласно Анненкову, попытка длить спор «западников» и «славянофилов» — суть «воскрешать мертвецов». Однако особенный интерес представляет настойчивое стремление Анненкова к усложнению характеристики идейных споров «замечательного десятилетия», дифференцированному описанию. Если общее значение их определяется как «зарождение политического смысла»⁸, то развернутые характеристики посвящены реальному наполнению данной формулы.

Примечательным образом крайности спора «западников» и «славянофилов» Анненков относит к периоду до 1845 г. — при этом, собственно, характеристики тогдашних отношений в текст «Замечательного десятилетия» он практически не включает. 1845 г. становится в изложении Анненкова рубежным — при этом в его интерпретации шаг к сближению делается славянофилами:

«[...] пока в славянской партии господствовало полное отрицание европеизма, невозможно было никакое примирение и соглашение. Через это препятствие именно и перешагнули Киреевские, Хомяков и их друзья, когда в 1845 году приняли в свои руки редакцию журнала “Москвитянин”. Они сделали первый шаг навстречу западникам. Можно сказать, что новые редакторы “Москвитянина”, овладевая журналом, ничего другого и не имели в виду, как правильного, с их точки зрения, постановления и разрешения вопроса. Тогда и оказалось с первого же раза, что для

⁸ «Первые проблески некоторого политического смысла зародились у нас только в разгаре великого спора между славянофилами и западниками, там они и окрепли[...]» (с. 174).

славянской партии тип европейской цивилизации столько же дорог, как и любому европейцу, но дорог не как готовый образец для подражания, а как надежный вкладчик в капитал собственных умственных сбережений русской народной культуры, как хороший пособник при обработке ею самой своего капитала» (с. 243–244).

В трактовке реакции «западников» на это движение Анненков вводит принципиальное разграничение на «московскую» и «петербургскую западную» партии (см., напр., с. 250, 274–280), замечая:

«Сохраняя все свои отличия и свою независимость, не признавая очень многие из положений славян, которыми они окрашивали и дополняли главную тему о пользе и необходимости изучения Европы, а особенно не отрекаясь от права и обязанности энергически противиться при случае выводам, которые они делали из истории, как русской, так и европейской вообще — московская западная партия признавала, однако же, важность их последнего profession de foi и приняла необходимость и законность уступок и со своей стороны. [...] Но Белинский оставался вне этого движения» (с. 250).

Именно в споре по поводу «антинациональных выходок» Белинского — в Соколове летом 1845 г. между Герценом, Грановским, Кетчером и др. — Анненков находит у части «московской западной партии» начало отхода от «темной стороны нашего западничества», «кичливости образованностью» и «проявление мысли[...] о необходимости более разумных отношений к простому народу, чем те, которые существовали в литературе и в некоторых слоях мыслящих людей» (с. 256). Чуть далее Анненков пишет: «Причины разладицы увеличивались все более и более между друзьями: в борьбе с славянофилами Белинскому приходилось задевать и всех их союзников, старых и новых. Недоразумения копились, поэтому в лагере западников почти при всяком обмене мыслей между старыми друзьями» (с. 266)⁹. Однако

⁹ Ср. замечательный по напряжению фрагмент, посвященный спору Белинского с Кудрявцевым (с. 268–269); по поводу последнего Анненков отмечает: «Устами Кудрявцева говорила известная часть Московского университета» (с. 269).

уже в характеристике, относящейся к 1846 г., содержится существенная переоценка:

«Освободившись от страха видеть заключение спора, так много стоившего ему, каким-нибудь простым компромиссом между партиями, Белинский уже спокойнее и объективнее отнесся к самому вопросу о доле, какую должны иметь и имеют народные элементы в культурном развитии страны. Теперь (1846), когда оказалось, что дело обличения заносчивой пропаганды и излишеств национальной партии может рассчитывать на старых сподвижников, спокойный ответ на вопрос значительно облегчился. Нельзя уже было не видеть, что учение о народности как повод к изменению нынешних условий ее существования имеет весьма серьезную сторону; только опираясь на это учение, открывалась возможность говорить об ошибках русского общества, повредивших чести и достоинству государства» (с. 282).

1846–1847 гг. в изложении Анненкова оказываются (с сильным влиянием ретроспективного взгляда) тем временем, когда ««славянская» партия [...] приобретала с каждым днем все более и более влияния и подчиняла себе умы, даже и не очень покорные по природе, и подчиняла одной своей проповедью о неузнанной, несправедливо оцененной и бесчестно приниженной русской народности» (с. 282) — и своеобразие «славянофильства» определяется именно тем, что «партия успела ввести в кругозор русской интеллигенции новый предмет, нового деятельного члена и агента для мысли — именно народ» (с. 283).

Фигура Белинского в контексте этих споров принципиально лишается однозначности — с одной стороны, именно он придает им остроту и провоцирует крайности размежевания направлений (с. 266 и сл.), с другой — он же в последний период своей публицистической деятельности характеризуется как склонный признавать многое верным из славянофильских утверждений,двигающийся к пересмотру своей позиции¹⁰ — теперь уже для «молодой

¹⁰ Здесь примечательна трактовка Белинского Анненковым — он, вслед за уже сложившейся традицией, подчеркивает его движение, перемены воззрений и т. д., но при этом не останавливается на последних годах как на некой итоговой позиции. Согласно и воспроизведение Анненковым устоявшейся трактовки Белинского оборачивается против нее — поскольку в свою очередь подвергающимся пересмотру, переоценке мыслится и «зрелый» Белинский, вновь го-

редакции нового “Современника”» его позиция оказывалась неудобной, в силу собственно журнальных обстоятельств. И подводя общий итог, Анненков утверждает:

«Таким образом, разрешалась долгая полемика Белинского с лютейшими своими врагами» (с. 285).

Связь «Замечательного десятилетия» с «Былым и думами» и влияние последних на записки Анненкова лежит на поверхности и общеизвестна. Нам, однако, представляется важным обратить внимание на один из аспектов этой связи — реакцию Анненкова на неопубликованный при жизни Герцена и впервые изданный только в 1915 г., в составе «Полного собрания сочинений и писем А. И. Герцена», «Рассказ о семейной драме». Познакомиться с ним Анненкову довелось в связи с обсуждением между наследниками Герцена вопроса о публикации этого текста — в рамках подготавливаемого Г. Н. Вырубовым и Н. А. Тучковой-Огаревой зарубежного издания сочинений Герцена. Поскольку у всех заинтересованных лиц не было единого мнения — вопрос был передан на рассмотрение Тургеневу, в свою очередь консультировавшегося с Анненковым, который в целом рекомендовал, во избежание скандала, который был бы вызван неминуемым столкновением с Гервегами, воздержаться от публикации, что в итоге и произошло¹¹. Тургеневу 8. II. 1876 г. Анненков писал:

«[...] надо приостановиться. Того требует уважение к памяти замученной страдальцы и к дороговому имени, которое она носила. Пытка и после смерти, да это ужас!»¹².

Возможно, некоторая экзальтированность тона — не только «зеркалень» интонации только что прочтенной герценов-

товый совершить ход, подобный тем более или менее радикальным отречениям, которые присущи ему во всей предшествующей эволюции.

¹¹ См.: *Житомирская С. В.* Судьба архива Герцена и Огарева // *Литературное наследство. Т. 96: Герцен и Запад / Отв. ред. С. А. Макашин, Л. Р. Ланский.* М., 1985. С. 563–565.

¹² *Анненков П. В.* Письма к И. С. Тургеневу: в 2 кн. Кн. 2: 1875–1883 / Изд. подгот. Н. Н. Мостовская, Н. Г. Жекулин. СПб., 2005. С. 29.

ской исповеди, но также и учет того обстоятельства, что письмо вероятно будет показано Тургеневым герценовскому семейству. Как бы то ни было, в «Замечательном десятилетии» Анненков старается дать не только другой — по отношению к оставленному Герценом в «Былом и думах» — образ Натальи Александровны, но и дает собственную трактовку «семейной драмы», осмысляя и переинтерпретируя герценовский текст.

Описывая лето 1845 г. в Соколово, Анненков дает беглый отзыв о Н. А.: «Жена Г[ерцена], со своим мягким, едва слышным голосом, со своей ласковой и болезненной улыбкой, со всем своим детски-нежным, хрупким и страдающим видом, обладала еще страстностью характера, пламенным воображением и очень сильной волей, что и доказала на деле при начале своей жизни и при конце ее» (с. 251). Тему перемены Анненков вводит постепенно, варьируя в сущности одно и то же рассуждение, подготавливая развернутое изложение своего понимания «семейной драмы». Первое упоминание содержится в гл. XXXI, описывающей первую парижскую встречу с Герценом:

«Жена Г[ерцена] после первой недели своего пребывания в Париже представляла уже из себя совсем другой тип, чем тот, который олицетворяла собою в Москве. Впрочем, внутренняя переработка, изменившая ее нравственную физиономию, началась еще там, — как буду говорить, — и только завершилась в Париже. Из тихой, задумчивой, романтической дамы дружеского кружка, стремившейся к идеальному воспитанию своей души и не делавшей никаких запросов и никаких уступок внешнему миру, она вдруг превратилась в блестящую туристку, совершенно достойную занимать почетное место в большом, всесветном городе, куда прибыла, хотя никакой претензии на такое место и не заявляла. Новые формы и условия существования вскоре вытеснили у нее и последнюю память о Москве. Быстрота всех подобных внешних и внутренних метаморфоз, испытываемых русскими людьми, зависела, кроме их предрасположения к ней, еще и от многих других причин» (с. 288–289).

Последняя фраза, резко расширяющая рамку — с Н. А. до «русских людей», испытывающих «подобные [...] метаморфозы» — служит Анненкову переходом к описанию русской колонии в Париже: к Бакунину, Сазонову, Головину (и далее к описанию сво-

его знакомства с Марксом). Только полторы главы спустя, описав революционные порывы Бакунина и реакцию московских знакомых на «Письма из Avenue Marigny», Анненков ненадолго возвращается к Н. А., замечая:

«Если Г[ерцен] [...] понес на себе следы парижской жизни, то тем менее могла избежать заразы опьяняющей атмосферы большого города тихая, сосредоточенная жена Г[ерцена]. Она преобразилась в истую парижанку, усвоила себе яркую демократическую окраску и горячо принимала к сердцу интересы французской жизни, восторгаясь и любясь разными более или менее бедными и страдающими людьми, выброшенными ею на улицу, и особенно теми полубуржуа и полуроботниками, которые, кроме размышлений о форме будущего неизбежного переворота, никакого другого занятия на свете не имели. Дом Г[ерцена] сделался подобием Дионисева уха, где ясно отражался весь шум Парижа, малейшие движения и волнения, пробегавшие на поверхности его уличной и интеллектуальной жизни» (с. 311).

Роль ключевого виновника всего происшедшего Анненков отводит Огареву:

«Он и привил к обоим своим друзьям, Г[ерцену] и его жене (особенно к последней), воззрение на право каждого располагать собой, не придерживаясь никакому кодексу установленных правил, столь же условных и стеснительных в официальной морали, как и в приватной, какую заводят иногда дружеские кружки для своего обихода. Нет сомнения, что воззрение О[гарева] имело аристократическую подкладку, давая развитым людям с обеспеченным состоянием возможность спокойно и сознательно пренебрегать теми нравственными стеснениями, какие проповедряются людьми, не знавшими отроду обаяний и наслаждений полной материальной и умственной независимости. В основе его лежало еще и уважение к физиологическим требованиям лица, которые менее всего признавались демократическими умами, искавшими установить общие правила и начала даже и для органических и психических отличий человека. Оно пришло по вкусу тогдашнему Г[ерцену], выбитому из обыденной коли московского дружеского существования, и это обстоятельство, вместе с сохранившейся нежностью к товарищу своего детства, объясняет то высокое мнение

об О[гареве], которое не раз выражал Г[ерцен], называя его свободнейшим человеком и умнейшей головой в России. То достоверно, что влияние О[гарева] имело неисчислимые последствия для самого Г[ерцена], а также и для жены его¹³.

Вся эта работа передвижения с одной точки зрения на предметы на другую, начавшаяся с появления О[гарева] в Москве, в 1846 году, шла, однако же, гораздо медленнее у Г[ерцена], чем у его жены. Г[ерцен] не скоро отделался от первоначальной философской своей закваски. Несмотря на свое отречение от статуй идеалистического ордена, к которому принадлежал, несмотря на попытки секуляризировать, так сказать, свою жизнь, Г[ерцен] долго и потом сохранял на себе печать, приемы и сословные отличия своего прежнего звания. [...] Запас старых и никогда вполне не растроченных моральных убеждений составлял у Г[ерцена] уже ненужный к ним придаток; потерял значение регулятора мыслей и существовал без цели, мешая уверовать в нравственную сторону предметов окончательно и не имея силы совсем упразднить их в глубине совести как ложные и подтвержденные продукты одного общественного болезненного недуга. Положение могло выйти трагическим — и впоследствии таким и вышло.

Наоборот, разложение старых теорий и представлений отразилось полнее и решительнее на душе бедной, восприимчивой по характеру и природе — жене Г[ерцена], и переработало ее окончательно. Реакция против условий московского существования началась у нее с того мгновения, когда она почувствовала непреодолимое отвращение к буржуазным добродетелям, которые составляли основу всего быта, окружавшего ее, но она внесла еще страсть в свою критику. Ей уже сделались не только скучны, но и подозрительны доблести при домашнем очаге, семейный героизм, всегда довольный и гордый самим собой, и вечное прославление всех тех пожертвований, тру-

¹³ Обрисовки Огарева Анненков касается и ранее, в повествовании о лете 1845 г. в Соколове, отмечая: «[...] О[гарев], возвратясь на родину в 1846, производил такое обаяние своей поэтической личностью, что сделался почти чем-то вроде директора совести — *directeur de conscience* — в двух семьях — у Г[ерцена] и у А. Тучкова. Дамы обеих семей упивались написанными им тогда поэтически-философскими и социально-скорбными стихотворениями “Монологи”, да и мужская половина семей, как оказалось впоследствии, подпала влиянию поэта не менее женской. Тайна этого обаяния заключалась в какой-то апатической, ленивой нервозности характера, позволявшей О[гареву] постепенно достигать крайних границ как в жизни, так и в мысли и уживаться, страдая, со всеми самыми невозможными положениями легко, как у себя дома» (с. 258, прим.).

дов и добровольных лишений, которые сносились перед ее глазами на алтари разных более или менее почтенных молохов, величаемых, по ее мнению, идеями. С пробудившейся жаждой к расширению своего существования она возненавидела нескончаемое хождение все в одну сторону, посолонь, и объясняла устройство этой невыносимой церемонии, походившей в ее глазах на раскольничье радение, частью тем, что она необходима жрецам кружка для прикрытия их слабой, апатической, ограниченной природы, а частью тем, что она доставляет вообще бедным инстинктам и побуждениям потеху гордого самоуслаждения» (с. 315, 316–317).

Здесь, отражая, видимо, и парижские разговоры с Герценами, и суждения московского круга, Анненков — подобно тому, как Герцен возлагал на первую жену Огарева вину за охлаждение, постигшее их дружбу и нарушившую дружеский союз — вменяет Н. А. степень отторжения от московских друзей:

«Никогда так радикально не относился сам Г[ерцен] к старому кружку друзей, никогда не выказывал столько жестокости и несправедливости в приговорах над ним, никогда не отзывался о нем с такой ненавистью, цenia, однако, даже в спорах с старым кружком немаловажные усилия его членов выносить жизненные тягости времени наиболее мужественно, благоразумно и независимо. Но все это пропало из вида его жены, заменилось какой-то наивной, незлобливой диффамацией прежних друзей, как только приходилось вспоминать о них. Жена Г[ерцена] возлагала еще на ответственность старых знакомых и долгую скуку прежней своей жизни, между тем как настоящей причиной этой скуки был, как скоро выяснилось, запоздалый, мечтательный и бесплодный романтизм» (с. 317).

Примечательна возникающая двойственность «романтизма» — ведь в одном из первых замечаний о Н. А. он характеризует ее как «тихую, задумчивую, романтическую даму» (с. 288), в противоположность последующей перемене — тогда как сама перемена объясняется именно «романтизмом». В гл. XXXIII Анненков дает три сценария, три варианта романтической коллизии — от крайности, в которую впадает Н. А., в поиске романтического переживания, к более умеренному переживанию, присущему Герцену — и Боткина, который, расставаясь с романтическими ил-

люзиями, бросается в противоположную крайность цинизма (с. 322). Двойственность трактовки присутствует и здесь — поскольку увлечение и внезапный брак Боткина с Арманс объясняется «крайним идеализмом» (с. 322), но в свою очередь «идеализм» же выступает тем связующим звеном, основанием дисциплины кружка, от которого избавляются Герцен с Натали:

«И ей, как и мужу ее, страшно надоела дисциплина, которую ввел и неуклонно поддерживал тогдашний идеализм между друзьями. Наблюдение за собой, отметание в сторону как опасного элемента некоторых побуждений сердца и природы, неустанное хождение по одному ритуалу долга, обязанностей, возвышенных мыслей, — все это походило на строгий монашеский искуc. [...] Но куда ни обращала она свои глаза — ничего похожего на порядочный романтизм, нигде не оказывалось налицо вокруг нее. Она была счастлива в муже, в семье, в друзьях — и страдала отсутствием поэзии, которая не сопровождала все эти благодатные явления в той мере, как бы ей хотелось. Она предпочла бы поэтические беды, глубокие несчастья, окруженные симпатией и удивлением посторонних, и минутные упоения — тому простому безмятежному благополучию, которым наслаждалась. Задачей ее жизни сделалось, таким образом, обретение романтизма в том виде, как он существовал в ее фантазии; за ним она и погналась со страстию и неутомимостью искателя волшебных кладов, надеясь когда-нибудь напасть на его след и вкусить от той испробованной немногими смертными амброзии возвышенных чувств, какую он готовит для своих верных слуг, — узнать отраду небесных ощущений, им доставляемых» (с. 314–315, 317–318).

Совсем кратко описывая собственно содержание «семейной драмы» Герценов, Анненков заключает: «Долго отыскиваемый романтизм явился теперь перед женой Г[ерцена] в великолепном, ослепительном виде! Лознгрин со сказочных высот был перед нею налицо и только подойдя к нему ближе, она вдруг увидела, какой странный образ скрывается за ангельской маской, им усвоенной, — и в ужасе, последним сверхъестественным движением воли, она вырвалась из его рук, измученная и оскорбленная. [...] И вот чем кончался романтизм для бедной женщины, предавшейся ему и поплатившейся за него жизнью, и вот как разрешались столкновения наивной природы с человеком, принадлежащим

к типу людей, встречающихся на Западе и вооруженных с головы до ног, как для доблестных, так и для всяких других подвигов» (с. 319).

Примечательной особенностью этого текста явилось то, что он во многом откликался, дополнял, переосмыслял — в свете собственных воспоминаний Анненкова и его позднейших размышлений над опытом своего поколения — «Рассказ о семейной драме» Герцена, который, однако, оставался еще долгое время недоступен читателю. Так что в результате на основании написанного Анненковым история Герценов представала — именно потому, что оставалась по существу так и не рассказанной Анненковым — в рамках хрестоматийных романских сюжетов, став толчком к распространённому, нашедшему отражение в том числе в романе Н. И. Утиной¹⁴ (опубликованному на страницах «Вестника Европы», где публиковалось и «Замечательное десятилетие»), представлению о Н. А., уходящей к Гервегу и затем возвращающейся к оставленному супругу и т. п.

¹⁴ «Жизнь за жизнь», под псевдонимом Н. И. Таль (Вестник Европы. 1885. № 4, 6).

В. Н. Коробейников

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ Н. Ф. БУНАКОВА — ГИМНАЗИЧЕСКОГО УЧИТЕЛЯ Г. В. ПЛЕХАНОВА

В исторической литературе о Николае Федоровиче Бунакове освещалась, по преимуществу, его педагогическая деятельность. Развитие общественно-политических взглядов, его публицистическая и писательская деятельность почти не исследованы. Тем не менее, представляет интерес связь демократических установок Бунакова, сформировавшихся в 1850-х — начале 1860-х гг., с его учебно-воспитательной практикой в Воронежской военной гимназии в 1866–1873 гг., когда там учился Г. В. Плеханов. Вспоминая своего учителя русского языка и словесности, он говорил: «Я обязан ему весьма многим. Он привил мне любовь к словесности, приучил говорить и писать правильно, определенно, ясно и просто». Кроме этого утилитарного результата учительства Бунакова, за ним заслуга привития у Плеханова революционно-демократических идеалов¹.

РАЗВИТИЕ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ БУНАКОВА ДО ПОСТУПЛЕНИЯ НА СЛУЖБУ В ВОРОНЕЖСКУЮ ВОЕННУЮ ГИМНАЗИЮ²

Николай Федорович Бунаков (26.11(8.12).1837 — 8(21).11.1904) родился в Вологде. Отец его Федор Николаевич служил прави-

¹ Александров И. Один из первых учителей Плеханова // Группа «Освобождение труда». Сборник № 5. М.; Л., 1926. С. 37–41.

² Хронология жизни и формирования взглядов Бунакова прослеживается с использованием его воспоминаний «Записки Н. Ф. Бунакова. Моя жизнь, в связи с общерусской жизнью, преимущественно провинциальной. 1837–1905». СПб., 1909. Ссылки на эту книгу приводятся по тексту в круглых скобках.

телем канцелярии вологодского военного губернатора. Мать — Прасковья Петровна, урожденная Матвеева, вышла замуж за Ф. Н. Бунакова после смерти первого мужа — вологодского помещика Березкина.

Учеба и воспитание Н. Ф. Бунакова прошли в николаевское время. В ранней юности, во время Крымской войны, он был свидетелем «высоко-патриотического одушевления и гордой уверенности» провинциального дворянства, «что скоро доблестное русское воинство «закидает врагов шапками». Балы и любительские спектакли в пользу «русского победоносного воинства» сменялись тогда в Вологде один за другим (23). Дворянство Грязовецкого и Кадниковского уездов в 1854 г. предложило финансовую помощь русской армии. На военные нужды собрано было 30 тысяч рублей (по 30 копеек с ревизской души), за что император повелел объявить вологодскому дворянству высочайшую благодарность³. Общество верило в военное могущество России и неизбежность ее победы над врагами. Чувства патриотизма испытал и Николай Бунаков. Увлекавшийся, как и другие гимназисты, стихотворчеством, он написал стихотворение «Самодержавие» и прочел его 20 декабря 1853 г. на торжественном акте в стенах гимназии⁴. Оно начиналось строфой:

«Счастлив народ, спасительно хранимый
Самодержавия могучею рукой:
Он царственный покой блюдет непорушимо;
Он движим волею властителя одной...»⁵.

Изменение и развитие взглядов Бунакова после окончания гимназии происходило под воздействием неудачного для России исхода Крымской войны, остро воспринимавшегося обществом. Историк С. М. Соловьев писал в своих записках: «... когда Россия стала терпеть непривычный позор военных неудач, когда вра-

³ Савицкий И. П. Собрания вологодских дворян в середине XIX — начале XX века // Вологда. Краеведческий альманах. Выпуск 3; Государственный Архив Вологодской Области (ГАВО). Ф. 31. Оп. 1. Д. 50/809. Л. 67–68.

⁴ Вологодские губернские ведомости. Неофициальная часть. Губернские известия. 1853 г. № 52. Чтение стихотворения Бунаковым организовано было торжественно: вслед «за ним хор провозгласил — “Отцу небес благодаренье”».

⁵ Бунаков Н. Самодержавие // Вологодские губернские ведомости. Неофициальная часть. 1854 г. № 19. С. 215–217.

ги явились под Севастополем, мы находились в тяжком положении: с одной стороны, наше патриотическое чувство было страшно оскорблено унижением России; с другой, мы были убеждены, что только бедствие и именно несчастная война, могло произвести спасительный переворот, остановить дальнейшее гниение...; мы терзались известиями о неудачах, зная, что известия противоположные, приводили бы нас в трепет»⁶. У «новых людей» смерть Николая Первого 18 февраля 1855 г. вызвала чувство облегчения; они испытали, писал Н. В. Шелгунов, «ликующий восторг...», точно небо открылось над ними, точно у каждого свалился с груди пудовый камень, куда-то потянулись вверх,вширь, захотелось летать»⁷. В вологодской провинции те, кто прежде был уверен в победе, испытывали разочарование и горечь от поражений, осуждали бездарных военачальников и пороки окружающей жизни. Появились листки герценовского «Колокола», распространителями которых стали ветераны обороны Севастополя, «рассылаемые по России городничими и командирами инвалидов команд». «Эти либералы с тяжкими ранами, на костылях, с увечьями и естественным озлоблением в душах, — писал Бунаков, — без церемоний громили русские порядки, рассказывали настоящие ужасы про бедствия русских войск, про невежество военачальников, про воровство и продажность чиновников», возбуждая тревожные настроения в обществе (36). Хотя правительство сохраняло в своих руках полноту власти, но авторитета над умами подданных после катастрофы Крымского поражения еще не имело. Бунаков подцензурно писал: «Сила обстоятельств требовала упразднения крепостного права, гласного суда и земского самоуправления. Эта сила обстоятельств будоражила молодежь, общество, гнула в три погибели крепостников, бюрократов и правительство» (36). Этим обстоятельством был главный вопрос русской жизни — крестьянский. Новый царь, осознавая возраставшую опасность бунта снизу, был вынужден признать необходимость отмены крепостного права⁸. Александр Второй 30 марта 1856 г.

⁶ Соловьев С. М. Записки. Петроград, Б. г. С. 150. См. также: Вестник Европы. 1907. Т. 3. Кн. 6. С. 463.

⁷ Отрывок из воспоминаний Н. В. Шелгунова (первоначальный набросок) // Шелгунов Н. В. Воспоминания. Москва; Петроград, 1923. С. 26.

⁸ Количество крестьянских выступлений против помещиков прогрессивно увеличивалось. Крепостные отказывались нести повинности и платить подати; самовольно запахивали помещичьи земли, рубили помещичий и казённый лес.

в речи перед московскими, губернским и уездными, предводителями дворянства заявил, что слухи о его желании «дать свободу крестьянам» — несправедливы, но гораздо лучше, «чтобы это произошло свыше, нежели снизу...»⁹. Это время в русской жизни названо было Ф. И. Тютчевым «оттепелью». Тогда, по словам Бунакова, «новое перепутывалось со старым» (36). Быстрое распространение и успех изданий Герцена сочетались с «лакейскими адресами, подносимыми с затаенным “зубовным скрежетом”» (37). Это было время начала складывания мировоззрения Бунакова как демократа и гуманиста, поиска им своего места в окружающей жизни.

В 1854 г., после 9 лет учёбы, он окончил вологодскую гимназию. Учителя Н. П. Титов и Н. П. Левитский научили его «любить родной язык, стремиться понимать его и владеть им»¹⁰. Преподаватель словесности Николай Петрович Левитский, «знаток и поклонник Пушкина, Гоголя и Белинского», содействовал развитию у своего ученика «любви к чтению и литературных наклонностей, умению владеть языком и критически относиться к своему изложению» (15). Провинциальные училища и гимназии в николаевское время не ограничивались министерством народного просвещения в получении цензурированной литературы и журналов. В библиотеке вологодской гимназии, которой распоряжался Левитский, были книги не только русских авторов, но и переводы Диккенса, Гёте, Байрона, Шекспира. Ученики читали критические статьи Белинского в «Отечественных Записках» и в «Современнике», «Обыкновенную историю» Гончарова, «Бедных людей» Достоевского, рассказы И. С. Тургенева, Григоровича, Писемского, Л. Н. Толстого, статьи Кавелина, Грановского и даже публицистику Герцена. «Начитавшись Белинского», Бунаков сделался, по его словам, «одним из первых гимназических сочинителей» (17). В декабре 1852 г. на торжественном акте в гимназии он читал написанное им сочинение об элегии Батюшкова «Умиравший Тасс»¹¹. Из его гимназических работ в «Неофициальной части Вологодских губернских ведомостей» в 1854 г. опубликовано было сочинение «О народных исторических песнях периода та-

⁹ Голос минувшего. 1916. № 5–6. С. 393.

¹⁰ Латышев В. Бунаков Николай Федорович // Критико-биографический словарь русских писателей и ученых под ред. С. Венгерова. Т. 5. СПб, 1897.

¹¹ Вологодские губернские ведомости. Неофициальная часть. Губернские известия. 1852 г. № 52. С. 592.

тарщины»¹² (17). За эту публикацию цензор губернских ведомостей Ельницкий (учитель гимназии) получил выговор начальства от того, что «в сочинении все говорится о народе и не упоминается о царе» (18). Гимназию Бунаков окончил, по его словам, обладая «искусством владеть языком в прозе и в стихах», и с «горячим стремлением к литературным занятиям» (20). 17-летнему воспитаннику, выделявшемуся успехами в гуманитарных предметах, предложили стать учителем русского языка и словесности в училище одного из уездов. Директор гимназии Власов, исполнявший обязанности директора училищ Вологодской губернии, писал попечителю Петербургского учебного округа: «Г. Бунаков во время гимназического курса отличался своей любовью к словесности, много писал сочинений..., от него можно ожидать весьма хорошего преподавателя по этому предмету. При даче экзамена на звание учителя русского языка в уездном училище его устные ответы по русскому языку были признаны отличными, письменные — весьма удовлетворительными. Пробную лекцию на тему: “Объяснение начал, на которых основано разделение слов на части речи” (имелось в виду объяснить это самым простым, удобопонятным языком, предполагая слабое развитие учеников уездного училища) г. Бунаков прочел ясно, последовательно и подробно»¹³. Он был определен на должность учителя русского языка и словесности в училище города Тотьмы, в 200-х верстах от Вологды, куда выехал в ноябре 1854 г. (27). Там, как и в губернской гимназии, была хорошая библиотека, в которой, когда наступило оживление в журналистике, Бунаков читал литературно-политические журналы: «Современник», «Русский вестник», «Русскую беседу». В библиотеке училища он нашел магистерскую диссертацию Чернышевского «Эстетические отношения искусства к действительности», чтение которой, как он писал, зародило в нем «много дум» (32). К учительству в Тотьме, по собственному признанию, он относился без увлечения. Больше склонности обнаружилось у него «к занятиям политической экономией, этнографией и статистикой». Здесь он встретился со своим гимназическим товари-

¹² Бунаков Н. О русских исторических песнях ига монгольского // Вологодские губернские ведомости. Неофициальная часть. Смесь. 1854. №№ 38, 39. С. 405–409; 415–419.

¹³ Гольдина А. М. Учитель учителей // Вологодский край. Вып. 1. Вологда, 1959; <https://www.booksite.ru/lichnostry/index.pxp?action=getwork&id=218&pid=165&sub=workabout>.

щем Ю. С. Лыткиным¹⁴, когда тот, плывя на крытой лодке по реке Сухоне в себе на родину в Усть-Сысольск, остановился на несколько часов в Тотме. Лыткин с 1854 г. учился в Петербургском университете и был увлечен изучением этнографии и истории родных ему зырян, а теперь возвращался на летние каникулы. После его рассказов «о Петербурге, об университете, о товарищах, о работах и планах» Бунаков остался «в самом возбужденном состоянии» (32, 35). Увлеченность Лыткина фольклором, историей и языком своего народа, по-видимому, повлияли на последующие занятия Бунакова по изучению истории Вологодской губернии и народа, ее населяющего. Изменилось и его отношение к обязанностям учителя. Он стал читать педагогические журналы и под их влиянием глубже вникать в свою работу, появилось стремление к усовершенствованию в педагогическом деле. В отчете тотемского училища за 1856 г. записано: «Особенного внимания заслуживает за способность преподавания учитель русского языка Бунаков»¹⁵.

В 1857 г. его перевели в уездный город Кадников в 40 верстах от Вологды (38). Там, кроме учительского дела, он «с удвоенным усердием принялся за книги и перо» (39), стал писать и публиковать свои работы в периодической печати, по большей части в «Вологодских губернских ведомостях». Благодаря близости к губернскому городу, что позволяло заниматься изучением архив-

¹⁴ Георгий (Юрий) Степанович Лыткин (1835–1907) был основоположником национально-научной школы изучения этнографии и истории народов Коми, первый коми-лингвист, историк и литератор, этнограф и фольклорист. Родился Лыткин 25 мая (6 июня) 1835 г. в уездном городе Усть-Сысольске (ныне Сыктывкар) в семье купца 2 гильдии Степана Ивановича Лыткина. В 1848 г., окончив первым учеником уездное Усть-Сысольское училище, уехал учиться в вологодскую гимназию. В 1854 г. Лыткин поступил в Петербургский университет на юридический факультет. Через год он перевелся на монголо-калмыцко-тюркское отделение. В 1859 г. закончил учебу и был оставлен для подготовки к профессорскому званию. Затем в течение двух лет для сбора материалов по калмыцкому фольклору, истории и древней литературе он находился в Калмыцких степях Астраханской и Ставропольской губерний. 1 августа 1865 г. его определили сверхштатным преподавателем географии в 6-ю петербургскую (Ларинскую) гимназию на Васильевском острове, где он прослужил около 40 лет // *Терюков А. И.* История этнографического изучения народа Коми. СПб., 2011. С. 296–297. С 1861 г. он «сильно увлекся» студенческим движением, «стал горячим поклонником Чернышевского» // *Пантелеев А. Ф.* Воспоминания. М., 1958. С. 523.

¹⁵ *Гольдина А. М.* Учитель учителей: www.booksite.ru/lichnostry/index.pxp?action=getwork&id=218&pid=165&sub=workabout.

ных документов и других письменных материалов, он писал работы разной направленности: по истории, этнографии, народному эпосу, сельскому хозяйству и статистике Вологодской губернии. Под влиянием журналов тех лет Бунаков увлёкся идеей распространения просвещения в обществе и образования народа. В сентябре 1857 г. он опубликовал свой отклик на статью В. И. Ламанского¹⁶ «О распространении знаний в России»¹⁷. Сделав краткий обзор ее содержания, Бунаков поддержал предложение автора создать «Общество распространения знаний в России», заявив: «...полное благо государства и народа не ограничивается пределами материального благосостояния, но зависит также от умственного развития и образования, улучшающего хорошее, делающего менее дурным дурное...»¹⁸. Печатал он также статьи по народному образованию¹⁹, в которых проявилось осознание им значения для развития общества в целом просветительской службы учителя. В заметке об открытии казённым удельным головой Сорокиным на свои средства в селе Турундаево школы для крестьянских девочек Бунаков писал: «Сорокин обнаружил больше желания добра и готовности сделать его, больше светлости и современности во взгляде, нежели многие, считаемые, или, по крайней мере, считающие себя вполне образованными и прогрессивными людьми. Но если жалка и возмутительна эгоистическая отсталость в высшем обществе, то тем утешительнее благородный прогресс в низшем сословии. Чем не благовиднее первое явление, тем рельефнее, тем светоноснее выдается второе»²⁰. Радужные надежды на возможный прогресс в росте образованности городских жителей высказывал Бунаков в заметке «По поводу нового устава

¹⁶ Ламанский Владимир Иванович (1833–1914) — русский историк, славист, создатель школы в славяноведении, проводившей идеи славянофильства и панславизма. Из дворян. В 1854 г. окончил Петербургский университет. Профессор этого университета с 1871 г. В 1859 г. защитил магистерскую, в 1871 г. — докторскую диссертации. С 1900 г. — академик Петербургской академии наук.

¹⁷ Современник. 1857. Книга 5.

¹⁸ Вологодские губернские ведомости. Часть неофициальная. № 38. 21 сентября 1857 г. С. 265–270. Статья написана 25 июня 1857 г. и подписана «Николай Б».

¹⁹ *Седых К. Я. и др.* Николай Федорович Бунаков. Биобиблиографическое пособие. Воронеж, 2004. С. 9–10; *Соловьева В. Д.* Краткий библиографический указатель работ Н. Ф. Бунакова. Педагогические и литературные работы // Соловьева В. Д. Педагогические взгляды и деятельность Н. Ф. Бунакова. М., 1960. С. 176.

²⁰ *Н. Б-н-к-ва.* Сорокинская школа в селе Турундаево // Вологодские губернские ведомости. 1860. № 7. С. 54–55.

народных училищ»²¹. Основанием для этого он считал введение Попечительских советов при высших четырехклассных училищах для детей «торгово-промышленного городского сословия». Бунаков полагал, что представители этого сословия, входившие в Совет, наблюдая за учебным процессом, сами станут вовлекаться в получение знаний, необходимых им для «прогрессивного» ведения своих дел. По его мнению, Попечительские советы смогут иметь «широкое социальное значение, если им дано будет правильное направление»: «Уровень умственного развития массы, без всякого сомнения, быстро поднимется; учење сделается насущною нуждою и заботы о нем получают такое же значение, как заботы о материальных выгодах... С расширением умственного кругозора жителей возвысится и материальное благосостояние их. Основанное, согласное с потребностями, образование — шаг к процветанию городов, до сих пор бедствующих в застое. Вот что значит сблизить народные училища с народом, которому они должны служить, сделать их популярными, общедоступными, вывести от замкнутого, неподвижного, глухого прозябания к жизни широкой, открытой, движущейся»²². Исследования сельского хозяйства Вологодской губернии, охватывающие географические, климатические, этнографические и земельные вопросы, публиковались Бунаковым в 1858 г.²³ и в начале 1859 года²⁴. Рассматривалось им и развитие землевладения в губернии — такое его направление, как фермерство и аренда (наем) земли²⁵.

К концу 1857 г. вопрос об освобождении крестьян перешел в практическую плоскость: императором были изданы рескрипты Виленскому и затем Петербургскому генерал-губернаторам о создании губернских дворянских комитетов²⁶. В течение 1858 г. та-

²¹ Бунаков Н. По поводу нового устава народных училищ // Вологодские губернские ведомости. 1860. № 23. С. 171.

²² Там же. С. 172, 173.

²³ Бунаков Н. Сельскохозяйственный очерк Вологодской губернии // Вологодские губернские ведомости. 1858. № 5–29.

²⁴ Бунаков Н. Движение народонаселения в Вологодской губернии // Журнал министерства внутренних дел. 1859. № 1.

²⁵ Бунаков Н. Сельскохозяйственный очерк Вологодской губернии // Вологодские губернские ведомости. 1858. № 26. С. 229–231.

²⁶ 20 ноября 1857 г. был опубликован рескрипт Виленскому генерал-губернатору Назимову, а 6 декабря — Петербургскому генерал-губернатору графу Игнатьеву. Оба распоряжения предусматривали создание в трех западных и в Петер-

кие комитеты открылись по всей России. Процесс обсуждения реформы затронул и Вологодскую губернию. В Кадникове, в отличие от Тотьмы, которую населяли, по преимуществу, мещане и чиновники, жили помещики и действовало уездное дворянское собрание²⁷. Готовившаяся отмена крепостного права волновала местное благородное общество, состоявшее из душевладельцев. Бунаков, по всей вероятности, был сторонником безусловного освобождения крестьян и решения земельного вопроса в их пользу, о чем велась проповедь в «Русской беседе». По этой причине в Кадникове он попал «в недружелюбные отношения ко многим местным лицам» (41). Не смотря на литературные занятия, увлекавшие его, тоска охватывала Николая Федоровича от жизни, по его словам, «в этом полудиком обществе». Хандра и унылое настроение отразились в одном из его стихов:

«... Слава Богу, день прошел,
День прошел — и к смерти ближе, —
Он был скучен и тяжел...
Сон, иль смерть, скорей, сойди же!...» (42).

Спасением для его душевного равновесия стал перевод весной 1859 г. учителем русского языка в уездное училище в Вологде (42), благодаря директору училищ Вологодской губернии А. В. Латышеву, посетившему в 1858 г. в Кадникове уездное училище и обратившего внимание на талантливого молодого учителя²⁸. В это время готовились реформы в области образования и педагогики, в подготовку которых втянулись и вологодские учителя. Бунаков в Вологде, по собственному признанию, «с большим увлечением, более толково и правильно, стал вести свое учительское дело» и почувствовал «способность к учительству».

бургской губернии дворянских комитетов для составления проектов положения «об устройстве и улучшении быта помещичьих крестьян», но подчеркивалась необходимость сохранения существующего «хозяйственного устройства помещичьих крестьян» (Крестьянская реформа в России 1861 года. Сборник законодательных актов. М., 1954. С. 11).

²⁷ В пореформенный период в Вологодской губернии уездные дворянские собрания существовали в трех юго-западных уездах — Вологодском, Грязовецком и Кадниковском. Только на этих территориях проживало достаточное количество потомственных дворян для создания дворянских собраний.

²⁸ Гольдина А. М. Учитель учителей: <https://www.booksite.ru/lichnosty/index.ppx?acton=getwork&id=218&pid=165&sub=workabout>.

В своей службе он увидел осуществление собственных представлений о назначении учителя для прогресса российского общества. Через несколько лет он писал, что тогда, в начале 1859 г., под влиянием чтения «Русского вестника» и «Русской беседы», им владело желание бороться «с отсталостью и неразвитостью общества и общественными недугами»²⁹: «Самодурство губернское, надо тебя потрясти, надо тебе напомнить о значении человеческого достоинства, авось либо ты и дашь дух перевести беднякам, труженикам, над которыми ты надругалось столько тысяч раз!» — думал учитель³⁰. Среди местного общества он был в числе тех идеалистов, которые восторженно верили в осуществимость самых благих надежд: «В уравнивание сословий, и поднятие народного благосостояния; в распространение просвещения и в свободу печатного слова; в гласный суд и в земство, как венец всему, как некое подобие конституции» (43). Для этого, ему казалось, необходимо лишь изобличать зло, что он выразил в стихотворных строфах:

«Проснулись мы. Вперед, вперед!
Был темный век, но солнце встало,
Кругом сиянье разбросало, —
И утра наступил черед.
Лучом грядущего светила
Перед людьми озарены
Все бездны темной старины,
В которых семя правды гнило.
Проснулись мы. Пора пришла
Пройти за злом повсюду следом,
Изобличить его пред светом —
И с корнем вырвать плевела!» (43).

По прошествии многих лет Бунаков пришел к убеждению, что, вопреки ожиданиям, осуществилось немногое и «в таком мизерном виде, с таким ограничением и урезками, что «игра не стоила свеч» (44).

В Вологде он готовил к печати «запас материалов», привезенных из Кадникова, занимался литературным творчеством, писал статьи по вопросам общественной жизни, волновавшим его.

²⁹ Русское Слово. 1864. № 6. С. 199.

³⁰ Там же. С. 202.

Писал он и рецензии на спектакли в вологодском театре (45)³¹. В 1859 г., занимавшийся собиранием, изучением и анализом статистических данных, Бунаков стал производителем работ в Вологодском губернском статистическом комитете³². В этом качестве им был составлен обзор Вологодской губернии³³. С особым интересом он продолжал изучать состояние земледелия в губернии³⁴, называя эту область своих занятий «любимым изучением»³⁵. Судя по содержанию этой и других работ, Бунакова волновали вопросы благосостояния народа и, прежде всего, крестьянства. Развитие сельского хозяйства связывалось им с «рациональностью хозяйства» в природных и климатических условиях губернии, как результата деятельности образованных владельцев, так как крестьянам «необходимо постороннее влияние... полное правильных и честных стремлений, движимое любовью к народу, богатое знанием». Такое благотворное влияние на крестьян, по мнению Бунакова, должны были оказывать владельцы населенных имений (помещики) и «лица, поставленные блюстителями народного блага: окружной начальник, удельный депутат, если они несут и могут нести свои обязанности с любовью и знанием, в которых должна теплится отеческая любовь к народу..., который, как дитя, не может быть без хорошей няньки». В недостатке таких деятелей он видел причину того, «почему крестьянское хозяйство у нас чуждо прогресса, коснеет в рутине и не обновлялось нисколько в продолжение, может быть, не одного века». Для развития сельского хозяйства, по его мнению, «решительным толчком явился крестьянский вопрос», который хотя еще и не решен, «но движение уже началось и мы можем без оговорок сказать, — писал Бунаков, — что теперь сельское хозяйство этого края накануне своего процветания»³⁶. Предстоящая отмена крепостного права должна была привести к появлению новых форм землепользования в дерев-

³¹ П. Вконабу. Заметки вологодского жителя // Вологодские губернские ведомости. Часть неофициальная. 1858. № 2; Бунаков Николай. Слова два-три о театре // Вологодские губернские ведомости. Часть неофициальная. 1859. № 2.

³² Памятная книжка Вологодской губернии на 1860 год. С. 9.

³³ Бунаков Н. Вологодская губерния в 1859 году // Вологодские губернские ведомости. 1860. № 36, 37, 41–43, 50, 52.

³⁴ Северянин. Сельскохозяйственные очерки // Русский Дневник. 1859. № 133, 134, 135.

³⁵ Бунаков Н. Вологодская губерния в 1859 году. Земледелие и скотоводство // Вологодские губернские ведомости. 1860. № 50. С. 350.

³⁶ Там же.

не, признаки которых он видел в «фермерстве и обработке земли наймом». Он оптимистично утверждал, что эти новые формы хозяйства, которые «принялись на нашей почве с полным успехом, скоро охватят весь край, с их благодетельными последствиями, с их могучим влиянием»³⁷. Как и в других своих печатных работах того времени, Бунаков и в сельском хозяйстве условием развития считал необходимость научения народа, проводниками которого должны стать представители образованных сословий, стоящие над крестьянством, или управляющие им от имени власти. Существующую общинную форму землевладения в деревне, а также передел земель с торгов в городе он подвергал критике, полагая, что регулярные переделы общинных земель, при которых земледелец не является собственником своего надела и не заинтересован в его агрономическом улучшении, служат препятствием к стремлению крестьян улучшать обработку земли. Городские же торги на землю, насущно необходимую жителям, ведут к ее удорожанию и разорению наиболее бедных из них. «Одна только частная поземельная собственность, — утверждал Бунаков, — может вполне соответствовать свободе и разделению труда, потребность в которых так чувствуется в настоящее время, и улучшит экономический быт жителей»³⁸. Социальные последствия свободных торгов при аренде земли для мещанского населения провинциальных городов показаны были им в одном из литературных сочинений³⁹.

В условиях гласности, ставшей доступной для русских журналов и газет после восшествия на престол Александра II, в результате вынужденных для правительства послаблений в цензуре над печатью, особое значение приобретала публицистика. «Стремлением обличать» пороки «благородного общества», увлекся и Бунаков⁴⁰. Чтение либерально-западнического «Русского вестника»⁴¹

³⁷ Бунаков Н. Вологодская губерния в 1859 году. Земледелие и скотоводство // Вологодские губернские ведомости. 1860. № 50. С. 351.

³⁸ Николай Бун... в. Торги на городские земли и передел сельских земель // Вологодские губернские ведомости. 1859. № 1. С. 2–3.

³⁹ Бунаков Н. Мешалкины // Библиотека для чтения. 1862. Март. С. 1–47.

⁴⁰ К. Я. Седых и др. Николай Федорович Бунаков: биобиблиографическое пособие. Вологда, 2004. С. 52–56.

⁴¹ Журнал «Русский вестник» основан был в Москве бывшим профессором Московского университета М. Н. Катковым при участии П. М. Леонтьева в начале 1856 г. На первых порах в «Русском вестнике» сотрудничали крупные русские писатели, поэты: Щедрин, Тургенев, А. Толстой, Плещеев, Огарев, Михайлов, А. Толстой; печатались статьи историка С. М. Соловьева. В области политиче-

влекло его к переменам в жизни, а славянофильское направление⁴² «Русской беседы»⁴³ отвечало интересу к изучению народной жизни. Целью «Русской беседы», сформулированной в объявлении о выходе журнала, являлась пропаганда русской народности, изучение русской жизни в её историческом развитии и утвержде-

ской «Русский вестник» сразу выступил за отмену крепостного права путем реформы «сверху», за освобождение общества от государственной опеки. Период этот продолжается не долго. Уже в середине 1860 г. Чернышевский имел все основания заявить на страницах «Современника»: «“Русский вестник” и наш журнал служат представителями двух различных принципов» (История русской журналистики XVIII–XIX веков. М., 1973. С. 318).

⁴² В объявлении о выходе журнала «Русская беседа», опубликованном в газете «Московские ведомости» (1856. № 27) заявлено было его славянофильское направление.

⁴³ Журнал «Русская беседа» издавался А. И. Кошелевым и Т. И. Филипповым и выходил с 1856 по 1860 гг. Здесь сотрудничали, кроме редакторов, А. С. Хомяков, И. В. Киреевский, С. Т. Аксаков, К. С. Аксаков, Ю. Ф. Самарин, В. А. Черкасский. Печатались: А. Н. Островский, М. Е. Щедрин, А. К. Толстой, Ф. И. Тютчев, В. И. Даль, историки М. П. Погодин и И. Д. Беляев, педагог и славист М. Ф. де-Пуле. В основе программы журнала лежала славянофильская доктрина, приспособленная к новым условиям эпохи конца 1850-х — 1860-х гг. Славянофилы по-прежнему защищали устои жизни, существовавшие в допетровской Руси, критиковали реформы Петра I и социально-политические преобразования на Западе, отстаивая «принцип народности». Касаясь воззрений славянофилов, К. С. Аксаков утверждал, что именно славянофилы через развитие русского воззрения стремятся к общечеловеческому, западники же «стоят за исключительно европейскую национальность, которой придают всемирное значение». Основная дискуссия по этому поводу разгорелась в 1856 г. В обсуждении проблемы народности славянофилам оппонировал, главным образом, «Русский вестник» в статьях М. Н. Каткова и Б. Н. Чичерина. К. Аксаков разъяснял славянофильский идеал общественного устройства: «правительству — сила власти, земле (народу) — сила мнения». Используя исторический материал, славянофилы развернули дискуссию о роли крестьянской общины, как первоосновы русской жизни. Неизменной частью славянофильского мировоззрения была борьба за общину, в отличие от Герцена и Чернышевского, они видели оплот против революции и социализма. Все эти идеи, характерные для славянофильского мировоззрения прежде, отразились в «Русской беседе». Теперь они дополнялись специальными материалами, посвященными крестьянскому вопросу, в которых выступали за освобождение крестьян с землей на основе общинного устройства и круговой поруки за выкуп, так же, как и либерально-западнические издания. Община в их представлении являлась хранительницей религиозно-нравственных устоев. Позицию славянофилов определяли нравственные соображения. Кошелев в своем дневнике еще в 1848 г. писал: «Стыдно и непонятно, как мы можем называть себя христианами и держать в рабстве своих братьев и сестер. Уничтожение рабства надо главнейше основать на Христовом учении о братстве». См.: История русской журналистики XVIII–XIX веков / Под ред. А. П. Громовой. СПб., 2003. С. 428–429, 432.

ние национального воззрения на все области науки и искусства⁴⁴. В 1859 г. соредактор «Русской беседы» И. С. Аксаков предпринял издание газеты «Парус». Причиной этому послужила приостановка выпуска в 1857 г. на № 38 газеты «Молва», к изданию которой он был причастен, за напечатанную в ней статью К. С. Аксакова «Публика и народ»⁴⁵. В объявлении о выходе «Паруса» И. Аксаков писал: «Наше знамя — русская народность! Народность вообще, как символ самостоятельности и духовной свободы, ... Народность русская, как залог новых начал, полнейшего жизненного выражения общечеловеческой истины. Таково наше знамя!»⁴⁶. В шестнадцатистраничной газете, по мысли ее редактора, надлежало «разрабатывать вопросы современной русской действительности». Здесь предполагалось печатать не ученые статьи, а, скорее, письма и известия из российских губерний и славянских земель⁴⁷. В ответ на этот призыв Бунаков послал Аксакову свою корреспонденцию «Письмо из Вологды», написанную им в Кадникове. Первый номер еженедельного «Паруса» вышел 3 января 1859 г. Но уже на втором номере, в котором была опубликована статья Бунакова⁴⁸, газета была закрыта «за попытку обсуждать вопросы, обсуждению не подлежащие». А. Е. Тимашев, управляющий III отделением императорской канцелярии и начальник штаба корпуса жандармов, в объяснении с Аксаковым называл «Парус» русским «Колоколом»⁴⁹. Непосредственной причиной закрытия газеты стали передовые статьи Аксакова в обоих номерах. В них издатель заявлял о намерении следовать принципам гласности и свободы слова и призвал к уничтожению крепостного права⁵⁰. Сотрудничество с И. Аксаковым Бунаков

⁴⁴ Русская беседа: История славянофильского журнала: Исследования. Материалы. Постатейная роспись / под ред. Б. Ф. Егорова, А. М. Пентковского и О. Л. Фетищенко. СПб., 2011. С. 255–257.

⁴⁵ Порох В. И. И. С. Аксаков и царизм (конец 40 — начало 60-х годов) // Освободительное движение в России. Межвузовский научный сборник. Выпуск 13. Царизм, освободительное движение и культура России. 1825–1895 годы. Саратов, 1989. С. 59.

⁴⁶ Аксаков И. С. Об издании в 1859 году газеты «Парус» // Иван Аксаков. Наше знамя — русская народность. М., 2008. С. 147–148.

⁴⁷ История русской журналистики XVIII–XIX веков. С. 436.

⁴⁸ Парус. 1859 г. № 2 (10 января). С. 28–40.

⁴⁹ Штакельберг Ю. И. Петербург начала 60-х гг. // Освободительное движение в России. Межвузовский научный сборник. Выпуск 3. Саратов, 1973. С. 90.

⁵⁰ Порох В. И. И. С. Аксаков и царизм (конец 40 — начало 60-х годов) // Освободительное движение в России. Межвузовский научный сборник. Выпуск 13. Ца-

продолжал в 1861–1863 гг., печатая в его газете «День»⁵¹ корреспонденции из Вологды (47). В 1859 г., продолжая писать о жизни вологодского общества, он опубликовал в газете «Московские Ведомости» В. Ф. Корша⁵² обличительную статью «Рассказы из вседневной жизни» под псевдонимом «Северянин»⁵³, в которой описывал курьезные истории, происходившие в среде вологодской «благородной» публики⁵⁴. В корреспонденции рассказывалось также о полицейских порядках и о нравах дворянского общества в Вологде. Никто в городе не мог утверждать, что именно Бунаков был автором разоблачительной статьи, тем не менее, как он писал в автобиографической части своей повести «Бесовское наваждение», «местное общество возненавидело» его. Благодаря «негодованию задетых им лиц», Бунаков приобрел общее внимание: «Те, в чьих глазах прежде он был личностью без имени и фамилии, теперь узнали очень твердо и то, и другое. Дамы, для которых прежде он почти не существовал, наводили лорнеты и с любопытством останавливали на нем свои взоры. Мужчины, встречаясь с ним, считали обязанностью довольно громко обругать, как будто между собой, не обращаясь прямо к нему. Многие и боялись: черт возьми, как вздумает расписать, неприятная будет история!»⁵⁵. В 1859 г. в газете «Русский Дневник»⁵⁶ печатались корреспонденции Бунакова «Письма из Вологды», в кото-

ризм, освободительное движение и культура России. 1825–1895 годы. Саратов, 1989. С. 60–61.

⁵¹ Разрешение на издание газеты «День» И. Аксаков получил в мае 1861 г., преодолев противодействие А. Е. Тимашева. См.: *Порох В И.* И. С. Аксаков и царизм... С. 65. Газета выходила до 1865 г.

⁵² Валентин Федорович Корш (1828–1883) был помощником редактора и редактором газеты «Московские Ведомости» до 1863 г., до перехода ее к М. Н. Каткову. Корш придал газете литературно-общественный характер. Широкое место в ней заняли «обличительные материалы».

⁵³ Московские Ведомости. 1859. 13 марта.

⁵⁴ Публикация вызвана была оскорбительным высказыванием вологодского вице-губернатора И. И. Пейкера в отношении Бунакова за печатное высказывание своего мнения о торгах на городские земли и о спектаклях в местном театре — мнения, которые не совпадали с начальственным.

⁵⁵ Русское Слово. 1864. № 6. С. 209.

⁵⁶ Русский Дневник. 1859. №№ 63, 76, 108. Газета выходила в Петербурге с 1 января по 5 июля 1859 г. Издателем и редактором был писатель П. И. Мельников (Печерский). В газете сотрудничали С. Т. Аксаков (отец И. С. Аксакова), Е. П. Карнович, Д. Г. Мордочев, М. П. Погодин. Издание пользовалось правительственной субсидией, но, не получив разрешения на политический отдел, закрылось из-за малого распространения.

рых он иллюстрировал борьбу в губернии с «недостатком» русского общества — «слабостью всяких умственных и нравственных влечений». Н. Г. Чернышевский в 1857 г. в журнале «Современник», освещая в библиографическом обзоре полемику между славянофильским журналом «Русская Беседа» и умеренно-либеральным журналом М. Н. Каткова «Русский Вестник»⁵⁷, писал: «... надобно признать настоятельнейшею необходимостью русского общества — пробуждение в нем мысли и способности к принятию каких-либо умственных убеждений, каких-либо нравственных влечений, каких-либо общественных интересов»⁵⁸. При всей критичности отношения к уровню образованности и развитости жителей городов Вологодской губернии, Бунаков в каждом успехе при расширении возможностей обучения и чтения книг видел доказательство прогресса⁵⁹. В очередной корреспонденции «Письма из Вологды», отмечая, что провинциальная аристократия боится огласки собственных пороков, он писал: «Между тем, те же аристократы... громко торжествовали, читая очерки чиновничьего быта, дагерротипы маленьких взяточников у г. Щедрина и жестоко осмеивали несчастных чиновников мелкой руки. Отчего же эти самые господа, которые радовались появлению очерков Щедрина, вдруг ни с того ни с сего, теперь восстали против гласности, когда она идет одним неуклонным путем, смеясь над тем же злом, над той же неправдой?»⁶⁰.

«Обличительный» характер публикаций Бунакова отвечал принятому тогда в либеральной прессе направлению, когда акцент делался на изображении недостатков, однако при этом не затрагивал «корни явлений»⁶¹. Возможно, по этой причине к 1860 г. обличительно-сатирические корреспонденции «надоели ему». Он стал пробовать себя в беллетристике, которая могла бы дать образное выражение его мыслям и чувствам и показать корни недостатков. Темы рассказов и повестей Бунакова касались знакомого ему

⁵⁷ Современник. 1857. № 4.

⁵⁸ Чернышевский Н. Г. [«Русская Беседа» и славянофильство] // Чернышевский Н. Г.: соч. в 2 т. Т. 1. М. 1986. С. 397.

⁵⁹ Северянин. Письма из Вологды // Русский Дневник. 1859. № 53. 22 февраля.

⁶⁰ Русский дневник. 1859. 24 мая. Цитата из корреспонденции Бунакова приводится по тексту работы: Соловьева В. Д. Педагогические взгляды и деятельность Н. Ф. Бунакова. М., 1960. С. 18.

⁶¹ Рейфман П. С. Отражение общественно-литературной борьбы на страницах русской периодики 1860-х годов. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. Тарту, 1972. С. 24.

быта вологодской деревни и города, взаимоотношений крестьян и городских жителей. С 1861 г. он печатался в журналах «Светоч»⁶² и «Время». Редакция «Светоча», считая своей целью примирение западников и славянофилов и ликвидацию разрозненности в обществе, заявляла: «Восточники нам близки, как деятели, на знамени которых начертано: любовь к народу и внутренняя связь с ним. Западники же нам близки, как жаждущие прогресса, а потому соединения нашего с просвещенным Западом». В то же время редакция заявляла, что ее «любовь к народу» не будет мириться с его недостатками и предрассудками, а любовь к прогрессу не поведет ее по пути, пройденному больной Европой, потерявшей физические и нравственные силы»⁶³. В «Светоче» Бунаков напечатал «Рассказы из минувшего нашей губернии»⁶⁴. Словесный ряд этого сочинения был построен с использованием северно-русских народных выражений. В рассказе «Барская воля» автор рисовал черты быта и жизни русской деревни и нравственное разрушение тех ее жителей, которые отрывались от родных корней, попав в услужение в помещичью усадьбу. Благодаря близкому знакомству редактора «Светоча» А. П. Милюкова с братьями Достоевскими, Бунаков получил возможность печататься в журнале последних — «Время»⁶⁵. Критик журнала «Время» Н. Н. Стра-

⁶² «Светоч» издавался в 1860–1861 гг. Д. И. Калиновским. Редактором журнала был Александр Петрович Милюков (1817–1897), историк литературы, педагог, журналист и критик. Старый приятель Достоевских, он был причастен к делу Петрашевского. Милюков, по определению Бунакова, «человек простой и сердечный, но не вполне определенного направления: его тянуло и к Достоевским, и к Добролюбову» (50).

⁶³ *Нечаева В. С.* Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Время». 1861–1863. М., 1972. С. 38.

⁶⁴ Светоч. 1861. Книжка IV. Опубликованы были рассказы «Барская воля» и «Воевода».

⁶⁵ Литературно-политический журнал «Время» издавался в Петербурге в 1861–1863 гг. М. М. и Ф. М. Достоевскими. Ядро редакционного кружка «Времени» составили, кроме братьев Достоевских, А. А. Григорьев и Н. Н. Страхов. Здесь были опубликованы «Записки из мертвого дома», «Униженные и оскорбленные» Ф. М. Достоевского, «Житейские сцены» Н. А. Плещеева, «Грех да беда на кого не живет» А. Н. Островского и др. произведения. Разнообразием своих рубрик журнал был интересен для публики и собирал много подписчиков. Литературную программу «Времени» формировали произведения Н. А. Некрасова, Я. Полонского, А. А. Григорьева, А. Н. Островского, Ап. Майкова, переводы из Эдгара По и Виктора Гюго, а также широкий круг произведений малоизвестных и начинающих авторов, в том числе рассказы и повести Бунакова. В критическом отделе журнала формулировалось его «новое слово» в литературе —

хов о литературных взглядах кружка Милюкова и Достоевских писал в своих воспоминаниях: «Политические и социальные вопросы были тут на первом плане и поглощали чисто художественные интересы. Художник, по этому взгляду, должен следить за развитием общества и приводить к сознанию нарождающееся в нем добро и зло... Дело художественных писателей полагалось главным образом в том, чтобы наблюдать и рисовать различные типы людей, преимущественно низкие и жалкие, и показывать, как они сложились под влиянием среды, под влиянием окружающих обстоятельств». При этом Страхов отмечал: «В основании этого настроения, конечно, лежало прекрасное чувство, гуманность, сострадание к людям, попавшим в трудное положение, и прощение им их слабости... Поэтому литературный кружок, в который я вступил, был для меня во многих отношениях школою гуманности»⁶⁶. В то же время, во взглядах Ф. М. Достоевского заметна была близость к славянофилам. В опубликованном в газетах в сентябре 1860 г. объявлении об издании журнала «Время», в его «программе», он заявлял о намерении служить слиянию образованности и ее представителей с началом народным, что исправило бы ошибку петровской реформы, которая «разъединила нас с народом. Достоевский писал в этой своей «декларации»: «Реформа Петра Великого нам слишком дорого стоила: она разъединила нас с народом... После реформы был между ним и нами, со-

«почвенничество», или «русское направление», как называла его редакция. Существенную роль в нем играл критик Н. Н. Страхов, который с согласия издателей защищал особую самобытность русского народа, развивая идеи «почвенничества», в противовес западничеству и «умозрительному» западноевропейскому утопическому социализму. Он обвинял «Современник» в беспочвенности, в стремлении привить русскому народу западноевропейские болезни. Вместе с тем журнал высмеивал консервативные взгляды Каткова, его страх перед «Современником», и возражал К. С. Аксакову, оспаривая мысли статьи «Публика — народ» о крайней противоположности идеалов и привычек народа и привилегированной части населения, господ. Журнал был запрещен после выхода в 1863 г. апрельского номера со статьей Н. Н. Страхова «Роковой вопрос», в которой рассматривались причины польского восстания 1863 г. Хотя содержание статьи выдерживалось в патриотическом духе, но цензура увидела в ней возвеличение польской цивилизации в ущерб русской. Ф. М. Достоевский продолжил свою издательскую деятельность ежемесячником «Эпоха», который выходил два года (1864–1865). Журнал «Эпоха» продолжал защищать идеи «почвенничества» и активизировал полемику с демократическими журналами «Современник» и «Русское слово». См.: История русской журналистики XVIII–XIX веков / Под ред. А. В. Западова. М., 1973. С. 322.

⁶⁶ Нечаева В. С. Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Время». 1861–1863. С. 37.

словием образованным, один только случай соединения — двенадцатый год, и мы видели, как народ заявил себя... Мы убедились, наконец, что мы тоже отдельная национальность, в высшей степени самобытная, и что наша задача — создать себе новую форму, нашу собственную, родную, взятую из почвы нашей, взятую из народного духа. Русская идея, может быть, будет синтезом всех тех идей, которые с таким упорством развивает Европа в отдельных своих национальностях»⁶⁷. Журнал «Время» предполагал основать новое направление в русской общественной мысли, противостоящее западникам и славянофилам, получившее название «почвенничества», происходившее из выражений Ф. М. Достоевского: «мы оторваны от своей почвы», «нам следует искать своей почвы», или «русского направления». Думается, Бунакову была близка идея, развивавшаяся критиком журнала Страховым, что беда России не в крепостном праве (тем более что оно отменено), а в отрыве интеллигенции от народа. Антипатичны Бунакову могли быть возражения Страхова против материального подхода к улучшению жизни народа, заявлявшего, что изменение положения масс должно идти через моральное, религиозное усовершенствование. Терпение русского народа Страхов истолковывал, как заслуживающую одобрения добродетель. Подобные идеи поддерживал и Ф. М. Достоевский, о чем Бунаков писал в своих воспоминаниях. Журналы «Свечеч» и «Время» привлекали его общей редакционной программой, признававшей необходимость соединения народа и образованного общества. Первым шагом к такому согласию должны были стать грамотность и просвещение народа. Правительственные начинания и общественная деятельность в этом направлении встречали сочувственное отношение этих журналов. То, что касается авторского коллектива журнала «Время», то большинство его сотрудников были педагогами-практиками⁶⁸, среди которых Бунаков находил единомышленников. Его произведения: рассказ «Село на юру»⁶⁹ и повесть «Город и деревня» (1861 г., книги 11 и 12), опубликованные во «Времени», проводили общую мысль — «порочное влияние города на жизнь

⁶⁷ Гроссман А. П. Материалы к биографии Ф. М. Достоевского (даты и документы) // Достоевский Ф. М. Собрание сочинений. Том десятый. М., 1958. С. 568–569.

⁶⁸ Нечаева В. С. Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Время». 1861–1863. С. 126.

⁶⁹ Время. 1861 г. Т. III. С. 207–234. Рассказ повествовал о жителях большого торгового села, стоявшего на Архангельском тракте у судоходной реки.

казённых крестьян — жителей большого торгового села». Подробно автор показывал также быт городского мещанства, более знакомый ему, «его дикие нравы, невежество, разврат»⁷⁰, чаще порождаемые бедностью. Надежды Бунакова на прогресс русского общества отразились в фрагменте сюжета, вплетенном им в содержание повести, когда один из городских мещан Антон Иванович Суцев, прошедший учение в уездном училище, закончивший гимназию и три курса Петербургского университета, решает вернуться на родину и посвятить себя помощи городской бедноте, создав ремесленную артель. В обоих журналах свои сочинения Бунаков печатал под псевдонимом «Федорович Н.»⁷¹. С 1862 г. он печатался в журнале «Библиотека для чтения», имевшем не отчетливо выраженную либерально-западническую ориентацию⁷². Опубликованы были его повести: «Мешалкины»⁷³, «из мещанского быта», и «Озерный приход»⁷⁴. В первой из них, как и в предыдущих произведениях, отразились наблюдения Бунаковым жизни провинциального городка. Автор показывал, как разрушается и гибнет семья мещанина под воздействием изменений, происходивших в государстве и обществе в результате экономических реформ. Скромное патриархальное благополучие, существовавшее в провинции при императоре Николае I, начинает разрушаться под воздействием новых форм капиталистической конкуренции. Интрига повествования строится на праве владения мещанами пригородными землями, которые обеспечивали им благополучие. Если прежде эти земли составляли собственность всей мещанской общины, то после решения властей взять их в свою собственность и сдавать в аренду жителям с торгов для повышения городских доходов начался процесс выделения наиболее состоятельных жителей, имевших возможность завладеть лучшими землями, и разорение более бедных. На эту проблему автор откликнулся

⁷⁰ Нечаева В. С. Указ. соч. С. 238.

⁷¹ Масанов И. Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей. Т. 3. М., 1958. С. 202.

⁷² История русской журналистики XVIII–XIX веков / Под ред. А. В. Западова. С. 319. «Библиотека для чтения, журнал словесности, наук и политики», издавался в Петербурге писателем А. Ф. Писемским, который, по характеристике Бунакова, был «человек грубый, настоящий “Никита Безрылов”, как он подписывался под фельетонами журнала» (50).

⁷³ Библиотека для чтения. 1862. Март. С. 1–47.

⁷⁴ Повесть «Озерный приход» (1864. № 1, 2) напечатана была после того, как редакторство в журнале перешло к писателю П. Д. Боборыкину.

ранее в статье «Торги на городские земли и передел сельских земель»⁷⁵. Вторая сюжетная линия повести «Мешалкины», наиболее знакомая и близкая Бунакову, рассказывала об обучении детей мещан и выражена была в ряде образов преподавателей и служителей уездного училища.

Зимой 1861 г. он впервые приехал в Петербург (48), где познакомился с литературной и общественной жизнью столицы. Здесь, после объявления «Общего положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости». по его словам, в обществе «все ждали чего-то особенного, решительного, рокового»⁷⁶. Основанием для таких настроений служили многочисленные волнения крестьян, таким образом отозвавшихся на царский манифест, волнения, угрожавшие перерасти в стихийный революционный взрыв⁷⁷. Взбудоражили петербургское общество студенческие выступления, начавшиеся в сентябре 1861 г. в университете, аресты многих их руководителей и участников, а также распространявшаяся в городе прокламация «К молодому поколению», написанная Н. В. Шелгуновым⁷⁸, и номера листков «Великорусса» (48). Волнения студентов подготовлены были намерением правительства реформировать университетский устав. Учащиеся лишались большинства корпоративных прав на самоуправление, в том числе права на сходки. Увеличивалась плата за обучение и ликвидировалась практика освобождения от нее нуждающихся студентов, что фактически лишало малоимущих возможности обучения. Эти правила объявлены были в начале нового учебного года. Сходка, устроенная студентами 23 сентября 1861 г. в ответ на намерения правительства, стала поводом для закрытия университета. 25 сентября, придя к уни-

⁷⁵ Вологодские губернские ведомости. Неофициальная часть. 1859. № 1. С. 1–3.

⁷⁶ По определению Герцена, это было ожидание приближения «чего-то великого, чем воздух полон, чем земля колеблется и чего еще нет ...» (*Герцен А. И.* Полное собрание сочинений и писем. Т. XV. С. 313).

⁷⁷ Крестьянская реформа, как и ожидало правительство, встречена была народом с неудовольствием. Само обнародование Манифеста 19 февраля 1861 г. обставилось с большой секретностью. В Петербурге и Москве его объявили 5 марта — в «прощенное воскресенье», когда верующие должны быть особенно смиренными и просить друг у друга прощения за причиненные обиды.

⁷⁸ Написанная Шелгуновым в марте — апреле 1861 г., прокламация была отвезена М. А. Михайловым (сотрудником журнала «Современник») в Лондон к Герцену и напечатана в июне того же года в Вольной русской типографии. Тираж был переправлен в Россию и 3–4 сентября перед началом нового учебного года распространен в Петербурге. Бунаков считал, что ее автором был М. А. Михайлов.

верситету и увидев закрытые ворота, студенты небольшими кучками отправились с Васильевского острова на Колокольную улицу к квартире попечителя учебного округа генерала Филипсона. Там собралась вся студенческая масса, вскоре окруженная воинскими частями, полицией и пожарными, и затем по Невскому проспекту под конвоем сопровождаемая назад к университету. На следующий день начались аресты среди студентов⁷⁹. 12 октября полиция и войсковые подразделения окружили толпу учащихся, собравшихся у здания университета. Несколько сот из них было арестовано⁸⁰ (600 человек) и отведено в Петропавловскую крепость. Впоследствии часть из них переправили в Кронштадт. Правительство вынужденно было закрыть университет впредь до пересмотра его устава. Далее последовало следствие и высылка выявленных руководителей студенческого движения из Петербурга. Как очевидно, шествие студентов стало следствием закрытия дверей университета без предварительного объявления об этом властей. По мнению современника, генерал-кригс-комиссара (начальника интендантской службы) российской армии в отставке И. Д. Якобсона, вся эта история носила признаки провокации, устроенной властями для обуздания наиболее активной части студенчества⁸¹. Действия правительства стали показателем конца «оттепели» в его отношениях с обществом и началом эпохи реакции. Власть демонстрировала, что она, осуществив свои намерения в главном вопросе, в крестьянском, далее не заинтересована в поддержке общества и переходит к управлению с помощью репрессивных мер, а мероприятия против университетов (не только в столицах, но и в других городах) и студенчества стали «первой крупной диверсией» властей⁸². Наиболее решительная часть общества, в лице студенчества, показала в ответ властям, как писал Николай Серно-Соловьевич в начале 1864 г., рождение «личностей — страшных энергиею и неприимиримостью убеждений», в сравнении с которыми «самые крайние люди поколений, воспитанных в прошлое царствование, оказыва-

⁷⁹ Штакельберг Ю. И. Петербург начала 60-х гг. // Освободительное движение в России. Межвузовский научный сборник. Выпуск 3. Саратов, 1973. С. 92.

⁸⁰ Левин Ш. М. Общественное движение в России в 60–70-е годы XIX века. М., 1958. С. 178.

⁸¹ Штакельберг Ю. И. Петербург начала 60-х гг. // Освободительное движение в России. Межвузовский научный сборник. Выпуск 3. Саратов, 1973. С. 93.

⁸² Левин Ш. М. Общественное движение в России в 60–70-е годы XIX века. М., 1958. С. 191.

лись почти детьми»⁸³. Причина столь радикальных изменений в общественном настроении лежала не только и не столько в стремлении противодействовать попытке правительства вернуться к прежней политике в отношении университетского образования. Размах и острота студенческих волнений стали отражением общего положения, складывавшегося в стране после отмены крепостного права, когда крестьянство отвечало волнениями на правительственную реформу. Молодое поколение, со своей стороны, не желало возврата к прошлому и готово было начать борьбу более радикальными средствами не только за сохранение полученных прежде прав, но и за дальнейшее демократическое развитие страны. Студенческие волнения обострили настроения в обществе. Прокламационная же компания, открытая в 1861 г. радикальными демократами в лице окружения Чернышевского, отвечала настроениям молодой разночинной интеллигенции и должна была предложить обществу задачи и способы борьбы против несправедливого для крестьянства «Положения 19 февраля».

Целиком захваченный настроениями петербургского общества, Бунаков часто посещал семью бывшего директора вологодской гимназии А. В. Латышева, который к этому времени служил в 6-й (Ларинской) гимназии на Васильевском острове. Здесь он нашел «то же возбуждение, полное надежд и иллюзий» (49). Общее настроение было таково, что «брожение общества» отразилось и в семействе Латышева, несмотря на его «официальное положение». Здесь свободно, «без всякого опасения», вспоминал Бунаков, велись разговоры, сообщались политические новости. Также свободно «обращались в обществе прокламации». С «Великоруссом» он познакомился с помощью вологжанина Ф. И. Дозе — учителя русского языка в Ларинской гимназии, находившимся в гуще событий, активно занимавшимся помощью знакомым ему студентам, арестованным в связи с волнениями в Петербургском университете (49)⁸⁴. Листок «Великорусса», основываясь на неприемлемости ре-

⁸³ Лемке Мих. Очерки освободительного движения «шестидесятых годов». СПб, 1908. С. 217. Цит. по: Левин Ш. М. Общественное движение в России в 60–70-е годы XIX века. С. 173–174.

⁸⁴ Федор Иванович Дозе (1831–1879) — сын учителя немецкого языка вологодской гимназии И. И. Дозе. После окончания Вологодской гимназии он получил образование на историко-филологическом отделении Петербургского университета. С конца 50-х гг. преподавал русский язык в Ларинской гимназии. На его активность в Петербурге, где он вел работу по сбору средств для арестованных и высылаемых студентов, обратила внимание полиция. У Дозе был сде-

формы 19 февраля для всего крестьянства, требовал коренного изменения государственного строя. Минимальным условием была передача крестьянам всех земель и угодий, находившихся в их пользовании при крепостном праве, с освобождением их от особых повинностей и выкупом земли «за счет всей нации».

В Петербурге Бунаков сблизился с литературным окружением ряда столичных журналов. В их числе был авторский коллектив журнала «Время», с которым он познакомился по приглашению Ф. М. Достоевского (49). Самой обсуждаемой темой на вечере, вспоминал Бунаков, был вопрос «возможно ли и готово ли в России революционное движение». Большинство присутствовавших «отрицало возможность русского народного революционного движения». Симпатии Бунакова, по его признанию, были на стороне тех, кто не только ждал революцию, но и считал ее возможной⁸⁵. «Пророком» кружка, «перед которым все преклонялись», был Ф. М. Достоевский. Он, по словам Бунакова, «бегая по комнате мелкими шажками, некоторое время не вмешивался в разговор, потом вдруг заговорил, пришепывая, и все призамогли». Достоевский говорил «о смирении, об очищающей силе страдания, о всечеловечности русского народа, о невозможности с его стороны никаких самовольных движений ради собственного блага, об отвращении его ко всякому насилию, о неестественности какого бы то ни было общения между ним и самозванными радетелями его, набравшимися революционных идей или из книжек, или прямо из жизни Запада, которая противоположна русской жизни и не может служить ей примером» (50)⁸⁶.

лан обыск. 8 мая 1862 г. он был заключен в Петропавловскую крепость. Постановлением Высочайше учрежденной следственной комиссии Доде был выслан в Кострому. До 1867 г. он находился там под надзором полиции и служил в губернском правлении, заведывая типографией и редакцией Костромских губернских ведомостей. 23 июля 1879 г. он застрелился. См.: Деятели Революционного Движения в России (ДРДВР). Т. 1. Ч. 2. М., 1928. Стб. 105; Дневник Ф. И. Доде // Исторический вестник. 1884. Т. 10 (XVIII). С. 76–77; Русские фольклористы. Библиографический словарь. Пробный выпуск. М., 2010. С. 155–157.

⁸⁵ В начале 1890-х гг. Бунаков, разочарованный в революционном движении, считал, что «все русские революционные начинания и надежды и тогда и позже были задорным самообманом, который привел только к напрасной гибели массы лучших — самых даровитых и самых честных людей поколения» (50).

⁸⁶ По мнению В. С. Нечаевой, «о «смирении», «непротивлении» народа насилию, «очищении страданием» во «Времени» не писал ни Ф. М. Достоевский, ни его сотрудники. См.: Нечаева В. С. Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Время». 1861–1863. С. 292.

В Вологду Бунаков вернулся в середине января 1862 г., воодушевленный виденным в Петербурге. За время отсутствия там прибавилось число ссыльных студентов, образовавших свой кружок, с участниками которого он свел знакомство. Среди них ему запомнились бывшие студенты университетов: Казанского — Иван Золотов и Петербургского — Марк Акимович Новоселицкий⁸⁷. Золотов рассказывал об Антоне Петрове, руководителе крестьянского выступления в апреле 1861 г. в селе Бездна Спасского уезда Казанской губернии, «как мученике за крестьянскую свободу». Бунаков вспоминал, как Золотов «с глубоким чувством» пел песню «Долго нас помещики душили»⁸⁸ (51). Песню эту пели казанские студенты после панихиды 16 апреля 1861 г. на Куртинском кладбище Казани по жертвам безднинского расстрела крестьян⁸⁹. С одним из участников кружка ссыльных, бывшим студентом Харьковского и Киевского университетов Я. Н. Бекманом⁹⁰, Бунаков сошелся особенно близко (51). Этот человек своим умом и способностями выделялся среди других, а взгляды его, как пи-

⁸⁷ М. А. Новоселицкий за участие в студенческих волнениях 1861 г. в Петербурге был выслан в Вологодскую губернию без запрещения поступать на службу. С 20 октября 1861 г. он был определен жить в Грязовце под надзором полиции.

⁸⁸ Словами для песни стало стихотворение, написанное в 1861 г., предположительно, Василием Степановичем Курочкиным, сыном крепостного, отпущенного «на волю». В. С. Курочкин (1831–1875 гг.), журналист, поэт, общественный деятель в 1861–1863 гг. был членом Центрального комитета общества «Земля и воля».

⁸⁹ Вольная русская поэзия XVIII–XIX веков. Том второй. Л., 1988. С. 65, 560. Отправление церковной панихиды по погибшим должно было вселить и вселило в крестьян уверенность, что павшие невинны и выступление их было оправдано. После богослужения с речью выступал бакалавр Казанской духовной академии, преподаватель университета, историк А. П. Шапов, который выразил надежду, что смерть крестьян — мучеников «воззовет народ к восстанию и свободе».

⁹⁰ Яков Николаевич Бекман (1836–1863), состоя студентом Харьковского университета, принимал участие в тайном обществе, образованном в 1855 г. «с целью произведения переворота в существующем образе правления в России». В 1858 г. исключен из Харьковского университета за участие в студенческих волнениях, переехал в Киев и поступил в университет Св. Владимира вольнослушателем. 1 февраля 1860 г. арестован в Киеве по делу о харьковском тайном обществе. С 6 марта по 24 июня находился в заключении в Алексеевском рavelине Петропавловской крепости. 12 июня 1860 г. приговорен к высылке в Вологодскую губернию «для определения на службу по уездным городам». 6 сентября 1862 г. арестован в Вологде и затем приговорен к высылке в Самарскую губернию за украинофильскую пропаганду. Высланный в Самару, умер от лихорадки 6 октября 1863 г. См.: ДРДВР. Т. 1. Ч. 2. Стб. 32. М., 1928.

сал Бунаков, отличались крайним радикализмом (51)⁹¹. В Вологде Бекман с 29 октября 1860 г.⁹² жил под надзором полиции и служил в губернской канцелярии по коннозаводству.

Несколько раньше Бунакова в Вологду из Петербурга приехал Л. Ф. Пантелеев (53), учившийся в университете, но уволенный из него за деятельное участие в студенческих волнениях⁹³. Как представитель центра вновь созданного тайного революционного общества «Земля и воля», он намеревался рекрутировать здесь новых членов организации. Вдохновителями общества были Герцен и Чернышевский, а организаторами — входившие в круг журнала «Современник», братья Н. А. и А. А. Серно-Соловьевичи, А. А. Слепцов, Н. Н. Обручев, С. С. Рымаренко и В. С. Курочкин. Шесть организаторов общества составили его первый Центральный комитет. «Земля и воля» строилась, как федерация кружков (отделений) в российских городах⁹⁴. Программой общества была положена брошюра «Что нужно русскому народу», составленная в Лондоне к июлю 1861 г. и напечатанная в «Колоколе» за авторством Н. П. Огарева⁹⁵. «Десятка два» этой брошюры Пантелеев привез с собой и передал для распространения одному из новых членов организации. Составители брошюры требовали передать крестьянам всю землю, которой они владели до реформы, за выкуп из государственной казны; ввести общероссийское народное представительство при царе из выборных от губерний; сократить расходы на войско и на содержание царской семьи⁹⁶. Перечень доволь-

⁹¹ Большинство членов Харьковско-Киевского тайного революционного общества, в которое входил Бекман, ставили своей конечной целью совершение переворота для установления республиканского строя и освобождения крестьян. См.: Михайлов Б. Г. Архангельская ссылка 60-х гг. XIX в. // Освободительное движение в России. Межвузовский научный сборник. Выпуск 11. Революционная борьба и карательная политика царизма в XIX в. Саратов, 1986. С. 66.

⁹² Михайлов Б. Г. Вологодская ссылка 60-х годов XIX в. // История СССР. 1970. № 1. С. 176.

⁹³ Пантелеев был выходцем из Вологодской губернии, учившимся в местной гимназии на 4 класса позже Бунакова. В 1853 г. Пантелеев учился в 3-м классе гимназии, а Бунаков — в 7-м, выпускном, классе. См.: «Вологодские губернские ведомости. Неофициальная часть». 1853 г. № 52.

⁹⁴ Троицкий Н. А. Россия в XIX веке. Курс лекций. М., 2003. С. 244.

⁹⁵ Линков Я. И. Основные этапы истории революционного общества «Земля и воля 1860-х годов // Вопросы истории. 1958. № 9. С. 38, 40.

⁹⁶ Огарев Н. П. Что нужно народу? // Колокол. № 102. 1 июля 1861 г. Приложение к 102 листу «Колокола». Стр. 2 // Колокол. Газета А. И. Герцена и Н. П. Огарева. Вольная русская типография. 1857–1867. Лондон — Женева. Факсимильное

но умеренных требований «программы» говорил о желании привлечь на свою сторону как можно больший круг демократически настроенной интеллигенции. Пантелеев отмечал в своих воспоминаниях, что эта программа «по своей умеренности и практической постановке общественных вопросов была очень пригодна для провинции», учитывая «совершенно мертвенный застой местного общества». В Вологде посланец из Петербурга встретился с Николаем Яковлевичем Соболевым, учителем истории местной гимназии, который «проявлял большой интерес к радикальному движению, развивавшемуся в Петербурге»⁹⁷. Соболева рекомендовал Пантелееву один из «членов Педагогического кружка»⁹⁸, «приобщенного к «Земле и воле», как человека, «которому можно довериться»⁹⁹. В Петербурге же ему сообщили о Бекмане, который может помочь с организацией местного кружка «Земли и воли». После знакомства Пантелеев предложил Бекману содействовать новой организации. Не смотря на уверенность в том, что в Вологде для этого «плохая почва» и «может быть человека два найдется, которых стоит привлечь» к этому делу, Бекман¹⁰⁰ примкнул к обществу¹⁰¹. По его же предложению в апреле 1862 г. Пантелеев привлек к организации Бунакова¹⁰². Членами вологодского отделения «Земли и воли» стали также ссыльные Золотов и Новоселицкий, а также преподаватель истории в местной гимназии Н. Я. Соболев¹⁰³, кото-

издание. Выпуск четвертый. 1861. Лондон. М., 1962. Требования эти сближали программу с содержанием одного из листов прокламации «Великорусс», распространявшейся во второй половине 1861 г.

⁹⁷ Пантелеев А. Ф. Воспоминания. С. 304, 307.

⁹⁸ «Педагогическим кружком» в начале 1860-х годов в Петербурге среди студентов называли бывших воспитанников Педагогического института, переведенных по закрытии заведения в университет. Члены этого кружка отличались «философско-политическим радикализмом». Увлекались они политико-экономическими идеями, а журнал «Современник» пользовался в этом кружке особенной симпатией. Со второй половины 1861 г по лето 1862 г., в период усиленного брожения в обществе, симпатии самых видных его членов оказались на стороне этого движения. См.: Пантелеев А. Ф. Указ. соч. С. 202–204.

⁹⁹ Пантелеев А. Ф. Воспоминания... С. 304.

¹⁰⁰ Там же. С. 304–305.

¹⁰¹ Деятели Революционного Движения в России (ДРДВР). Биобиблиографический словарь. Т. 1. Ч. 2. М., 1928. Стб. 35.

¹⁰² Там же. Стб. 53; Пантелеев А. Ф. Воспоминания. С. 347.

¹⁰³ Михайлов Б. Г. Вологодская ссылка 60-х годов XIX в. // История СССР. 1970. № 1. С. 177.

рый, по словам Бунакова, был «честнейшей личностью и отличным работником» (55).

Время с середины 1861 г. до ноября 1862 г. было первым периодом в истории «Земли и воли», когда происходил процесс объединения разрозненно существовавших кружков и тайных обществ во всероссийскую организацию, разрабатывались идейно-теоретические основы общества и тактика революционной борьбы¹⁰⁴. Процесс организации нового общества активизировался с осени 1861 г., когда начались волнения студентов и их аресты. Целью организации была подготовка и участие в ожидаемом всенародном вооруженном восстании, начало которого предполагалось на весну 1863 г., когда заканчивался срок введения Уставных грамот, регулировавших отношения между крестьянами и их прежними владельцами. Вожди революционной партии рассчитывали, что восстание крестьян, недовольных результатами «дарованной» им свободы, охватит всю Россию. Тогда «Земля и воля» сможет возглавить и организовать народное восстание. Структура тайного общества, по конспиративным соображениям, представляла собой сеть пятерок, которые, по замыслу организаторов, должны были охватить всю Россию¹⁰⁵.

В сентябре 1862 г. Бекман был арестован, а в октябре выслан в Самару¹⁰⁶. На этом прекратил существование и вологодский кружок «Земли и воли»¹⁰⁷. Практической деятельностью, как член «Земли и воли», Бунаков, по всей вероятности, не успел заняться, так как эта тайная организация представляла собой сеть изолированных групп, подчиненных некоему центру. Свои демократические взгляды и отношение к происходящему Бунаков реализовывал в своей преподавательской работе и в литературных сочинениях, публицистических статьях и исследованиях.

Преподавание в уездном училище, по словам Бунакова, у него «ладилось». По этой причине, когда в Вологодской гимназии появилась вакансия младшего учителя русского языка, он 29 августа

¹⁰⁴ Линков Я. И. Основные этапы истории революционного общества «Земля и воля» 1860-х годов // Вопросы истории. 1958. № 9. С. 35.

¹⁰⁵ Линков Я. И. Указ. соч. С. 40, 41.

¹⁰⁶ Михайлов Б. Г. Вологодская ссылка 60-х годов XIX в. // История СССР. 1970. № 1. С. 177.

¹⁰⁷ Михайлов Б. Г. Демократическое движение в Вологде во второй половине XIX века // Вологда. Историко-краеведческий альманах. Выпуск 1. Вологда, 1994.

1862 г. получил это место¹⁰⁸. Учителю своему в гимназии Бунаков отдался «всею душою», как любимому делу. К этому времени, под влиянием впервые изданной работы К. Д. Ушинского «Детский мир», а затем «Родное слово» стала складываться его система обучения и воспитания. В основу занятий русским языком он положил не заучивание учебника грамматики, а «чтение и словесные упражнения, устные и письменные» (54–55). Идеалом для него становился «учитель-педагог», который «уча воспитывает, учит и воспитывает» (64).

Не оставлял Бунаков и литературных занятий. В журнале «Якорь», выходившем под редакцией Аполлона Григорьева, в 1863 г. он напечатал повесть «Лихой год», а в «Русском Слове» — рассказ «По дороге»¹⁰⁹, начав сотрудничество с Г. Е. Богосветловым. В 1864 г. в двух номерах «Русского Слова» была опубликована его повесть «Бесовское наваждение»¹¹⁰, подписанная псевдонимом¹¹¹. Знакомство с этим сочинением позволяет понять, как изменилось отношение автора к либеральному обществу после начала реализации крестьянской реформы, когда он увидел, что громкие фразы, звучавшие на дворянских собраниях, оказались модной мишурой и прикрытием для ретроградов. Предводитель дворянства Вологодской губернии генерал-майор Н. Т. Шарыгин, выступая в 1863 г. на открытии дворянского собрания, обращался к помещикам со словами: «Время сословных предрассудков ушло безвозвратно, а дух времени и требование грамотности выдвинули на первый план вопросы о праве человека, о праве гражданина и тем самым подорвали авторитет сословных прав и привилегий. Нам, как привилегированному сословию, осталось одно из двух: или, опираясь на отжившие предания и дворянские грамоты наши, упорно отстаивать все свои привилегии и всеми силами задерживать развитие указанных нам прав, или пожертвовать некоторыми из своих интересов, встать впереди народа и ве-

¹⁰⁸ Список лиц, служивших и служащих в Вологодской губернской гимназии // Столетний юбилей Вологодской губернской гимназии. 1786–1886 гг. Вологда. 1886.

¹⁰⁹ Русское слово. 1863. № 8. Первоначально рассказ назывался «На подсеке» и предназначен был для публикации в журнале «Время», но после неожиданного закрытия последнего Бунаков передал его в «Русское слово» Богосветлову.

¹¹⁰ Русское Слово. 1864, № 6, 7.

¹¹¹ В № 6 повесть подписана была псевдонимом «Ф. Федорович», а в № 7 — «Н. Федорович».

сти его по пути цивилизации и прогресса». Подобно славянофилам, предводитель провозглашал, что дворянство, благодаря своей образованности, обладает «умственным и нравственным превосходством над остальной массой народа» и по этой причине девизом для сословия должно стать: «все для блага России, все для единения с народом»¹¹². Повесть Бунакова состояла из нескольких рассказов, объединенных общими героями, одним из которых был сам автор. Сочинение носило автобиографический характер. В названии повести и в ее содержании автор проявлял сарказм по отношению к либеральному дворянству, да и к себе самому, поверившему в либеральные славословия под воздействием, как он писал, «бесовского наваждения» и «злого духа». Сатирический характер повести говорил о разочаровании Бунакова в результатах реализации реформ и в русском либеральном обществе, «слинявшем» после наступления реакции в политике властей. В повести воспроизводились образы дворян и чиновных особ Вологодской губернии 50–60-х гг., начиная со времени крымского ополчения, когда провинциальное общество охвачено было «ура-патриотическими настроениями». Основное ее содержание состояло из описания событий, предшествовавших отмене крепостного права, и после 19 февраля 1861 года¹¹³. Конец 50-х — начало 60-х гг. автор называл «временным вселением беса прогресса»: «Помещики заговорили о гуманизме и об экономических требованиях, о труде и — ужас! — о равенстве. Чиновники сильно привязались к гласности и литературе. Барыни на благотворительность налегали. Конечно, это не мешало всем деяниям идти своим обычным чередом: так и должно быть в благоустроенном обществе — слова словами, а дело делом»¹¹⁴. С иронией и, быть может, с грустью Бунаков описывал себя в конце 50-х гг.: «Мальчик неглупый, мальчик злой, мальчик самолюбивый, зазорный, дерзкий...», в голову которому «без помощи беса лезла всякая чертовщина, то из “Русского вестника”, то из “Русской беседы” какие-то мыслицы и мыслищи, образуя какой-то дикий хоровод»¹¹⁵. С той же иронией Бунаков писал о поведении в деревне некоего славянофила в об-

¹¹² Савицкий И. В. Собрания вологодских дворян в середине XIX — начале XX века // Вологда. Краеведческий альманах. Выпуск 3; Вологодские губернские ведомости. 1863. № 29.

¹¹³ Русское Слово. 1964. VI. С. 198.

¹¹⁴ Там же. С. 213.

¹¹⁵ Там же. С. 199.

разе помещика Хмелева, приехавшего в деревню после выхода манифеста 19 февраля, чтобы «полюбовно» подписать с крестьянами Уставную грамоту на условия владения ими землей. Одетый в «славянофильский костюм, сшитый очень ловко, точно для маскарада», в красной рубахе, плисовых штанах и кучерской поддевке, славянофил намеревался «сблизиться с народом, перекинуть мост» между собой и им. Поселившись в избе своего бывшего крепостного, Хмелев, кроме занятий по «сближению» с народом, «изучал крестьянский быт» и писал об этом корреспонденцию для московской газеты под названием «Опыт сближения с народом (письмо И. С. А.¹¹⁶)». Через неделю славянофил закончил свой вояж, написав корреспонденцию, и при «сближении с крестьянами» успел мимоходом совратить жену хозяина избы, в которой жил, и приучил последнего к пьянству¹¹⁷. Если «славянофил» решал «земельный вопрос» с крестьянами «к обоюдному удовольствию и согласию», то в соседней деревне «взаимное согласие помещика с крестьянами» при составлении и подписании Уставной грамоты достигалось другим способом. Уездный мировой посредник был здесь назначен губернатором и предводителем дворянства по протекции заезжего князя, предложившего на эту должность помещика, у которого он гостил. Помещик обещал, что, став мировым посредником, обеспечит на своем участие составление и введение в действие грамот «по взаимному соглашению помещиков с крестьянами». Отправляясь в деревню, принадлежавшую генерал-губернатору, посредник держал в кармане Уставную грамоту и думал: «Шибко обрезал генерал мужиков, шибко обрезал, от двадцати-то десятин да на семь, да девяти-рублевый оброк вместо восьми-рублевого, а ведь как расписал-то: “желая устроить быт крестьян со всевозможными для них льготами, с пожертвованием собственного интереса, прибавляю им по десятине лишней, сверх определенного надела ...”¹¹⁸, это, говорит, меньшие братья наши,.. гуманность ... и все такое. Да вот что-то запоет эта “меньшая” братия? Еще сделай ему непременно, чтобы крестьяне подписали грамоту, чтобы утверждена была по обоюдному согласию ... Проказник! Вот тут, что хочешь,

¹¹⁶ По всей вероятности, имелось в виду «Письмо И. С. Аксакову».

¹¹⁷ Русское Слово. 1864, № 7. С. 77–84.

¹¹⁸ В первой полосе, в которую входила Вологодская губерния, крестьянский надел определен был не менее 5 десятин.

то и делай, хоть из кожи полезай... Беда!»¹¹⁹. Своей повестью Бунаков вынужден был признать, что его надежды на справедливое решение крестьянского вопроса не оправдались. Сатирический стиль и ирония, с которыми изображалось дворянско-чиновное общество, вызвали взрыв «праведного» негодования местной аристократии и гонения против автора повести¹²⁰, имя которого было нетрудно определить.

К середине 60-х гг. «критика, даже в узких рамках обличительства, оказывалась неприемлемой для правительства... и приобретает, несмотря на свою ограниченность, оппозиционный характер»¹²¹. Начальство Петербургского учебного округа, не обращавшего прежде внимания на жалобы и сплетни на Бунакова, уступило требованиям из Вологды изгнать неугодного учителя гимназии. 14 августа 1864 г. его отчислили от должности младшего преподавателя в вологодской гимназии¹²². Он уехал в Петербург, где вышел в отставку, «рассчитывая существовать литературным трудом» (58). Для Бунакова наступил период в его жизни, когда пришлось решать не только, чем он будет заниматься, но и чем существовать. Не случайно в своих воспоминаниях период с 1864 г. по 1866 г. он назвал «На распутьи». Общественная жизнь Петербурга, в которую он вновь погрузился, заставляла определиться — с кем он в начавшейся тогда полемике между журналами «Современник» и «Русское Слово»¹²³; с теми, кто считал себя продолжателями дела Чернышевского и Добролюбова, или с новым поколением молодежи — с так называемыми «реалистами», будущими

¹¹⁹ Русское Слово. 1864, № 7. С. 70.

¹²⁰ Латышев В. Бунаков Николай Федорович // Критико-биографический словарь русских писателей и ученых под ред. С. Венгерова. Т. 5. СПб., 1897. С. 366.

¹²¹ Рейфман П. С. Отражение общественно-литературной борьбы на страницах русской периодики 1860-х годов. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. Тарту, 1972. С. 24.

¹²² Список лиц, служивших и служащих в Вологодской губернской гимназии. // Столетний юбилей Вологодской губернской гимназии. 1786–1886 гг. Вологда, 1886.

¹²³ «Современник» и «Русское Слово» в 1863–1866 гг. признавали необходимость коренной ломки основ существующего строя, осуждали либерализм и его сделки с самодержавием, защищали интересы народа. «Расколом в нигилистах» был назван Ф. М. Достоевским конфликт Салтыкова с редакцией «Современника», но в дальнейшем этим выражением стали пользоваться для обозначения полемики «Современника» с «Русским Словом». См.: Ф. М. Достоевский. Господин Щедрин, или Раскол в нигилистах // Эпоха. 1864. № 5.

руководителями революционного движения, «мыслящим пролетариатом», заявленными Д. И. Писаревым.

Среди журнальных кружков, в которые Бунаков был вхож, он «ближе других сошелся с кружком журнала «Русское Слово»¹²⁴. Дружеские отношения установились с его редактором и, по сути, хозяином — Г. Е. Благосветловым, в прошлом учителем словесности¹²⁵. «Симпатии больше всего влекли меня к «Современнику», но там у меня не было никаких знакомств», — писал Бу-

¹²⁴ В области политической «Р. С.» развивало революционно-просветительскую программу. Ее разрабатывал главным образом Писарев — принципиальный сторонник преобразования общественных отношений революционным путем. Публицисты «Р. С.» полагали, что народ, задавленный нуждой и непосильным трудом, не может сам определить свою историческую судьбу, что активной силой в общественно-политической борьбе является «мыслящий пролетариат» — интеллигенция, а массы следуют за ней. В «Р. С.», в частности в статьях Писарева, превозносилось значение естественнонаучных знаний в формировании новой, демократической интеллигенции, в борьбе за социалистическое переустройство общества. Отводя большое место в журнале популяризации теории Дарвина, публицисты «Р. С.» нередко переносили основные выводы этой теории в область общественных отношений. В 1865 г. в «Русском Слове» в № 5–6 Бунаков опубликовал повесть «Женские немощи».

¹²⁵ Г. Е. Благосветлов (1824–1880), как и Бунаков, начал свою деятельность, как учитель русской словесности. После окончания в 1851 г. юридического факультета Петербургского университета он преподавал в петербургских военно-учебных заведениях: с 1851 г. в Пажеском корпусе, в 1852 г. в Михайловском артиллерийском училище, затем во 2-м кадетском корпусе и в Дворянском полку. Несмотря на старание и талант в апреле 1855 г. Благосветлов был уволен из всех учебных заведений, где он служил. Причиной тому послужил донос ученика Пажеского корпуса (племянника Дубельта) о том, что он, будто бы, так отозвался о скончавшемся императоре Николае: «Государь занимался одними пуговицами и воротниками». В январе 1856 г. через конкурсное испытание Благосветлов принят был преподавателем в Маринский институт благородных девиц. Уже через три месяца из 3 отделения императорской канцелярии в институт пришло распоряжение императора: «Учителя Маринского института уволить от занимаемой им должности и впредь на службу по учебной части не определять». Причиной этой трагической для Благосветлова истории стало его письмо к В. И. Семевскому, написанное в феврале 1856 г. Автор письма не догадываясь, что после увольнения из военно-учебных заведений за ним был установлен негласный надзор полиции, а переписка его перлюстрировалась. В своем письме к Семевскому 11 апреля 1856 г. он, вспоминая увольнение год назад, отдался чувствам. В частности, Благосветлов писал: «Ученик донес на своего учителя, который никогда ничего не желал своим воспитанникам, кроме добра и пользы ... Это совершенно достойно аристократа и его сына ... мерзавцы, достойные темниц, костров, цепей и рабства, гнетущего вас, пресмыкающихся тварей и подлых лакеев придворного крыльца ...» и т. д. См. Кузнецов Ф. Ф. Крут Д. И. Писарева. М., 1990. С. 42, 46–47, 52–53.

наков. В отношении к полемике, развернувшейся с начала 1864 г. между двумя журналами «не на живот, а на смерть», он, по-видимому, был на стороне «Современника», где, по его словам, «были еще свежи и живы традиции Добролюбова и Чернышевского». В демократических же кругах Петербурга, в большинстве, как писал Бунаков, успехом пользовалось «Русское Слово».

Кризис революционно-демократической мысли в России, наступивший в середине 1860-х гг. стал проявляться после 1862 г.¹²⁶, когда для деятелей революционной демократии становится очевидной необходимость осмысления новой исторической ситуации и поиска новой тактики действий, не отказываясь при этом от идеалов народной революции. Формированием своих ответов на изменение политической ситуации в стране оба журнала занимались с начала 1863 г., с возобновления издания «Современника» и «Русского Слова»¹²⁷ и до перехода к открытой полемике между ними в 1864–1865 гг. В «Русском Слове» появляются критические высказывания, направленные против «Современника». По ходу развития эта дискуссия стала облекаться в грубую форму, что способствовало расколу в демократической среде русского общества¹²⁸. Начало полемике между публицистами «Современ-

¹²⁶ Рейфман П. С. «Современник» и «Русское Слово» перед «расколом в нигилистах» // Ученые записки Тартуского государственного университета. Вып. 251. Труды по русской и славянской филологии XV. Литературоведение. Тарту, 1970. С. 49.

¹²⁷ В июне 1862 г. «Современник» и «Русское Слово» были закрыты на 8 месяцев. Вслед за тем 7 июля 1862 г. был арестован и заключен в Алексеевский рavelин Петропавловской крепости Чернышевский.

¹²⁸ В «Перлах и алмазах нашей журналистики» В. Зайцев критиковал № 9 «Свистка», осуждал напечатанный здесь отзыв Салтыкова о Достоевском (Салтыков-Шедрин М. Е. Собрание сочинений. Т. 5. М., 1966. С. 303.), замечая, что произведения, подобные «Запискам из Мертвого дома», «пишутся собственной кровью, а не чернилами с вице-губернаторского стола». Зайцев выражал надежду, что «Современник» может «исправиться», но предлагал «гг. свистунам “Современника” бросить вице-губернаторский тон» («Русское Слово». 1863. № 4. С. 17). В «Дневнике темного человека» говорилось, что «Современник» лучше остальных журналов, что редакция «Русского Слова» сочувствует его направлению. В то же время здесь утверждалось, что многие читатели с одинаковым удовольствием читают «Современник» и «Русский Вестник» и «только потому отличают один журнал от другого, что у них обертки разные»; автор будто бы пробовал подклеивать статьи из «Русского Вестника» в «Современник» и давал читать: «Никто даже и не догадался» («Русское слово». 1863. № 9. С. 2, 3). В таких и подобных высказываниях намечен был ряд будущих обвинений, адресованных «Русским Словом» «Современнику». В свою

ника» (М. Е. Салтыков-Щедрин и М. А. Антонович) и «Русского Слова» (Г. Е. Благовестов, Д. И. Писарев и В. А. Зайцев) положило выступление в отделе «Современное обозрение» январского 1864 г. номера «Современника» анонимного, хотя и известного, автора внутреннего обозрения «Наша внутренняя жизнь» М. Е. Салтыкова, который заявил о происходящем «понижении тона» в литературной и общественной жизни¹²⁹. По форме, из-за отсутствия возможности говорить открыто, дискуссия касалась, по большей части, литературы, эстетики, философии (трактовки образа Базарова из «Отцов и детей» И. С. Тургенева и Катерины из «Грозы» Н. А. Островского). В этих литературно-философских спорах получили выражение разногласия о готовности русского народа к революции, появившиеся после того, как упования на крестьянское восстание в 1862–1863 гг. не оправдались, а либеральное общество после отмены крепостного права исчерпало свою заинтересованность в революционных демократах¹³⁰. На пассивность народа «Современник» призывал ответить

очередь, «Современник» уже в 1863 г. довольно отчетливо дал понять, что он не одобряет многого в направлении «Русского Слова». В мартовской хронике за 1864 г. Салтыков писал, что и в прошлом году он высказывал свои мнения о позиции «Русского Слова» «с полною откровенностью», хотя и «выражал свою мысль не всегда одинаково рельефно». В январской хронике за 1864 г. Салтыков уже открыто напал на утверждения «Русского Слова», казавшиеся ему сектачеством. Однако при всей саркастичности замечаний Салтыкова противники и здесь не были названы по именам. Более того, речь шла не столько конкретно о «Русском Слове» и его сотрудниках, сколько о круге идей этого журнала, об определенной части молодежи, которую, по мнению сатирика, увлечение подобными идеями приводит к абсурдным выводам. Тем не менее, намеки на сотрудников «Русского Слова» были довольно прозрачны и этот личный момент играл немалую роль в полемике, определенным образом окрашивая ее.

¹²⁹ Салтыков писал о «понижении тона», как характерном признаке времени, ставшем следствием административно-цензурного давления на журналистику и ответной нестойкости либеральной прессы.

¹³⁰ Либеральный журналист В. Ф. Корш (редактор «Петербургских Ведомостей»), характеризуя в начале 1865 г. настроения близких ему кругов, писал: «... с беспримерно злобою мы сокрушали в минувшем году те самые кумиры, пред которыми преклонялись еще так недавно; мы рвали в клочки самих себя, какими мы были еще за три, за два года, и с злобною радостью издевались над своим собственным растерзанным существованием» // С.-Петербургские Ведомости. 1865. № 1, 1 января, стр. 1. А. И. Герцен писал: «Слабые, шаткие, мелкие, робкие уши, — одни от испуга, другие по глупости» (*Левин Ш. М., Батюто А. И. Шестидесятые годы [XIX века] / История русской литературы. Т. VIII. Литература шестидесятых годов. Ч. 1. М.; Л., 1956. С. 48*).

практической в нем работой: хотя бы и малым, но делом, ведущим к пробуждению его самостоятельности и активности в борьбе за свои интересы. «Русское Слово» видело выход из кризиса практических действий в развитии революционной теории, разрабатывая естественно-научные и социально-экономические вопросы. Для редакции «Русского Слова» вопрос о демократическом развитии страны лежал в плоскости решения ее социально-экономических проблем, радикального изменения существующих порядков и построения будущего счастливого общества. Надежды возлагались на развитие науки, на расширение рядов демократической интеллигенции — «мыслящих пролетариев», которые в будущем смогут коренным образом изменить действительность. Осуществление такой перспективы виделось «Русскому Слову» не через либеральные полумеры филантропии и благотворительства. «Либералу — благотворителю собственно нет никакого дела до пострадавших собратий, — утверждалось во внутреннем обзоре — «Домашней летописи», — он сегодня хлопочет о бедном студенте, а завтра собирает на раненных в Польше солдат», — трудящиеся массы могут рассчитывать не на помощь «благотельцев», а на собственные силы¹³¹. О существовании дворянского благотворительства была и повесть Бунакова «Бесовское наваждение», печатавшаяся в «Русском Слове» в 1864 г. Второй этап полемики начал М. А. Антонович публикацией в «Современнике» статьи «Современные романы» (1864 г. № 4), выступивший против неких «критиков-детей», которые восторгались романом Тургенева «Отцы и дети». Ответил ему Писарев статьей «Реалисты» в 9–11 книжках «Русского Слова». В отличие от Антоновича, который характеризовал главного героя романа Базарова, как карикатуру на молодое поколение, Писарев, выдвигая теорию реализма, провозглашал его подлинным представителем передовой части молодого поколения¹³² — «реалистом», будущим руководящим деятелем революции. Обращаясь к роману Чернышевского «Что делать?», Писарев считал, что «наиболее стойким и последовательным реалистом является Рахметов с его титаническим, волевым характером»¹³³.

¹³¹ Русское Слово. 1863. № 7. С. 51.

¹³² Рудницкая Е. А. Шестидесятник Николай Ножин. М., 1975. С. 140.

¹³³ Писарев Д. И. Полное собрание сочинений и писем. Т. 6. М., 2003. С. 226–227; Вартин Л. Э. Журнал «Русское Слово». 1859–1866. Л., 1966. С. 128. «Той и другой стороне казалось, что именно она предлагает верный и единственно возмож-

Бунаков с конца 1864 г., вместе с литературной работой, возобновил знакомство со своими прежними единомышленниками в Петербурге. Он присоединился к кружку гимназического приятеля Лыткина (61), который с 1861 г. был «горячим поклонником Чернышевского» и журнала «Современник» и затем входил в общество «Земля и воля»¹³⁴. Члены его многочисленного кружка придерживались, как писал Бунаков, «самого крайнего образа мыслей», которое господствовало тогда в демократической среде Петербурга (61). Этот «образ мыслей», характерный для направления журнала «Русское Слово», Бунаков сдержанно характеризовал как «стремление к научному знанию и к распространению знаний, стремление к свободе и к освобождению»¹³⁵. «Но беда в том, — писал он, — что скоро этот широкий либерализм приобрел, особенно в кружке Лыткина, крайне деспотические наклонности и замашки: странное и печальное противоречие, которое и было болячкой, язвой, ослаблявшей и этот кружок и вообще тогдашний русский либерализм» (61). По-видимому, из-за цензурных соображений автор в своих воспоминаниях называл революционно-демократическое движение того времени и направление «Современника» и «Русского Слова» «либерализмом», или «широким либерализмом».

Наблюдая публицистические страсти, бушевавшие тогда между «Современником» и «Русским Словом», Бунаков теряет энтузиазм, которым поддерживались его демократические надежды в конце 50-х — начале 60-х гг. Страсти, эскалировавшие в радикально-демократических кругах, стимулировали ослабление поддержки их со стороны либерального общества, вызванное ростом национально-патриотических чувств после подавления польского восстания в 1863 г. По мысли, высказанной Огаревым в конце 1862 г., — «Польша будет побеждена, если раньше времени вос-

ный в сложившейся обстановке путь коренного изменения существующего порядка, а противная сторона повернула к либерализму, к реакции. Этим определялись и возникновение полемики, и острота ее. Во время полемики обе стороны высказали много несправедливых обвинений, часто в весьма грубой форме, причины которой лежали в личных недостатках того или иного из ее участников» // *Бозрад М. Э., Рейфман П. С.* Комментарии — М. Е. Салтыков-Щедрин. «Наша общественная жизнь». «Современник», январь 1864 г. // Салтыков-Щедрин М. Е. Полное собрание сочинений и писем в 20 томах. Т. 6. С. 642.

¹³⁴ Пантелеев А. Ф. Воспоминания. С. 523; ДРДВР. Т. 1. Ч. 2. М., 1928. Стб. 224.

¹³⁵ Надо полагать, кружок Лыткина, в который входил Бунаков, придерживался направления, проводившегося в 1864–1865 гг. «Русским Словом».

станет, и русское движение также будет потоплено в национальной ненависти»¹³⁶.

Приобретя опыт взаимоотношений с радикальной средой Петербурга, Бунаков остро почувствовал «деспотические наклонности и замашки», которые стали господствовать в революционных кружках в середине 60-х гг. У него пропала эйфория от ожидания близкого осуществления демократических преобразований в жизни страны. Его не устраивала нетерпимость, свойственная противоборствующим сторонам революционно-демократического лагеря. Он, ценностями которого были уважение к человеческой личности и ее взглядам, не смог оставаться в кружке Лыткина. Бунаков писал, что его «стало тяготить то нравственное насилие, которое в нем царствовало, его нетерпимость и деспотизм, бесцеремонно налагающий руку на поступки, речи, даже, кажется, на впечатления отдельных личностей». Он «постоянно чувствовал себя здесь под гнетом самого грубого и беспощадного насилия — насилия либерального»¹³⁷, которое душит, давит, обезличивает человека» (62). В начале 1890-х годов в своих «Записках...» Бунаков писал: «Теперь наступило торжество противоположного направления, отовсюду полетели комки грязи, полились ушатами помой на Чернышевского, Добролюбова и всех тех, кто были вождями, пророками, чуть не святыми в 60-х годах. Разница только в том, что мы видели торжество ума, таланта и прямолинейности, а теперь видим торжество глупости, бездарности и прямолинейной подлости, договаривающейся до откровенного требования восстановить крепостное право. Разница, конечно, большая, но эта “торжествующая свинья” может сказать, что своей нетерпимости, своим беспощадным деспотическим замашкам она научилась у своих противников в тяжкие годы своего унижения и невольного смирения» (62). Через 25 лет причину краха надежд молодости он видел в крайнем размежевании, наступившем после 1863 г. между либеральным обществом и революционно-демократическим движением, когда «всё мало-мальски не подходящее под направление» «Современника» и «Русского Слова» «позорилось, оплевывалось, осмеивалось» демократическим обществом¹³⁸.

¹³⁶ Левин Ш. М., Батюто А. И. Шестидесятые годы [XIX века] // История русской литературы. Т. VIII. Литература шестидесятых годов. Ч. 1. М.; Л., 1956. С. 46.

¹³⁷ Читай — радикально-демократического.

¹³⁸ Бунаков забывал, что сам относился тогда саркастически к либеральному обществу.

В 1862 г. о том же писал Щедрин в очерке «Капуны», называя революционных демократов, страстно борющихся с инакомыслящими — со сторонниками демократических реформ, «капунами будущего» (или, через несколько лет, — просто «мальчишками») ¹³⁹. Щедрин писал, что «им дела нет до того, что в бесконечной цепи живых существ субъект, которого они сейчас обглодали, быть может, составляет ближайшее звено к ним самим; им нет дела до того, что вся разница между им и ими заключается в том, что он жил деятельной жизнью, а они отдыхали: в том-то и заключается, по мнению их, истинное геройство, чтобы обглодать именно ближайшего соседа, а не уходить куда-нибудь вдаль» ¹⁴⁰.

Разочаровавшись в петербургской революционно-демократической среде, в людях, которых прежде считал «солью земли», в том, что его вдохновляло, Бунаков потерял тягу и к писательскому творчеству. В это же время «скончался» журнал Ф. М. Достоевского «Эпоха» (61), в котором он опубликовал повесть «Наши браконьеры» и рассказ «Ума помраченье» ¹⁴¹.

По воле случая, Бунаков познакомился в Петербурге с преподавателями К. Д. Ушинским и Ф. Ф. Резенером, который руководил в 1864 г. благотворительной школой для бездомных детей на Васильевском острове (63). Они поддержали его прежний интерес к учительству (62) и, в первую очередь, к начальному обучению, которое в дальнейшем стало любимым занятием и призванием Бунакова. В то же время он оставался верен идеям Чернышевского и Добролюбова, идеалам революционной демократии, которым он отдал свою дань в 1861–1865 гг. Когда Резенер передал ему летом 1865 г. преподавание бесплатных уроков младшему сыну Чернышевского — Александру (уроки географии А. Н. Чернышевскому давал Лыткин), Бунаков «с большой охотой принял на себя уроки русского языка сыну любимого писателя». По его мнению, «сын Н. Г. Чернышевского имел право на бесплатные уроки всякого порядочного русского человека, имеющего возможность давать их, потому что велики заслуги этого писателя перед русским

¹³⁹ В 1863–1864 гг. происходило «очень резкое углубление демократического мирозерцания сатирика». В хронике «Наша общественная жизнь» он дал «беспощадную характеристику проведенных реформ, как «движения мелочей и подробностей» и критиковал в своем очерковом цикле многие собственные иллюзии. См.: Кузнецов Ф. Ф. Круг Д. И. Писарева. С. 332, 336.

¹⁴⁰ *Салтыков-Щедрин М. Е. Собрание сочинений. Т. 4. М., 1966. С. 255.*

¹⁴¹ *Эпоха. 1864. № 12.*

обществом и тяжелы были страдания, перенесенные им ни за что, ни про что, падающие несмываемым черным пятном на “Эпоху великих реформ”» (66).

Идейное развитие Бунакова в 1850–1860 гг. проходило в переходную эпоху национальной истории, когда исторические события «разбудили» все слои общества. Патриотические настроения затронули его, когда в 1853 г. он написал стихотворение «Самодержавие». В это же время проявился интерес Бунакова к русскому историческому фольклору («О русских исторических песнях ига монгольского», 1854 г.) и к истории родного края («Вологда в начале 17 века», 1857 г.). После начала учительства в Кадникове, где он особенно увлекся изучением сельского хозяйства и населения Вологодской губернии, стал оформляться круг общественных и профессиональных интересов Бунакова. Целью своей профессиональной деятельности учителя он видит распространение знаний в обществе, а при изучении хозяйства и этнографии Вологодской губернии акцент делает на положении простого народа — крестьянства и городских жителей — мещан. Свойства характера Бунакова: бескомпромиссность и неуживчивость, в соединении с литературной выучкой, привели его к занятию публицистикой. Тематами для обличительных статей служили наблюдения за жизнью вологодского дворянства и чиновничества. Как преподаватель, позитивный смысл своей деятельности он видел в расширении образованности городских слоев общества, о чем он писал в своих статьях. Встав на сторону демократического развития страны и занимаясь литературной работой, Бунаков печатался в прессе разных направлений, кроме охранительного. Тем более, что в те годы граница между демократическими изданиями и противостоящими им не всегда была четко выражена и по отдельным направлениям органы печати были близки друг другу¹⁴². Всех их объединяли надежды на грядущие перемены в жизни России. С начала 60-х гг. Бунаков по своим взглядам тяготел к революционным демократам. В апреле 1862 г. он вступил в вологодский кружок членов тайного общества «Земля и воля», но последующие исторические события определили его положение вне революционного лагеря. К разрыву с революционно-демократическими кругами привел Бунакова так называемый «раскол в нигилистах», когда от-

¹⁴² Рейфман П. С. Отражение общественно-литературной борьбы на страницах русской периодики 1860-х годов. С. 23.

ношения в их среде стали обостряться после ареста Чернышевского и других ведущих деятелей движения, и затем самороспуска общества «Земля и воля» в 1863 г. Со второй половины 60-х гг., под влиянием деятельности в Петербурге учителей Ушинского и Резенера, он вернулся к своему призванию, увлекшись распространением начальной народной грамотности, занятиями с детьми из народа. Достижения Бунакова в преподавательской деятельности были следствием не только его склонности к учительству и результатами практики. Он был незаурядной личностью — демократом и гуманистом, раскрывшим свои качества и способности в эпоху подъема общественного самосознания. Особое влияние на него оказали идеи и публицистика Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова, двух выдающихся личностей русского освободительного движения. Особенно он ценил и любил Добролюбова, оплакивая в 1860 г. его преждевременную смерть (57), за выступления в печати по вопросам школьной дисциплины, за борьбу в педагогике против тех, кто защищал применение телесных наказаний в школе¹⁴³.

ОБ УЧЕБНО-ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ БУНАКОВА В ВОРОНЕЖСКОЙ ВОЕННОЙ ГИМНАЗИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1860-Х ГОДОВ

Случай определил место учительской службы Бунакова в 1866–1870-х гг. Его брат, управлявший имением князя С. А. Долгорукова в Новохоперском уезде Воронежской губернии, пригласил Николая Федоровича погостить у него и помочь в делах. В августе 1865 г. Н. Ф. Бунаков уехал из Петербурга в Воронежскую губернию и оставался в деревне до начала заморозков, после чего направился в Петербург, с намерением там «искать учительского места». По пути он остановился в Воронеже, где узнал о преобразовании местного кадетского корпуса в военную гимназию и ре-

¹⁴³ Н. А. Добролюбов в своих статьях, направленных против ошибок и непоследовательности известного педагога Н. И. Пирогова, в частности в статьях «Все-российские иллюзии, разрушаемые розгами», «От дождя, да в воду», показал антипедагогический характер каких бы то ни было мер физического воздействия на учащихся. Он категорически возражал против применения в воспитании телесных наказаний и других дисциплинарных мер, оскорбляющих детей. См.: *Соловьева В. Д. Педагогические взгляды и деятельность Н. Ф. Бунакова*. М., 1960. С. 15.

шил попытаться найти в ней для себя учительскую работу. Там ему представилась вакансия преподавателя русского языка и словесности. Известный педагог М. Ф. де-Пуле, занимавший эту должность в гимназии, переводился тогда в г. Вильну (66–68). Преподавание в Воронежской военной гимназии Бунаков начал весной 1866 г. и осенью получил уроки русского языка, а затем и словесности в четырех младших классах, которые были доведены им до конца курса¹⁴⁴. С 11 апреля 1868 г. ему присвоили должность «штатного преподавателя» русского языка и словесности. К этому времени Н. Ф. Бунаков имел чин коллежского советника, был кавалером орденов Св. Анны 2-й и 3-й степеней, Св. Станислава 2-й степени и имел «Бронзовую медаль в память войны 1853–56 гг.»¹⁴⁵. С осени 1868 г. его учеником становится Георгий Плеханов.

Система преподавания Бунакова, выработанная им за предыдущие годы учительства, была направлена на «беспрепятственное развитие способностей воспитанников». По характеристике, данной ему в годы службы в Вологодской гимназии, он, «при прекрасном знании своего предмета и при ясном вразумительном преподавании», умел поддерживать «дисциплину и совершенный порядок в классе интересом преподавания и своим личным одушевлением». По отношению к учащимся Бунаков держался «характера разумно снисходительного и справедливого», соблюдая индивидуальный подход к воспитанникам¹⁴⁶. Преимущество он видел в общеобразовательном и воспитательном обучении перед специальным, предметным. По его мнению, «школа должна поселять в душах своих учеников задатки возвышенных и благотворных идеалов и через своих учеников проводить их в жизнь»¹⁴⁷. Система преподавания Бунакова направлена была на нравственное и патриотическое воспитание учеников. В качестве инструмента такого воспитания он использовал художественные произведения русской литературы, в которых изображались «исторические картины страданий и подвигов русского народа и героических лич-

¹⁴⁴ Записки Н. Ф. Бунакова. Моя жизнь, в связи с общерусской жизнью, преимущественно провинциальной. 1837–1905. СПб., 1909. С. 72, 91.

¹⁴⁵ Там же. С. 82; Адрес-календарь лиц и служащих Воронежской губернии по 1 апреля 1877 г. Воронеж, 1877. С. 59.

¹⁴⁶ Гольдина А. М. Учитель учителей: www.booksite.ru/lichnosty/index.php?action=getwork&cid=218&pid=165&sub=workabout.

¹⁴⁷ Бунаков Н. Ф. Школьное дело // Бунаков Н. Ф. Избранные педагогические произведения. М., 1953. С. 235.

ностей», знакомя тем самым учеников «с проявлениями и сущностью гражданского чувства, мужества, самопожертвования, бескорыстия, героизма». «Чтобы патриотическое чувство не переходило в нетерпимость и народное тщеславие», ученикам необходимо, по мнению Бунакова, читать художественные произведения, «дающие образы человеколюбия, справедливости и деятельной любви к ближнему»¹⁴⁸. Следуя своей системе обучения, при которой словесность помогала изучению родного языка, Бунаков занятия по русскому языку вел, главным образом, на произведениях отечественной литературы, «проникнутых переживаниями, чаяниями и надеждами народа». Тем самым его ученики могли «не только успешно овладевать устной и письменной речью, но вместе с тем проникались идеалами народной жизни и стремлениями служить этим идеалам»¹⁴⁹.

После нескольких лет службы в военной гимназии, в которой обучение проходило в специфических условиях интерната, Бунаков стал скептически относиться к возможности выработки у своих учеников самостоятельного образа мысли. Он отмечал, что условия жизни в военной гимназии всецело ставили воспитанников в зависимость не только от установленного в ней распорядка и опеки начальства, но и подчиняли влиянию коллектива учащихся. Это обстоятельство замечено на примере Георгия Плеханова, отношение которого к учёбе стало меняться в старших классах, с 1871 г. Первоначальные успехи по всем предметам сменились, по некоторым из них, более скромными результатами. 4-й класс гимназии, где он тогда учился, отличался количеством «неуспевающих» воспитанников. В приказе по гимназии за март 1871 г. указывалось: «В обоих отделениях этого класса половина всего числа воспитанников аттестована неудовлетворительно, по одному или нескольким предметам». Воспитательный совет гимназии констатировал, что «почти целая треть воспитанников состоит из каких-то умственных инвалидов, обленившихся и не умеющих серьезно и самостоятельно заниматься и несколько не радеющих о своем образовании»¹⁵⁰. О плохих знаниях воспитанников воен-

¹⁴⁸ Там же. С. 215.

¹⁴⁹ Смирнов В. З. Николай Федорович Бунаков, его жизнь и педагогическая деятельность // Бунаков Н. Ф. Избранные педагогические произведения. М., 1953. С. 31.

¹⁵⁰ Чесноков В. И. Поиски материалов о Г. В. Плеханове в воронежских архивах в 1920-е годы // Из истории Воронежского края. Вып. 4. Воронеж, 1972. С. 38.

ных гимназий сообщали и из военных училищ, куда те переводились по окончании учёбы. По мнению Бунакова, причиной плохой подготовки молодых людей в военных гимназиях был сам характер закрытого учебного заведения, где у воспитанников отсутствовали «способности самоуправления и значительной заботы о самом себе, о своей жизни, о своем образовании, о своем деле, о будущности». Попечительный характер заведения пронизывал, по его мнению, «всю жизнь воспитанника военной гимназии, все его существо»¹⁵¹. Надеясь разбудить самолюбие пансионеров и вызвать у них желание учиться, он на своих уроках обращался к ним со словами: «Ну, куда вам равняться с гимназистами, разве юнкер и студент похожи друг на друга? Вы не способны даже читать умную книгу, не то, что изучать ее»¹⁵². Причину этого Бунаков видел в том, что личность в заведении «остаётся в подневольном положении и совершенно без своего времени». Он писал: «Воспитанник интерната молится, садится за стол, берется за книгу, за умственный труд, занимается искусствами, упражняется гимнастикой, танцует, марширует, — словом сказать, все делает по сигналу, в массе, в определенное время..., но есть в интернате другая сила, которая неумолимо эксплуатирует личность, это сила массы. Рекреационные часы всецело принадлежат ей, ее произволу...»¹⁵³. Бунаков, относившийся «к человеческой личности, как к святыне», признававший за каждым «право на полное всестороннее развитие его душевных сил и свободу убеждений»¹⁵⁴, оказался в трудном положении. Надежда была на то, что среди массы воспитанников, характеризуемых, как он писал, «отсутствием способности к самоуправлению, всегда возможны исключения»¹⁵⁵. К таким исключениям он относился с особым вниманием. В Георгии Плеханове Бунаков «подметил литературное дарование и всячески способствовал развитию его своими советами касательно стилистики, указанием книг для учения, беседами и т. д.». Прочи-

¹⁵¹ Бунаков Н. Заметки об условиях воспитания в военных гимназиях // Педагогический сборник. 1870. Книга V. С. 475.

¹⁵² Полевой А. Литературные воспоминания Старика. Посвящается русской учащейся молодежи. Издание газеты «Южная копейка». Киев, 1911. С. 4–5. Цит. по: Березжанский А. С. Плеханов: от народничества — к марксизму. 2-е издание. М., 2006. С. 28.

¹⁵³ Бунаков Н. Заметки об условиях воспитания в военных гимназиях // Педагогический сборник. 1870. Книга V. С. 482, 483.

¹⁵⁴ Записки Н. Ф. Бунакова... С. II–III.

¹⁵⁵ Там же. С. 480.

тав одно из сочинений своего незаурядного ученика, Бунаков, сказал ему: «Из Вас, Плеханов, выйдет большой литератор»¹⁵⁶.

На своих занятиях он рассказывал ученикам о современной прозе и поэзии, анализировал содержание литературных произведений с точки зрения их связи с окружающей действительностью. Такой подход был органичен и близок для него, прошедшего школу публициста, писателя, знакомого с общественной и народной жизнью, вращавшегося в революционно-демократических кругах. Тем самым Бунакову удавалось воспитать в своих наиболее нравственно чутких учениках гражданственность и сострадание к трудящемуся народу, пробуждая в них «революционные устремления». О том, что такие юноши были среди воспитанников Воронежской военной гимназии, свидетельствуют воспоминания Плеханова. Он помнил случай с чтением в гимназии Н. А. Некрасова. В произнесенной в Женеве в январе 1903 г. речи, посвященной памяти поэта, вспоминая о своей юности, Плеханов говорил: «Я был тогда в последнем классе военной гимназии. Мы сидели после обеда группой в несколько человек и читали Некрасова. Едва мы кончили “Железную дорогу”, раздался сигнал, звавший нас на фронтное учение. Мы спрятали книгу и пошли в цейхгауз за ружьями, находясь под сильнейшим впечатлением всего только что прочитанного нами. Когда мы стали строиться, мой приятель С. подошел ко мне и, сжимая в руке ружейный ствол, прошептал: “Эх, взял бы я это ружье и пошел бы сражаться за русский народ!”. Эти слова, произнесенные украдкой в нескольких шагах от строгого военного начальства, глубоко врезались в мою память; я вспоминал их потом всякий раз, когда мне приходилось перечитывать “Железную дорогу”»¹⁵⁷. Этим приятелем Плеханова, предположительно, был Константин Соловцов, «впоследствии земский деятель, член Новохоперской уездной управы»¹⁵⁸. Гимназию он окон-

¹⁵⁶ РНБ. АДП. Ф. 1094. Оп. 1. Ед. Хр. 10. Л. 2. Надо думать, что в этом воспоминании жены Плеханова о годах его учебы она пользовалась его рассказами.

¹⁵⁷ Плеханов Г. В. Н. А. Некрасов (речь) // Плеханов Г. В. Сочинения. Т. X. М.; Л., 1925. С. 389.

¹⁵⁸ Смирнов И. Г. В. Плеханов в Воронежской военной гимназии. (По архивным документам) // Каторга и Ссылка. 1929. Книга 61. С. 143. В 1894 г. К. М. Соловцов — член училищного совета Новохоперского уезда Воронежской губернии. См.: Памятная книжка Воронежской губернии на 1894 г. Отдел IV-й. Адрес-календарь. С. 89. В 1908–1910 гг. Соловцов Константин Михайлович был гласным от Новохоперского уезда в Воронежском губернском земском собрании // Памятные книжки Воронежской губернии на 1908–1910 гг. Отдел IV-й. Адрес-ка-

чил в 1873 г. по 3-му разряду. По этой причине должен был быть направлен «вольноопределяющимся рядового звания в военную службу»¹⁵⁹. Соловцов не был одаренным учеником, как Плеханов, но в нем жило сочувствие «униженным». Нравственное чувство негодования задавленным и угнетённым положением народа, судя по приведенному воспоминанию, испытывал к концу учебы в военной гимназии и Плеханов.

О роли учителей русского языка и литературы в воспитании молодого поколения в пореформенной России князь Петр Кропоткин писал в своих воспоминаниях: «Западная Европа и, по всей вероятности, Америка не знают этого типа учителя, хорошо известного в России. У нас же нет сколько-нибудь выдающихся деятелей и деятельниц в области литературы и общественной жизни, которые первым толчком к развитию не обязаны были преподавателю словесности. Во всякой школе, всюду должен был быть такой учитель. Один только преподаватель литературы, руководствующий лишь в общих чертах программой и которому предоставлена свобода выполнять ее по своему усмотрению, имеет возможность связать в одно все гуманитарные науки, обобщить их широким философским мировоззрением и пробудить, таким образом, в сердцах молодых слушателей стремление к возвышенному идеалу. В России эта задача, естественно, выпадает на долю преподавателя русской словесности»¹⁶⁰.

лендарь. С. 7. Отец Константина Соловцова — Михаил Александрович, статский советник, с 1869 г. — управляющий в Воронежском Управлении государственных имуществ. С 1874 г. он был членом Воронежского комитета о попечении бедных. См.: Адрес-календарь лиц и служащих Воронежской губернии по 1 апреля 1877 г. Воронеж. 1877. С. 10, 32.

¹⁵⁹ Российский Государственный Архив Социально-политической Истории (РГАСПИ). Ф. 264. Оп. 1. Д. 214. Л. 9, 10.

¹⁶⁰ *Кропоткин П. А.* Записки революционера. М., 1966. С. 112.

В. А. Болтрукевич¹

ПОЛУБРОНЕНОСНЫЕ ФРЕГАТЫ РОССИЙСКОГО ИМПЕРАТОРСКОГО ФЛОТА КАК ИННОВАЦИЯ В ВОЕННО- МОРСКОМ ДЕЛЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА (ПО СВИДЕТЕЛЬСТВАМ СОВРЕМЕННОКОВ)

В истории военно-морской мысли (как русской, так и зарубежной) вторая половина XIX столетия осталась как время революционных преобразований, затронувших все аспекты деятельности: от технических до тактических. Так, одним из последствий технического прогресса стало появление новых, небывалых ранее, типов кораблей (броненосцы и носители минного оружия) и вооружения (самодвижущаяся мина-торпеда). Это, в свою очередь, не могло не оказать влияния (и влияния определяющего) на развитие военно-морского дела, что в корне меняло все прежние, устоявшиеся принципы использования военно-морских сил.

Все это наложило свой особенный отпечаток на формирование взглядов военно-морского профессионального сообщества. Его представители, как в России, так и в других морских державах, включились в активное обсуждение будущих перспектив развития военно-морского флота.

В рассматриваемое время одним из магистральных течений военно-морской мысли, в том числе и российской, была т. н. «теория крейсерской войны». Поскольку одним из основных ее инструментов являлись корабли крейсерского класса, то естественно, что критерии, которым они должны были соответствовать,

¹ Центр военной истории России Института российской истории РАН.

стали одним из основных вопросов, занимавших военно-морские круги.

На протяжении 50–70-х гг. XIX в. русскими корабелями на основе опыта, как собственного, так и зарубежного, были разработаны и построены образцы крейсеров разных классов (винтовые фрегаты, корветы и клипера), ничем не уступавшие зарубежным аналогам и, в целом, получившие положительные отзывы современников. Однако, уже к рубежу 1870–1880-х гг. у представителей русского военно-морского профессионального сообщества стало складываться мнение, что прежние типы кораблей крейсерского класса русского флота не удовлетворяют требованиям времени. Вот что писал об этом один из современников, инженер-механик А. Т. Беляев. Согласно его мнению, уже давно ощущалась потребность «в создании такого типа океанского крейсера, который, обладая большой скоростью хода под парами и хорошими парусными качествами, при возможно сильной артиллерии и большом запасе топлива, имел бы в боевом отношении существенное преимущество над всяким неприятельским неброненосным военным судном, не говоря о коммерческих...»².

По нашему мнению, вышеприведенным критериям в наибольшей степени соответствовал тип полуброненосных фрегатов, ставший плодом деятельности кораблестроителей России и являвшийся уникальным по своей концепции для рассматриваемой нами эпохи. В 1870–1880-е гг. по сходным проектам было построено шесть кораблей этого типа. Учитывая это, было бы интересно проследить их эволюцию, посмотреть какие оценки давались им современниками, а также определить какое влияние они оказали на развитие военно-морского дела.

Необходимо отметить, что сама идея сочетания в одном корабле столь несовместимых свойств, как броневая защита и крейсерские качества (большая скорость, достаточная дальность плавания и мощное артиллерийское вооружение), появилась и стала широко распространенной в 1860-е гг. Неизвестно, кто являлся родоначальником этой концепции, можно сказать, она буквально витала в воздухе³. Как вполне справедливо замечает современный военно-мор-

² Беляев А. Т. Очерк военного судостроения в России в период от 1863 года и броненосного фрегата крейсера «Владимир Мономах». СПб.: тип[ография] Мор[ского] м[инистерст]ва, 1885. С. 29.

³ Кондратенко Р. В. Зарождение класса броненосных крейсеров в Российском флоте // Гангут. Вып. 64. СПб.: «Гангут», 2011. С. 6; Федечкин А. Д. «Мы дей-

ской историк Р. В. Кондратенко: «Едва ли можно установить, когда именно и кому впервые пришла мысль создать корабль, совмещающие разные, отчасти противоречащие друг другу качества»⁴.

Одним из тех, кто приложил решающие усилия к реализации этих замыслов на практике, был выдающийся русский кораблестроитель, адмирал Андрей Александрович Попов. Именно по его проекту были спроектированы и заложены первые образцы броненосных крейсеров российского флота — полуброненосные фрегаты «Генерал-Адмирал» и «Герцог Эдинбургский»⁵. Некоторые из представителей русских военно-морских кругов встретили эти корабли весьма скептически. Сразу же после спуска фрегата «Герцог Эдинбургский» среди морских офицеров пошли слухи, что данный фрегат «требует капитальных исправлений в броневой своей обшивке, которая не только сама по себе не прочна качеством, но, сверх того, сделана, что называется на скорую руку»⁶. В свою очередь, некоторые морские офицеры отмечали, что раз оба судна этой серии «не испытывались, то неизвестно, прочно или нет они выстроены для ношения в море своих тяжестей»⁷. Как нам кажется, подобное скептическое отношение отчасти обуславливалось общим недоверием военно-морской общественности к автору создания их концепции адмиралу А. А. Попову, а не действительными качествами этих кораблей.

В числе тех, кто положительно отзывался об этих крейсерах, был инженер-механик А. Т. Беляев. Он отмечал, что в этих кораблях впервые на практике «удалось осуществить идею броненосных крейсеров с броневым поясом по ватерлинии»⁸. В свою очередь лейтенант Л. Б. Кербер называл их уникальным типом боевых судов, «соединяющим в себе все достоинства крейсера с преимуще-

ствами верно ... ». К вопросу о выработке типа первых океанских броненосных крейсеров российского флота // Военно-исторический журнал. 2017 № 1. С. 36, 37.

⁴ Кондратенко Р. В. Зарождение класса броненосных крейсеров ... С. 4.

⁵ Изначально был назван в честь благоверного князя Александра Невского. Переименовал в связи с тем, что на церемонии закладки присутствовал герцог Эдинбургский.

⁶ Агентурные донесения о распространении среди морских офицеров слухов о крупных дефектах фрегата «Герцог Эдинбургский», принятого комиссией и спущенного на воду. Сент[ябрь] 1875 // ГА РФ. Ф. 109. Оп. 3а. Д. 480. Л. 1.

⁷ Записка без подписи о задачах Морского ведомства и о типе судов для русского флота [1880-е] // ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 431 Л. 5 об, 9 об.

⁸ Беляев А. Т. Очерк военного судостроения в России ... С. 32, 33.

ми броненосца»⁹. Кроме того, по словам русского морского историка П. И. Белавенца, общей особенностью этих кораблей было то, что «их артиллерия и броня давали возможность успешно сражаться не только с неброненосными судами иностранных флотов, но даже и с броненосцами, построенными до 70 г.»¹⁰. Аналогичное мнение об их превосходстве над своими потенциальными противниками имел и вице-адмирал Н. М. Чихачев. Он указывал, что они «... весьма полезны и по степени своей неуязвимости превосходят 144 неброненосцев — крейсеров Англии [так в тексте. — В. Б.], а потому будут иметь над ними в одиночном бою громадные преимущества»¹¹. В историографии тип полуброненосных фрегатов также оценивается весьма положительно: эти корабли «представляли собой действительно полноценные океанские крейсера...»¹². Советский историк С. П. Моисеев прямо называл «Генерал-Адмирал» и «Герцог Эдинбургский» «первыми в мире броненосными крейсерами»¹³.

С другой стороны, нельзя было не учитывать и отрицательные качества этой серии крейсеров. Так, тот же адмирал Н. М. Чихачев приводил внушительный список их недостатков: они имели «малую вместительность топлива», слабую артиллерию и «чрезмерно многочисленный экипаж», который сделает «затруднительным снабжение продовольствием и будет ставить эти суда во время войны в зависимость от случайности находить топливо и сухари»¹⁴. Еще более жестким в своей оценке был адмирал И. А. Шестаков, не признававший за этими кораблями никаких достоинств, которые соответствовали бы их стоимости. Кроме того, согласно его мнению, они имели неудачное расположение артиллерийских орудий¹⁵.

Следует отметить, что новые русские крейсера обратили на себя внимание и за рубежом. Так Э. Дж. Рид, видный британский

⁹ Кербер А. Б. Постепенное развитие боевых судов. Изменение характера бронирования, вызванные увеличением калибра средней артиллерии. СПб.: тип[ография] Мор[ского] м[инистерства], 1903. С. 18.

¹⁰ Белавенец П. И. Нужен ли флот России? СПб.: Товарищество Р. Голике и А. Вильборг, 1910. С. 231.

¹¹ Рапорт вице-адмирала Н. М. Чихачева. Одесса, 2 июля 1881 г. // РГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 4103. Л. 88, 88 об.

¹² Ненахов Ю. Ю. Энциклопедия крейсеров. Минск: «Харвест», 2006. С. 115.

¹³ Моисеев С. П. Список кораблей Русского парового и броненосного флота (с 1928 по 1917). М.: Воениздат, 1948. С. 21.

¹⁴ Рапорт вице-адмирала Н. М. Чихачева... Л. 88 об.

¹⁵ Записка И. А. Шестакова. Эмс, 28 июня 1881 г. // РГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 4103. Л. 116.

кораблестроитель второй половины XIX в., писал, что эти корабли не имеют аналогов в британском флоте, соединяя в себе большую скорость и толстую броню. При этом, хотя английские броненосцы несут более тяжелую артиллерию, их скорость недостаточна, чтобы догнать русские фрегаты. Единственным кораблем английского флота, могущим соперничать с ними по быстроходности, являлся крейсер «Инконстант»¹⁶.

Не только «Владычица морей» оказалась под впечатлением от вновь созданных в России крейсеров нового типа. Свою лепту в их обсуждение внесли и другие морские державы. Так, не осталась в стороне и Германия, тогда только-только приступавшая к созданию океанского военно-морского флота. Свидетельством этого может служить эпизод, содержащийся в воспоминаниях Ю. В. Арсеньева. Корабль, на котором он служил¹⁷, придя в Киль, оказался в центре внимания: «Фрегат наш видимо интересует здешних военных моряков. Посетившие нас морские офицеры с особенным интересом осматривали фрегатскую машину, которая приводила их в восторг. Также старались рассмотреть подробнее наше вооружение. По всему заметно, что все русское теперь составляет особенно интересный предмет для изучения в военных сферах». Более того, определенный интерес к русскому фрегату проявил принц Генрих Прусский (сын императора Фридриха III и брат кронпринца, будущего императора Вильгельма II), только недавно вернувшийся из кругосветного плавания на немецком винтовом фрегате «Принц Адальберт»¹⁸.

Успех русских корабелов, создавших и построивших столь удачную серию кораблей крейсерского класса, получил свое развитие. Ее премниками стали полуброненосные фрегаты «Владимир Мономах» и «Дмитрий Донской». Инженер-механик А. Т. Беляев в своем исследовании прямо указывал, что «*Владимир Мономах*» был разрабо-

¹⁶ Z. Английское мнение о русском флоте // Вестник Европы. 1872. № 9. С. 420. «Inconstant» — первый в мире полноценный океанский крейсер, построен в противовес американским кораблям типа «Wampanoag». К моменту ввода в строй, т. е. на 1869 г., был самым быстроходным кораблем в мире.

¹⁷ Мы можем предполагать, что здесь идет речь либо о «Генерал-Адмирале», либо о «Герцоге Эдинбургском», поскольку на 1882 году в русском флоте помимо них, не было кораблей класса фрегат, способных вызывать такой ажиотаж.

¹⁸ Арсеньев Ю. В. От Ревеля до Алжира. Из дневника морского офицера // Русский Вестник. 1882. № 10. С. 831. «Принц Адальберт» (ex. «Sedan») — гладкопалубный корвет с железным корпусом, обшитый медью и подъемным винтом. Подробнее смотри: *Ненахов Ю. Ю.* Энциклопедия крейсеров. 1860–1910... С. 64.

тан из типа наших последних броненосных крейсеров¹⁹ через ряд различных усовершенствований, как по корпусу, так и по механизму судна». Это позволяло ему характеризовать этот корабль следующими словами: «мы уже имеем право с гордостью сказать, что мы достигли полного успеха во вновь созданном броненосном фрегате-крейсере «Владимир Мономах»... Этот успех вдвойне отраден: наш флот приобрел выдающееся боевое судно...»²⁰. В свою очередь, публицист и общественный деятель капитан-лейтенант А. Е. Конкевич (известный также под псевдонимом «Беломор») называл этот корабль «нашим самым сильным и быстроходным крейсером»²¹.

Одним из главных отличительных качеств «Владимира Мономаха» стала его довольно высокая скорость, достигавшая 17 узлов, что стало главной заслугой Балтийского завода, на котором строился этот корабль. По словам инженера-механика А. Т. Беляева, «до сих пор ни одна держава не может похвалиться, что она достигла такого блистательного результата относительно хода броненосного судна»²².

Следующем по хронологии кораблем, который можно было отнести к фрегатскому классу, являлся броненосный крейсер «Адмирал Нахимов», разработанный на основе британских кораблей типа «Имперьюс»²³. Вступивши в строй в 1887 г., уже в начале октября 1888 г. «Адмирал Нахимов» пришел во французский порт Шербур, где, согласно рапорту командира, «был предметом общего внимания». Более того, «в этом радушном приеме и в выражениях своих симпатий России все население города принимало полное и живейшее участие...»²⁴. Надо сказать, что крейсер «Ад-

¹⁹ Здесь имеются в виду полуброненосные фрегаты «Генерал-Адмирал» и «Герцог Эдинбургский». Необходимо отметить, что официально класс «броненосных крейсеров» был введён в русском флоте по новой классификации, Высочайше утверждённой 1 февраля 1892 г. См.: Военно-морские флоты и морская справочная книжка на 1892. Составлена под личным наблюдением Его Императорского Высочества Великого князя Александра Михайловича лейтенантом Будиловским. СПб.: тип[ография] Э. Гоппе, 1892. С. 21.

²⁰ Беляев А. Т. Очерк военного судостроения в России... С. 34, 35. Курсив А. Т. Беляева.

²¹ Беломор А. Е. Из Русско-японской войны. (Крейсерская деятельность). СПб.: тип[ография] «С[анкт]-Петерб[ургских] Вед[омостей]», 1909. С. 7.

²² Беляев А. Т. Очерк военного судостроения в России... С. 35.

²³ Арбузов В. В. Броненосный крейсер «Адмирал Нахимов». СПб.: Корабли и сражения, 2000. С. 1; Кондратенко Р. В. Морская политика России 80-х годов XIX века. СПб.: ЛеКо, 2006. С. 104.

²⁴ Цит. по: Арбузов В. В. Броненосный крейсер «Адмирал Нахимов...» С. 21.

мирал Нахимов» имел прекрасное качество постройки. Об этом косвенно говорит следующий факт: в январе 1895 г., спустя восемь лет после постройки, он показал наибольшую скорость на соревнованиях между крейсерами Тихоокеанской эскадры²⁵. Однако этот корабль имел существенный изъян, сказавшийся позднее: недостаточную площадь бронирования²⁶.

Последним в череде полуброненосных фрегатов Российского Императорского флота суждено было стать крейсеру 1-го ранга «Память Азова». Современники видели в его названии указание на преемственность традиций, вспоминая героя Наваринского сражения, легендарный «Азов»²⁷. Относительно качеств «правнука героя Наварина»²⁸, «одного из самых больших наших блиндированных океанских крейсеров»²⁹, мы имеем свидетельство его командира, капитана 1-го ранга Г. П. Чухнина: во время празднования 400-летия открытия Америки при переходе международной эскадры в Кадис вверенный ему корабль пришел одним из первых в назначенное место³⁰. Представляется интересным, что среди представителей английской стороны существовала такая же высокая оценка этого корабля. Лорд Адмиралтейства Брассей в одной из своих статей прямо указывал, что «Память Азова» превосходит по быстроходности английские суда аналогичного класса³¹. Учитывая, что скорость являлась одним из главных качеств крейсера, можно предположить, что в случае войны последний полуброненосный фрегат русского флота мог бы стать достойным преемником славного прадеда.

Представляется интересным, что рассматриваемый нами уникальный тип российских крейсеров оказал свое влияние на военно-

²⁵ Арбузов В. В. Броненосный крейсер «Адмирал Нахимов» ... С. 66, 67.

²⁶ Ненахов Ю. Ю. Энциклопедия крейсеров ... С. 121.

²⁷ Батюшков. Корабли «Азов» и «Память Азова». Кронштадт: Типография Кронштадтского сборника, 1901. С. 9; Петров 12-й А. В. Корабль «Азов» в Наваринском сражении: к спуску броненосного крейсера «Память Азова». СПб., 1887. С. 9.

²⁸ Батюшков. Корабли «Азов» и «Память Азова» ... С. 9.

²⁹ Мец Ф. М. Новый русский крейсер // Русское Судостроение. 1887. № 6/7 (18/19). С. 15.

³⁰ Крейсер «Память Азова». Извлечения из рапорта командира крейсера капитана 1 ранга Г. П. Чухнина // Морской Сборник. 1892. № 12. Известия о плавании наших судов за границей. С. 3.

³¹ Э. По поводу сравнений английского флота с соединенными флотами Франции и России // Морской Сборник. 1895. № 8. С. 7.

морскую гонку вооружений. Прежде всего, это связано с главным потенциальным противником, против которого они и создавались, английским флотом. Еще во время постройки и испытания первых кораблей этой серии («Генерал-Адмирал» и «Герцог Эдинбургский») в Англии было построено три подобных «полуброненосца», при составлении чертежей которых «английское адмиралтейство старалось выполнить все характеристические особенности наших броненосных крейсеров»³². Нам кажется, что здесь определенную роль могла сыграть вышеприведенная положительная оценка первых полуброненосных фрегатов Э. Дж. Ридом. Первым из британцев, при создании которого в расчет брались русские полуброненосные фрегаты, стал крейсер «Шэннон». Он был заложен еще до того, как стали известны точные данные русских кораблей, и поэтому во многом оказался неудачным. Несмотря на превосходство над русскими аналогами по толщине брони и силе артиллерии, он показал на испытаниях небольшую скорость. Тем самым при встрече с нашими крейсерами, он «не мог бы командовать боем», согласно мнению А. Т. Беляева³³. В историографии этот корабль оценивался устойчиво отрицательно как британскими, так и русскими специалистами по истории флота³⁴.

Линию «Шэннона» продолжили крейсера «Нельсон» и «Нортхемптон», построенные специально для противодействия первым русским полуброненосным фрегатам. Они имели увеличенное водоизмещение и, как отмечали некоторые современники, проигрывали своим соперникам из-за своей малой скорости³⁵. Однако, существовала и другая точка зрения. Так, согласно «Записке без подписи о задачах Морского ведомства и о типе судов для русского флота», это был «лучший современный тип, которого нам следует придерживаться...»³⁶. Также и «Морской сборник», официальное периодическое издание Морского ведомства России, отмечал, что «Нортхемптон» «представляет собой специ-

³² Беляев А. Т. Очерк военного судостроения в России... С. 32.

³³ Там же.

³⁴ Ненахов Ю. Ю. Энциклопедия крейсеров... С. 91–93; Паркс О. Линкоры Британской империи. Часть II. Время проб и ошибок. СПб.: Галеев-Принт, 2002. С. 92–97.

³⁵ Беляев А. Т. Очерк военного судостроения в России... С. 33; Оттолки морского смотра в Спитхед // Морской Сборник. 1897. № 8. Морская хроника. С. 9.

³⁶ Записка без подписи о задачах Морского ведомства и о типе судов для русского флота [1880-е] // ГАРФ Ф. 677. Оп. 1. Д. 431. Л. 11, 11об.

альный тип военного судна и... обладает всеми качествами перво-классного крейсера при великолепной защищенности всех важных частей своего корпуса...»³⁷.

Дальнейшим развитием серии британских бронированных крейсеров стали «Имперьюс» и «Уорспайт». У этой пары сохранялись все недостатки предыдущих кораблей: нехватка скорости и слабая броневая защита³⁸. Английский морской историк О. Паркс указывал, что, несмотря на сильную артиллерию, «по другим составляющим проекта, они могут твердо быть отнесены к разряду “паршивых овец” викторианского броненосного флота...»³⁹.

Через неудач вынудила британского адмирала Дж. Коммерела, выступая в Парламенте, признать, что попытка создать хороший аналог русских полуброненосных фрегатов потерпела фиаско. Он характеризовал первые бронированные британские крейсера как «практически полный провал идеи современного корабля, неудачно спроектированные, плохо построенные и абсолютно опасные»⁴⁰. В историографии считается, что одной из главных причин подобной неудачи была хроническая болезнь практически всего мирового кораблестроения — огромная строительная перегрузка⁴¹. Все это привело к тому, что уже в самом конце XIX в., «Морской Сборник» отмечал, что «в броненосных крейсерах Англия гораздо слабее своих противников»⁴².

Подводя итоги, необходимо отметить, что русским кораблям одним из первых удалось разработать в теории и реализовать на практике концепцию океанского броненосного крейсера. Заложенные и построенные в ее рамках полуброненосные фрегаты являлись реальной угрозой для британских кораблей, предназначенных для охраны морской торговли, практически не имевших

³⁷ Броненосный крейсер *Northampton* // Морской Сборник. 1880. № 1. Морская хроника. С. 37.

³⁸ Спуск на воду полуброненосного фрегата «Владимир Мономах». // Морской Сборник. 1882. № 11. Морская хроника. С. 16, 17.

³⁹ Паркс О. Линкоры Британской империи. Часть III. Тараны и орудия-монстры. СПб.: Галеев-Принт, 2004. С. 93.

⁴⁰ Цит. по: Паркс О. Линкоры Британской империи. Часть III... С. 93.

⁴¹ Ненахов Ю. Ю. Энциклопедия крейсеров... С. 96; Паркс О. Линкоры Британской империи. Часть III... С. 93, 94.

⁴² Состояние английского флота // Морской Сборник. 1884. № 12. Морская хроника. С. 38; Э. По поводу сравнений английского флота с соединенными флотами Франции и России... С. 20.

броневой защиты⁴³. Наиболее ценным является признание самими англичанами приоритета России в этой отрасли военно-морского кораблестроения. Газета «Таймс» прямо указывала, что «адмиралу Попову и русским морским начальникам принадлежит честь первого практического шага в этом направлении»⁴⁴. Аналогичное мнение имел и лорд Английского Адмиралтейства сэр Т. Брассей: «наиболее оригинальный проект и наиболее заметное отступление от обыкновенных типов военных судов можно найти в русском флоте, в котором поясные крейсера появились впервые. Русское морское ведомство было пионером в усилиях по части разрешения вопроса о броненосных крейсерах, в которых большая скорость соединена с существенным условием действительной броневой защиты... броня... достаточно толста, чтобы оказать сопротивление вооруженным судам...»⁴⁵.

Знакомясь с подобными оценками, нельзя не согласиться с П. А. Мордовиным: «при обсуждении вечно тревожного для англичан вопроса: *о соответствии военно-морских сил Великобритании для всех потребностей защиты ее морской торговли и многочисленных колоний*, — постоянно получается отрицательный ответ, как бы для подлития масла в огонь, со стороны наиболее компетентных и авторитетных у них знатоков военно-морского дела»⁴⁶.

В целом, мы можем констатировать, что русским кораблестроителям удалось внести положительный вклад в противостояние на море между Россией и Англией. Разработанные ими крейсера нового типа, полуброненосные фрегаты, согласно мнению современников, несмотря на некоторые недостатки, оказались действенным средством сдерживания и вынудили «Владычицу морей» тратить силы и средства на противодействие им.

⁴³ Кербер Л. Б. Постепенное развитие боевых судов ... С. 18, 19; Солодков Н. Идеи крейсерской войны на фоне русского судостроения // Часовой. 1958. № 380. С. 11.

⁴⁴ Крытые броней крейсера // Морской Сборник. 1884. № 9. Морская хроника. С. 3.

⁴⁵ Цит. по: Спуск на воду полуброненосного фрегата «Владимир Мономах» ... С. 14.

⁴⁶ Мордовин П. А. Исторические соприкосновения России и Северной Америки по военно-морским вопросам // Морской Сборник. 1885. № 10. С. 44. Курсив П. А. Мордовина.

О. А. Шишкин

СУДЬБА «ДЕЛА ОБ УБИЙСТВЕ РАСПУТИНА»: ¹

Новые документы, имеющие отношение
к раскрытию преступления в Юсуповском дворце

В 2019 году я опубликовал книгу «Последняя тайна Распутина». Она была основана на найденном мною «Деле об убийстве Распутина», которое хранилось в архиве Министерства Юстиции Российской империи. Это дело было подготовлено для царя на основе оригинального прокурорского дела и начиналось с Проекта всеподданнейшей записки по 3-му уголовному отделению. Папка содержала подробное изложение протоколов допросов дела, которое вела в тот момент Петроградская судебная палата. Задача этого дела заключалась в том, чтобы преодолеть казус участия в преступлении членов царской фамилии, которые в соответствии со статьей 207 Устава Уголовного судопроизводства подлежали только суду царя. Поэтому дело содержало специальное извлечение из Курса уголовного Судопроизводства, выполненное сенатором И. Я. Фойницким, с особыми случаями, на которые указывал крупный русский криминалист и юрист Николай Степанович Таганцев. То есть у этого дела был характер фактического совета по выходу монарха из необычной ситуации, связанной с тем, что царь должен был принять судебное решение по своим родственникам.

¹ Автор выражает благодарность сотруднице Freie Universität Berlin Елене Болотиной за помощь в поисках документов.

Но возникал и естественный вопрос: а куда делось оригинальное дело об убийстве Распутина?

Судьба основного прокурорского дела об убийстве Распутина, проводившегося следователями Петроградской судебной палаты, сегодня остается загадочной. Однако оно напомнило о себе летом 1932 года. 19 августа, № 4167 выходящая в Париже эмигрантская газета «Последние новости» помещает статью некоего Д. А. Ишевского:

«СЛЕДСТВЕННЫЕ АКТЫ ОБ УБИЙСТВЕ РАСПУТИНА

На днях я получил от известной германской книжно-антикварной фирмы К. В. Гирземана письмо следующего содержания:

Настоящим сообщаем Вам что оригинальные акты, состоящие из 93 документов судебного следствия по делу убийства в Петрограде в 1916 году Григория Распутина, находятся в нашем владении.

Мы просим Вас путем печати или каким-либо другим способом оповестить интересующихся о существовании этих актов и найти для них покупателя. Цена этих актов 7 000 герм. марок.

Это условие мы считаем для нас обязательным в протяжении 4 месяцев. Лейпциг. 9 августа. 1932 г.

Я ознакомился с документами, причем мне любезно было разрешено не только изучить их, но и снять копии с официальной описи. Этот том в 250 страниц включает протоколы допросов свидетелей трагической ночи 16 декабря 1916 года данных следователю Ставровскому² и ген. К. К. Попову. В том числе и показания кн. Ф. Ф. Юсупова и В. М. Пуришкевича, заключения экспертов и другие следственные документы. Документы эти, бывшие и в руках покойного царя, представляют, конечно, первостепенной важности исторический материал выяснения исторической картины событий, которые и до сих пор изображаются в различном виде. Я не хочу называть имени лица, которое за гроши продал немецкому антиквару этот страшный распутинский том. Цель моей заметки — обратить внимание на опасность потери или ухода документа в какие-нибудь чужие руки. Может быть найдётся русская

² В. Д. Ставровский (1869–1943) — русский юрист, на 1916 год судебный следователь по особо важным делам Петроградского окружного суда, участвовал в расследовании обстоятельств убийства Григория Распутина. После революции в эмиграции.

эмигрантская организация или частные лица, которые помогут сохранить их для нашей истории в надежном месте. Для тех, кто хотел бы воспользоваться моим содействием в этом деле сообщаю свой адрес:

D. A. Ischewsky. Leipzig W. I. Auenstraße 4.

Д. Ишевский.

Лейпциг».

Немецкая антикварная фирма К. W. Hiersemann'a, обычно специализировалась на покупке средневековых манускриптов и инкунабул, а Следственному производству по делу об убийстве Распутина было всего 15 лет. Примечательным был и тот факт, что продавалась дело, которое безусловно было похищено и вывезено из России незаконно.

Компания К. W. Hiersemann, подготавливая продажу, напечатала малотиражный, номерной проспект Originalakten zum Mord an Rasputin (Original legal documents concerning the murder of Rasputine) на двух языках — немецком и английском и выслала его возможным покупателям.

На первой странице проспекта сообщается:

«Полные сертифицированные юридические документы, касающиеся одного из самых значительных событий в истории современной России, формирующие в то же время исторический источник выдающейся и всеохватывающей важности. 250 листов, частично машинописных, частично рукописных, все протоколы дознаний подписаны свидетелями и проводившими дознание чиновниками.

Переплет дощатый. На русском языке. 20 000 рейхсмарок»³.

Также К. W. Hiersemann считал важным в проспекте пояснить:

«Настоящие документы содержат все материалы расследования российских властей по делу об убийстве Распутина, и состоят из 214 листов, пронумерованных по порядку, частично машинописных, частично рукописных. Все листы, за исключением не-

³ Originalakten zum Mord an Rasputin. Karl W. Hiersemann, Leipzig. P. 1 документы содержат и английский вариант текста, ссылка дается на немецкий, как на язык оригинала.

скольких, имеют формат в пол-листа. Документы датированы от 17 декабря 1916 г. (л. 164) до 16 февраля 1917 г. (л. 211). В большинстве они представляют собой показания свидетелей, перемежающиеся несколькими письмами (официальные запросы, повестки и т. д.), а также крайне важные экспертные свидетельства, полученные по результатам анализов крови. Расследование проводилось с 17 по 26 декабря 1916 года судебным следователем по особо важным делам В. Н. Середой, и с 27 декабря 1916 года по 16 февраля 1917 года судебным следователем В. Д. Ставровским»⁴.

Примечательно было и то, что как сообщал этот каталог к подлинному «Делу об убийстве Распутина» были подшиты и другие документы. Вот что сообщалось: «К документам, описанным выше, добавлены некоторые официальные документы, относящиеся к расследованиям российского правительства по двум делам, которые были весьма компрометирующими для Распутина. Лист 220–232 относится к замечанию, сделанному Распутиным в июле 1915 года о том, что Россия никогда не одержит победу, и что он посоветовал царю заключить мир. Листы 215–220, 233–250 содержат свидетельства, данные в качестве доказательства чрезвычайно шокирующего поведения Распутина на борту парохода “Товарпар” на р. Туре, 9 августа 1915 года, и жалобу, поданную на Распутина стюардом А. Дуловым»⁵.

То есть, очевидно, что «Дело об убийстве Распутина» было соединено с документами, прямого отношения к расследованию Петроградской судебной палаты не имевшего. Бросалось в глаза, что группа чужеродных завершающих документов была подобрана по моральному принципу и должна была осветить Распутина в негативном свете. Получалось, что время брошюрования этой папки относилось к периоду уже после отречения Николая II, и она была явно подготовлена для представления на процессе, который проводила Чрезвычайная следственная комиссия Временного правительства с 4 / 17 марта 1917 года по 25 окт. / 7 нояб. 1917 года.

Продажа дела фирмой К. W. Hiersemann была и отрекламирована в выходившей в Берлине немецкой газете «Темпо», в которой 22 августа 1932 года сообщалось: «Еще не известно полностью содержание всех документов, из-за большого их количества,

⁴ Originalakten zum Mord an Rasputin. Karl W. Hiersemann, Leipzig, P. 2.

⁵ Originalakten zum Mord an Rasputin. Karl W. Hiersemann, Leipzig, P. 5.

но можно уже сейчас сказать, что случай Распутина может быть объяснен, и из этих найденных в Германии документов можно со всей очевидностью узнать жизнь и влияние Распутина на царскую семью».

И 24 августа 1932 года в № 4172 «Последних новостей» атака на потенциальных покупателей была продолжена в новой на этот раз анонимной статье:

«В «Посл. Нов.» уже сообщалось, известная лейпцигская антикварная фирма Гирземана приобрела все следственное производство по делу об убийстве Распутина — том в 250 страниц, содержащий протоколы допросов свидетелей трагической ночи 16 декабря 1916 года, произведенных следователем Ставровским и ген. Поповым, заключения экспертов и другие следственные документы. Берлинская газета «Темпо» сообщает, что продал документы Гирземану один видный придворный чиновник, вывезший их за границу. До сих пор считалось, что все производство по делу об убийстве Распутина погибло. Много лет большевики искали во всех архивах исторические документы, но несмотря на все поиски, ни подлинников, ни копий с них найти не удалось. Известно, что незадолго до февральской революции царь Николай II потребовал к себе все производство по делу Распутина. Некоторые большевистские историки высказывали даже предположение, что после революции документы были уничтожены в Царскосельском дворце по распоряжению государя, так как в них содержались крайне неприятные вещи для династии. Как часто бывает — дело объясняется гораздо проще. Документы были вывезены за границу, их долгое время скрывали, пока, наконец, за гроши не продали немецкому антиквару».

Последняя публикация имела сенсационные последствия: на нее из Чехословакии откликнулся следователь Завадский,⁷ кото-

⁶ П. К. Попов (1868–1920?) — генерал-майор отдельного корпуса жандармов, в 1914 году возглавлял Петроградское охранное отделение, в 1916 году по поручению главы МВД Протопопова вел дознание об убийстве Распутина. Участник Белого движения.

⁷ С. В. Завадский (1871–1935) — русский юрист и переводчик. На 1916 год прокурор Петроградской судебной палаты. С 17-го по 19-е декабря 1916 года вел Дело об убийстве Распутина. В 1917 г. сенатор при Временном правительстве, а также товарищ председателя Чрезвычайной следственной комиссии, в 1918 г.

рый в 1916 году начинал вести это дело. Он сомневался в подлинности купленных документов. В своем обращении в газету «Последние новости» он писал: «Известие о покупке дела содержит указание на то, что допросы свидетелей производились следователем Ставровским и генералом Поповым. Но следствие об убийстве Распутина было возбуждено мною по должности прокурора петроградской судебной палаты, и предложение о том я дал судебному следователю по важнейшим делам петроградского окружного суда Середе (а не Ставровскому). В. Н. Середа производил и местный осмотр, и исследование крови, пропитавшей снег во дворе у дворца кн. Юсупова (по вопросу, человеческая она, или как утверждал кн. Юсупов, собачья), и допросы свидетелей, и вскрытие тела Распутина»⁸. Далее Завадский выражал свой скепсис деталями легенды, сопровождавшими появления документа. Юрист указывал: «Не придает достоверности известию и ссылка на то, что подлинное следственное дело в скорости исчезло. Я не отвергаю возможности истребования дела царем: я припоминаю что еще при мне, как наблюдающем за предварительным следствием, была попытка управляющего министерства юстиции Добровольского взять дело к себе. Но исчезновение следствия просто может быть объяснено тем, что здание петербургского окружного суда было подожжено и сгорело 28 февраля 1917 г., а в здании находились камеры всех петроградских следователей. Таким образом, сообщение о нахождении у Гирземана в Лейпциге подлинного предварительного следствия по делу об убийстве Распутина требует еще тщательной проверки»⁹.

Ответ Завадского был весьма лукавым. В ГАРФ сегодня хранится маленькое, но чрезвычайно интересное дело. Оно называется «Рапорт прокурора Петербургской судебной палаты министру юстиции с представлением вещественных доказательств об убийстве Григория Распутина. Начато 28 дек. 1916». Вот текст всего документа: «Рапорт. При сем представляю Вашему Высокопревосходительству вещественные доказательства по делу об убийстве Григория Распутина, согласно Вашему словесному приказу

державный секретарь (заместитель министра Юстиции) в украинском правительстве Скоропадского, в 1919 году товарищ председателя Особой комиссии при главнокомандующем Вооруженными силами Юга России по расследованию злодеяний большевиков. После 1921 г. в эмиграции.

⁸ Последние новости. 1932 г., № 4182.

⁹ Там же.

нию. Прокурор Судебной палаты Завадский»¹⁰. То есть в определенный момент Завадский, вопреки его утверждению, уже начал передавать материалы дела министру Юстиции: на тот момент его должность исполнял генерал-прокурор Правительствующего сената Николай Александрович Добровольский.

Происхождение этой записки мне не удалось прояснить не смотря на то, что были поднято так называемое дело о деле и многие документы и описи о поступлении в ГАРФ. Есть только предположение что возможно это документы самого Завадского, когда-то после его смерти хранившиеся в Российском заграничном историческом архиве в Праге.

Ответ на сомнения, высказанные Завадским, был опубликован 8 сентября 1932 года, в № 4187 в «Последних новостях». Он назывался «СЛЕДСТВЕННЫЕ АКТЫ ОБ УБИЙСТВЕ РАСПУТИНА». Там сообщалось: В номере 4182 газеты «Последние новости» помещено письмо в редакцию быв. прокурора петроградской судебной палаты С. Завадского, в котором он высказывает свои сомнения относительно подлинности актов об убийстве Г. Распутина, приобретенных от русских эмигрантов лейпцигской фирмой К. В. Хирземана, о чем первые сведения в русскую эмигрантскую печать были недавно даны мною. Свои сомнения в подлинности распутинского дела г. Завадский строит на утверждении, что в бытность его в должности прокурора судебной палаты (до января 1917 года), он «никому не передавал дальнейшего производства следствия, которое там и осталось в руках следователя В. Н. Середы». Увы, это утверждение г. Завадского совершенно не соответствует действительности. В имеющейся у меня копии описи (снятой лично мной) «бумаг, находящихся в деле № 11 1917 года об убийстве Г. Е. Распутина» за № 27 и 28 (стр. 66 и 67) значатся следующие акты: «Предложение прокурора суда о принятии дела Распутина от следователя Середы следователем Ставровским» и «такое же предложение на имя следователя Ставровского». Таким образом, ведение этого дела судебным след. Середой было закончено на допросе Ф. К. Кузьмина (№ 26 стр. 65 и об.). Все же дальнейшее делопроизводство вплоть до акта за № 92 велось уже след. Ставровским. Последний акт этого дела носит № 93 (стр. 211–214) и заключает в себе «Постановление о направлении дела», в котором предлагается, ввиду причастности

¹⁰ ГАРФ. Ф. 1463. Оп. 2. Л. 1.

к убийству Распутина особы, принадлежащей к царствующему дому, направить это дело через министра юстиции “на благоусмотрение Государя Императора”. Таким образом для всякого, хотя бы только мельком взглянувшего на эти акты, никакого сомнения в подлинности их быть не может.

Что же касается имени ген. Попова, то его показания также приложены к делу и именно на них ссылается кн. Ф. Ф. Юсупов в протоколе его допроса след. Ставровским.

Актами по делу об убийстве Распутина заинтересовалось известное берлинское издательство Ульштейна, командировавшее сюда быв. редактора газ. “Руль” И. В. Гессена. И. В. Гессен признал акты подлинными. Д. Ишевский».

Однако, публикации документов так не последовало. Судьба продававшегося антикварной фирмой К. W. Hiersemann следственного дела об убийстве Распутина оставалась не ясной.

Зимой 2019 года я решил поднять историю продажи этих документов и связался с представителями и наследниками фирмы К. W. Hiersemann, находящейся ныне в Штутгарте. В телефонном разговоре с Антоном Гирземаном выяснилось, что документы компании хранились в Лейпциге, вплоть до момента национализации этой антикварной фирмы властями ГДР. Антон Гирземан, тем не менее, предположил, что все документы связанные с продажей дела об убийстве Распутина сегодня могут находиться в главной научной библиотеке лейпцигского университета Albertina.

Мной был направлен запрос в архив Albertina, и через 4 дня после обращения, я получил следующий ответ: «Большое спасибо за Ваш запрос. Как Вы правильно проинформированы, мы сохраняем в нашем собрании 320-карточный каталог антикварного магазина К. W. Hiersemann. Действительно нижеследующие “Originalakten zum Mord an Rasputin” однажды продавались в этом антикварном магазине. На двойной карточке из картотечных листов, что мы обнаружили (высылаем вам Scans), что сделка была совершена в конце концов 09.08.1932 за 7 000, — имперская марка с “Ischewski” в Лейпциге. К сожалению, следующий поиск в картоточном каталоге в итоге ничего не дал. У нас, к сожалению, нет полной корреспонденция антикварного магазина, которая полагается в таком случае. С наилучшими пожеланиями Штеффен Хоффманн. Отдел Особых коллекций & Преобразование в цифровую форму».

Никаких сомнений в том, что «D. A. Ischewski» на карточках К. W. Hiersemann это тот же D. A. Ischewsky или Д. Ишевский, ав-

тор статьи о продаже дела об убийстве Распутина, опубликованной в «Последних новостях» 19 августа 1932 в № 4167, не осталось. И теперь следовало внимательно изучить документы, присланные из Лейпцига.

Собственно, на 3 скане карточки из Albertina сообщается: «Продажа. Пришли к финансовому соглашению. Сделка) Лоренц (представитель фирмы) и Ишевский»¹¹.

На 4 карточке раскрывается фамилия настоящего продавца, от имени которого посредничала фирма K. W. Hiersemann — это некто Терещенко¹². Получается, что вопреки сообщению «Последних новостей» немецкая антикварная фирма выступала как агент-посредник тайной сделки, где имена не разглашались.

И хотя инициалы Терещенко в карточке не указаны, но французский адрес «Meudon Val-Fleury»¹³ позволял подозревать что это муж племянницы первого главы Временного правительства князя Львова — Сергей Константинович Терещенко¹⁴. И действительно в документах РЗИА (это так называемый Российский заграничный исторический архив, или иначе Пражский архив — та его небольшая часть, что и ныне в Праге) это находит подтверждение — в апреле 1929 года Терещенко пытался продать эти же документы Пражскому архиву.

В Журнале заседаний Ученой комиссии Русского заграничного архива № 20 от 22 апреля 1929 года сообщается: «Предложение С. К. Терещенко о приобретении архивом производства по делу об убийстве Распутина». Далее сообщается решение по этому вопросу: «Признать эти материалы не имеющими особого значения, но все же просить Н. И. Астрова¹⁵ при его поездке в Париж навести по этому делу более подробные справки»¹⁶.

Кто же такой продавец Терещенко С. К. и как он может быть связан с получением дела об убийстве Распутина? Сергей Константинович был офицером царской армии, помощником началь-

¹¹ Albertina, K. W. Hiersemann, Originalakten zum Mord an Rasputin, skan 3.

¹² Albertina, K. W. Hiersemann, Originalakten zum Mord an Rasputin, skan 4.

¹³ В 1918 году князь Алексей Евгеньевич Львов, брат главы первого главы Временного правительства Георгия Львова, вместе с семьёй эмигрировал во Францию, где жил в Медоне.

¹⁴ Подробнее о семье Львова в книге Кн. Г. Е. Львов. Воспоминания. М. 2002.

¹⁵ Н. И. Астров — член Ученой комиссии Русского заграничного исторического архива.

¹⁶ T-RZIA-2-5-46-4.

ника санитарной колонии имени в. к. Ольги Александровны. После Февральской революции он служил в отряде по охране Императорской фамилии. Но после октября 1917 года он оказался противником большевизма и в должности штатного переводчика и вахтенного офицера миноносца «Жаркий» эвакуировался в Бизерту (Тунис), а оттуда уехал в Париж.

Важным фактом его биографии стала женитьба на Елизавете Сергеевне Львовой, племяннице первого Председателя Временного правительства и одновременно министра внутренних дел князя Львова.

В момент февральских арестов министров царского правительства князь Львов был тем, к кому стекались наиболее важные документы, конфискованные у различных лиц из администрации старой власти. К тому же распоряжением Львова тело Распутина было эксгумировано в месте тайного погребения в Царском селе, а затем сожжено в печи Политехнического института. После революции не без приключений князь Львов эмигрирует во Францию, где он поселился и стал своеобразным опекуном и ангелом-хранителем своих многочисленных племянниц, отцы которых не смогли покинуть пределов СССР.

7 марта 1925 года Львов скончался в Париже. А уже 16 марта этого же года Терещенко отправляет своё первое письмо в Русский заграничный исторический архив в Праге. Он пишет: «У меня сохранились документы и газеты времен гражданской войны на Юге России, в том числе некоторые с подписью Ленина, Троцкого и других вождей коммунизма. Если они могли бы представлять для вас интерес, прошу указать мне списаться или переговорить в Париже об условиях их передачи»¹⁷. На это предложение он получает положительный ответ. Возможно, эта реакция была и на приписку по адресу, по которому Терещенко теперь жил в Париже: «1 rue Carnot, бывш. кв. кн. Львова, Boulojue/Seine, France»¹⁸. Поучалось что архив покойного главы Временного правительства теперь был в собственности Терещенко, и это вызывало доверие по отношению к автографам Ленина, Троцкого и прочих, которые вполне могли попадать на стол Львова, когда он был еще и главой МВД Временного правительства.

Значит «Дело об убийстве Распутина» было им похищено или увезено, кому как нравится, из России.

¹⁷ T-RZIA-6-1646-1.

¹⁸ Там же.

А кто же тогда покупатель? Это некто Дмитрий Александрович Ишевский, русский журналист и... один из агентов британской агентурной сети Брюса Локкарта, разоблаченный ВЧК еще в 1918 году. В том же году Ишевский участвовал в громком процессе, был осужден¹⁹ и получил 5 лет тюрьмы, однако 19 июля 1919 года совершил дерзкий побег из лазарета Таганской тюрьмы. После этого он оказался в Варшаве. 4 ноября 1919 г. Ишевский получает паспорт Российской дипломатической миссии при польском правительстве за подписью ее главы генерала Кутепова, и уже через Германию выезжает в Прибалтику со специальным поручением Французской военной миссии и Британского военного контроля в Варшаве. Затем перебирается Берлине и живет там до конца 1926 г., затем надолго застревает в Лейпциге, где и находится фирма К. W. Hiersemann.

Автобиографическая справка, хранящаяся в ГАРФ, сообщает что он помещал свои статьи по церковным, политическим, общественным, национальным и культурным вопросам в эмигрантские газеты. Дмитрий Александрович выступил и как автор статей в защиту православия в польских землях. За что 16 февраля 1925 г. даже был удостоен грамоты от Святейшего патриарха Тихона²⁰.

Но взаимоотношения с властями, да и с коллегами у него складывались не просто.

«Как известно, в конце 1926 года я по проискам известной группы русских доносчиков-эмигрантов, которые в свою очередь высланы теперешним правительством из Германии, я был выслан из Бранденбургской провинции. Тщетно я уверял я судью, что за эти последние семь лет я десятки раз приезжал в Берлин для присутствия на заседаниях Рейхстага, на открытии всевозможных выставок и проч. правительственных приглашениях — ничего не помогло. В тот же вечер меня перевели в судебную тюрьму в Лихтенбрег»²¹ — сообщает Ишевский в статье «Заключительный аккорд». Там же он добавляет: «Как я и предполагал, Лейпциг тут оказался совершенно ни при чем. Высылка состоялась под давлением Берлина. Оказывается, после прихода к власти “наци”, известный русским читателям по опубликованной мною драматической

¹⁹ Информация об Ишевском была упомянута в публикациях в Известиях ВЦИК от 26.11. и 05.12.1918.

²⁰ Акты Святейшего Патриарха Тихона и позднейшие документы о преемстве высшей церковной власти 1917–1918 гг. М., 1994. С. 355.

²¹ Новое русское слово. 1933. № 7541.

переписке со мной член Рейхстага, бар. Фрайдаг-Моринговен обратил внимание министерства иностранных дел на мою публицистику с резкими нападениями на рапальскую политику Вильгельмштрассе».

Видимо подозрения на счет Ишевского были у немецких спецслужб серьезные. И надо сказать, что 4-й скан из коллекции Альбертины, связанный с фирмой K. W. Hiersemann и продажей «Дела об убийстве Распутина» только укрепляет в этих подозрениях. Перечень внизу карточки указывает на те организации, от имени которых и совершил сделку бежавший из СССР и вроде бы политический эмигрант Ишевский.

Это «Bibl. d. Komm. Akademie, Moskau» — Библиотека Коммунистической Академии. Off. (официально?).

Lenin — Bibl. Moskau. — Библиотека Ленина. Москва, ныне РГБ.

Lenin — Inst. Институт Ленина. Это Партархив. Ныне РГАСПИ.

Histor. staatliche Museum Off. staatliche Leningrad — Государственный музей истории Ленинграда (Санкт-Петербурга).

Bibl. d. Akad. d. Wiss — Библиотека академии общественных наук.

Rev. Museum, Moskou — Музей революции, Москва.

Zentrale Archiv — Центр Архив. Центральное архивное управление при ВЦИК (ЦАУ РСФСР, Центрархив РСФСР)²².

И хотя сделка и была тайной — важным было то, что Ишевский представлял на ней СССР, а здесь политическая тайна миссии Ишевского вряд ли могла быть соблюдена полностью.

А вот что об Ишевском сообщает картотека гестапо:

«Политические убеждения: антифашист.

12.8.1936 По одному из сообщений Ишевский должен был приехать в Германию на Олимпийские игры и выступать комментатором для газеты “Сегодня”, но в соответствии с выводами (гестапо) он не въехал в Берлин и был выдворен.

17.8.38. Агент ОГПУ с 1920 года. Имеет Нансеновский паспорт. Был выдворен из Польши в 1922 году и уехал в Берлин. В 1928 году он был выдворен из Лейпцига и уехал в Латвию. Он представляется как журналист, но в настоящее время занимается шпионажем»²³.

²² *Albertina, K. W. Hiersemann, Originalakten zum Mord an Rasputin, skan 4.*

²³ Bundesarchiv, Berlin R_58_9684.

После Германии Ишевский переселился в Финляндию и жил на Валааме, а затем оказался в Риге. Здесь он также находился под подозрением латвийского МВД²⁴.

В момент вхождения Латвии в состав СССР и прихода Красной армии он не подвергался репрессиям и даже в 1940 году съездил в Москву, где написал статью для сборника РПЦ «Юбилей Патриаршего Местоблюстителя // Правда о религии в России»²⁵.

Однако 22 июня 1941 года с Ишевским в Риге происходит нечто странное. Вот как это описывал митрополит Сергей, выступавший свидетелем по делу Ишевского, которое в 1942 году проводила оккупированной Риге СД: «В последний день Ишевский ушел около 3 часов дня за пропуском, намереваясь, по-видимому, вернуться, однако только позвонил мне по телефону часов в 5 и сказал: “Я немного задержусь и скоро буду”. Откуда он звонил мне не известно. Потом мне ничего никто не сообщал. Ишевский не появлялся, и только затем была объявлена в газетах его фамилия как расстрелянного большевиками в центральной тюрьме»²⁶.

Сегодня считается что Ишевский был расстрелян в Центральной тюрьме Риги 28 июня 1941 года. Его имя упомянуто в т. н. списке Шустина — список 73 лиц, арестованных в Латвии с 22 по 26 июня 1941 года. Шустин был замнаркома НКВД Латвии.

В годы немецкой оккупацией в Риге начала выходить газета «Tēvijā». На её страницах 29 июля 1941 г. была опубликована статья «В ящике для денег Центральной тюрьмы найдены новые списки осужденных и высланных». В статье сообщалось о последних мгновениях советской власти в Риге и о том, что было обнаружено в Центральной тюрьме, когда в город уже входили части вермахта: «В ящике для денег (видимо в сейфе? — О. Ш.) также найден написанный химическим карандашом список. В центре листа видна надпись “исполнено” и дата — 28 июня. В списке около 60 имен... Среди них и те, чьи тела недавно были обнаружены в захоронении во дворе тюрьмы. <...>. В списке отмечен Дмитрий Ишевский (Александрович) [с пометой] — расследование».

²⁴ LNA-LVVA, 3235, 3, 172, 49.

²⁵ Юбилей Патриаршего Местоблюстителя // Правда о религии в России. М. 1942. С. 61–70.

²⁶ История Псковской православной миссии в документах: [в 2 ч.] Часть I: Документы личного архива митрополита Сергея (Воскресенского). Оптина пустынь, 2018. С. 119.

Отметим и то, что в списке Шустина Ишевский фигурирует под 44-м номером и «преступление 58 п. 40, ч. 2. Обвинение доказано».

Обращает внимание, что в справочнике «No NKVD līdz KGB» [От НКВД к КГБ], Rīga. 1999, где учтены все сохранившиеся в архиве КГБ Латвии судебные-следственные дела, дела Ишевского — нет.

Это тем более интригует, что в 1942 году, уже через год после исчезновения в Риге, в Москве выходит статья Ишевского в сборнике «Юбилей Патриаршего Местоблюстителя» в сборнике «Правда о религии».

Указать на эти странности имело смысл потому, что судьба Ишевского должна была бы вывести нас на место, где сегодня находится «Дело об убийстве Распутина» — дело большой исторической важности, уже не говоря о его криминалистическом значении.

Я предполагаю, что речь идет об Архиве Центрального аппарата ФСБ России. Конечно, это можно было бы считать моими предположениями, ведь формально, даже если и считать, что Ишевский имел отношение к спецслужбам СССР, было бы не вполне понятно, а куда — в какой главк конкретно попали важные документы? Однако этой осенью произошел случай, который только подтвердил правильность предположения. И это был инсайдер из прошлого!

Мой друг, Дмитрий Филатов, который проводит экскурсии в своем частном Музее на Гороховой 64, в исторической квартире Распутина в Петербурге, сообщил мне в октябре 2019 года, что на экскурсию к нему приходил москвич. Он рассказал, что его дед, работая в архивном управлении НКВД, говорил ему, что держал в руках «Дело об убийстве Распутина». Получив от Дмитрия телефон посетителя, я выяснил, что его дедом был Быстров Гавриил Ионович, служивший сотрудником архивного подразделения центрального аппарата НКВД СССР. 26 ноября 1937 году, по окончании межкраевой школы НКВД, Быстров получил звание сержанта Государственной безопасности и был принят на работу сотрудником 1-го спецотдела, а это и есть архив. Период службы Быстрова в Центральном аппарате был короток, и он демобилизовался по состоянию здоровья уже в 1942 году, следовательно, дело он мог видеть в период с 26 ноября 1937 года до конца 1942 года.

Значит и этот путь выводит к Архиву Центрального аппарата ФСБ России. Получить этот документ важно.

УССУРИЙСКИЙ АТАМАН И. П. КАЛМЫКОВ

Атаманщина в Сибири достаточно известная страница в сибирской истории гражданской войны в России. Целая череда сибирских казачьих атаманов были не только вполне самостоятельным внутренним политическим явлением, но и каждый из них претендовал на особые автономные от колчаковского центра отношения с союзниками. Они это поощряли, особенно Япония.

Типичной в этом плане была политическая карьера И. П. Калмыкова. Еще в октябре 1917 г. он был назначен временно исполняющим должность войскового атамана Уссурийского казачьего войска. В январе 1918 г. он уже был избран атаманом и произведен в есаулы. Впрочем, его избрание атаманом не раз ставилось под сомнение и не только вследствие того, что Калмыков не был казаком, но и в силу обстоятельств его избрания. Так, на сомнительность его избрания указывает В. А. Шуддяков¹.

Тем не менее, именно белым атаманом Уссурийского казачьего войска Калмыков вошел в историю гражданской войны в России. Помимо всего прочего его избрание было связано с его четко антибольшевистской позицией.

С 25 марта 1918 г. Калмыков командир «Особого казачьего отряда», который позднее воевал с большевиками на Гродековском

¹ Шуддяков В. А. Атаманщина как феномен гражданской войны на Востоке России // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2006. Т. 5. Вып. 1. С. 37.

фронте в Приморье. Уже первые военные действия выявили жесткость свойственную как атаману, так и его подчиненным. Характерным для атамана было и тайное устранение его политических противников, а так же лиц, устранение которых сулило материальную выгоду. 29 (16) апреля 1918 г. по сведениям барона А. П. Будберга (запись в дневнике 13 мая о событиях предшествующих дней), на окраине Харбина обнаружен труп зверски убитого бывшего преподавателя Хабаровского кадетского корпуса Уманского. Три дня назад его похитили члены отряда атамана уссурийского казачьего войска И. П. Калмыкова и вскоре осуществили расправу: обнаруженное тело покойного было все изрублено шашками².

Большое влияние на деятельность казачьих отрядов на Дальнем Востоке России имела активизация Японии, начавшей интервенцию 5 апреля 1918 г. Летом эти действия уже имели массовый характер, вскоре позиции Калмыкова в регионе стали укрепляться.

5 сентября 1918 г. частями атамана Калмыкова при поддержке войск чехословацкого корпуса генерала М. К. Дитерихса и 12-й японской дивизии взят Хабаровск. Японский вклад был наиболее весом. Именно Хабаровск стал атаманской «столицей». Здесь Калмыков чувствовал себя правителем всего и вся, творя свой, понятный только ему суд. Атаману Калмыкову приписывали известную фразу: «Перегрызай горло всякому большевику, а то он тебе перегрызет»³. Также атаман любил популярное в те годы выражение: выслать в Могилевскую губернию (от слова могила), которое широко использовали и белые, и их противники⁴. За время интервенции население города сократится с 52 до 30 тыс.⁵ Это не было случайным демографическим процессом, люди боялись оставаться в городе. Многие покинули Хабаровск. Виной были и «калмыковский фактор», и не лучшее экономическое состояние города, которое тоже можно связывать с его деятельностью.

Захват города, как часто в гражданской войне, сопровождался не только грабежами, но и массовыми расправами. Уже 6 сентября

² Будберг А. Дневник. 1918–1919 годы // Гуль Р. Б. Ледяной поход; Деникин А. И. Поход и смерть генерала Корнилова; Будберг А. Дневник. 1918–1919 годы. М., 1990. С. 186.

³ Мельгунов С. П. Трагедия Адмирала Колчака. Белград, 1930. Ч. 1. С. 77.

⁴ Японская интервенция 1918–1922 гг. в документах. Подготовил к печати И. Минц. М., 1934. С. 44.

⁵ Шишкин С. Н. Гражданская война на Дальнем Востоке. М., 1957. С. 51.

1918 г. члены отряда уссурийского атамана И. П. Калмыкова в Хабаровске сбросили с утеса 16 трупов предварительно расстрелянных военнопленных, австро-венгерских музыкантов (преимущественно жителей Чехии), игравших в местном кафе «Чашка чая»⁶. Так с ними обошлись только за то, что музыканты не знали мелодии гимна «Боже, царя храни». По другой версии, оркестранты дали переночевать у себя двум красноармейцам⁷. Фамилии некоторых из них известны: Эльснер Лео, Штевих Иоганн, Шинглер Рудольф, Умгер Пауль, перечислены в Мартилоге и другие фамилии военнопленных, ставших жертвой этого расстрела⁸. Помимо 16 музыкантов к середине сентября 1918 г., по признанию начальника Юридического отдела Особого уссурийского казачьего отряда хорунжего Кандаурова, расстрелянных «калмыковцами» без суда и следствия в городе насчитывалось свыше 20 человек⁹. Данная цифра также может быть проверена указанным Мартирологом Хабаровских жертв. В нем содержатся 11 фамилий, но часть фамилий даны без датировки расстрелов. В т. ч. можно отметить 14 сентября 1918 г., когда были расстреляны бывший комиссар управления госимущества Н. А. Бобрицкий, прапорщик австро-венгерской армии Бало Гашпар, бывший комиссар иностранных дел Александра Станкевич, член исполкома хабаровского совета Трошин, член Военно-революционного комитета Ф. Н. Тишин, военный следователь Красной армии И. А. Флягин. Таким образом, данную цифру можно считать достоверной¹⁰.

Ввиду массовых сентябрьских расстрелов без суда и для обоснованности арестов хабаровской городской думой была создана комиссия, которая смогла проверить только дела арестованных, находившихся в тюрьме, так как атаман Калмыков не разрешил проводить расследование дел заключенных в его отряде¹¹. Уже в первые дни по занятии Хабаровска были произведены массовые расстрелы, что привело к необходимости создания специальной комиссии по определению численности расстрелянных и обстоя-

⁶ На памятнике в Хабаровске ошибочно приведена дата 5 сентября 1918 г., когда состоялся их арест.

⁷ О событиях 1918 года в г. Хабаровске [Электронный ресурс]. URL: <http://pompenka2012.livejournal.com/635.html>.

⁸ Красная Голофа. Благовещенск, 1920. С. 12.

⁹ Японская интервенция 1918–1922 гг. в документах. С. 46.

¹⁰ Красная Голофа. С. 12.

¹¹ Японская интервенция 1918–1922 гг. в документах. С. 46.

тельств их гибели. Товарищ прокурора Владивостокского окружного суда Твердов сообщал в конце месяца: «Ввиду возникших слухов о массовых расстрелах без суда, а равно в целях проверки достаточности оснований задержания, городской думою была избрана комиссия, состоящая из товарища прокурора, мирового судьи, судебного следователя, городского головы, двух гласных думы, одного представителя от земства и двух присяжных поверенных. Комиссия, приступившая под моим председательством немедленно же к деятельности, вынуждена была ограничиться лишь суждением о лицах, содержащихся в тюрьме, так как атаман Калмыков не разрешил распространить деятельность на заключенных при его отряде.

Вскоре же по прибытии отряда начали носиться слухи о массовых расстрелах, причем один расстрел был произведен в городском саду у памятника (расстреляно 16 мадьяр), другой на территории выставки и пр.

По прибытии начальника юридического отдела особого казачьего отряда я, по просьбе Иманского городского самоуправления и мирового судьи, посетил его с целью поддержать ходатайство об освобождении 17 арестованных на Имане. При разговоре я, между прочим, спросил его о количестве расстрелянных, и он приблизительно ответил так: «Даже если судить по приговорам, то больше 20», а приговоры могут быть только по прибытии юридического отдела, что случилось днями 10 позже прибытия отряда.

Существует ли при отряде полевой суд, мне официально не известно, но я видел у начальника отдела приговор по делу о пяти (кажется) лицах и трех, где сверху написано: «Утверждаю — расстрелять. Атаман Калмыков». Число и фамилии расстрелянных не известны, но по упорно носящимся слухам превышает 100.

Гражданские власти вмешаться в распоряжение атамана не могут.

В настоящее время в хабаровской тюрьме содержится около 50 человек активных советских деятелей, которые числятся содержани- ем за комиссией. Освобождено комиссией приблизительно около 200. Об изложенном имею честь вам донести.

Приложение: переписка об обнаружении 24 трупов.

Товарищ прокурора Твердов»¹².

Вскоре в городе обнаружили вновь убитых неизвестными людьми. Это многими обоснованно связывалось с деятельностью на-

¹² Японская интервенция 1918–1922 гг. в документах. С. 46.

чальника гарнизона г. Хабаровска с 17 сентября атамана Калмыкова и его подручных. Как писалось в официальных документах: «в ночь с 21 на 22 сентября неизвестно кем были расстреляны 8 человек русских граждан мужчин за Муравьево-Амурской слободкой, в овраге, на площади. В ночь же с 22 на 23 сентября на той же площади в другом овраге было расстреляно 16 человек, из них 3 женщины и 13 мужчин. Все вышеупомянутые трупы были преданы земле там же, на месте их обнаружения»¹³. Согласно осмотру места обнаружения трупов констатировалось: «В 500 саженях от железной дороги и в 60 шагах от трактовой Матвеевской дороги в небольшой ямке лежала куча трупов неизвестных людей, немного засыпанная землею, из-под которой виднелись трупы. Тут же на земле обнаружены лужи крови с мозгами. В 15 шагах найдены 12 штук медных стреляных гильз и один патрон нестрелянный; из стреляных гильз 6 штук от русской винтовки, а 6 штук от японской. Трупы были связаны веревками — руки назад и по двое вместе. При осмотре трупов при них ничего найдено не было, по наружному виду все были русские от 25 до 45 лет. Одеты четверо из них в рубашки и брюки защитного цвета, у одного из них на правой руке медное кольцо, которое снять не удалось. Подпоясаны солдатскими ремнями, ноги босые. Четверо одеты в черные рубашки и брюки, у одного на ногах носки защитного цвета. Три трупа были изуродованы, головы разбиты, у одного проколот живот и внутренности вываливаются. Опознать из трупов никого не удалось»¹⁴.

В тот период обвинить «калмыковцев» в содеянном не удалось, так позиции их командира атамана Калмыкова только укреплялись. Сам Калмыков с 29 сентября к прежним своим постам добавил председательство в военно-окружном совете. Калмыкова и его подручных подозревали, но обвинить его было сложно, многие опасались вероятной мести атамана.

По поводу этих первых сентябрьских калмыковских расстрелов барон А. П. Будберг записал 11 октября 1918 г. в свой дневник: «Калмыковские спасители показывают Никольску и Хабаровску, что такое новый режим; всюду идут аресты, расстрелы плюс, конечно, обильное аннексирование разных денежных эквивалентов в обширные карманы спасителей. Союзникам и японцам все это

¹³ Японская интервенция 1918–1922 гг. в документах. С. 47.

¹⁴ Там же. С. 47–48.

известно, но мер никаких не принимается. Про подвиги калмыковцев рассказывают такие чудовищные вещи, что не хочется верить»¹⁵.

Назывались различные цифры жертв атаманских расправ. Реже говорилось о десятках убитых людей уверенно о сотнях погибших, многие писали и о большем. Впрочем, насколько цифры, например, Кандаурова соответствовали хабаровским реалиям, сложно установить. На наш взгляд, количество жертв было большим. Об этом свидетельствует тот факт, что Калмыков скоро решил пожертвовать этой фигурой. В октябре 1918 г. Кандауров вместе с другими служащими контрразведки был расстрелян за злоупотребления¹⁶.

Отметим, в связи с этим, и характеристику Калмыкову в журнале «Кадетская переключка», которую ему дал полковник Н. А. Андрушкевич. Согласно автору воспоминаний, при штабе Калмыкова действовала военно-судебная комиссия, на совести которой было много грязи и крови. Калмыков расстрелял всю комиссию в полном составе, признав ее виновной в грабежах и вымогательстве. На его же совести были и многочисленные расстрелы видных степенных казаков из войска¹⁷.

Общее представление об атамане И. П. Калмыкове даже среди большинства белого генералитета было негативное, хотя, как мы покажем далее, были и исключения. Верховный правитель России адмирал А. В. Колчак следующим образом характеризовал деятельность Калмыкова: «Что касается того, что делал Калмыков, то это были уже совершенно фантастические истории. Я знаю, что производились аресты, не имевшие совершенно политического характера, аресты чисто уголовного порядка. Шла, например, правильная охота на торговцев опиумом. По линии Китайской железной дороги ездили постоянно с контрабандой опиума очень много лиц, женщин и мужчин, провозивших опиум, стоивший очень дорого. Здесь очень часто уже не контрразведка, а просто предприимчивые люди под видом политического ареста выслеживали этих

¹⁵ Будберг А. Дневник. 1918–1919 годы. С. 228.

¹⁶ Циткин Ю. Н. Хабаровск в годы Гражданской войны // История и культура Приамурья. 2008. № 2 (4). С. 89–90.

¹⁷ Саутин Р. А., Кунжаров Е. М. Журнал «Кадетская переключка» как источник по истории сибирских воинских формирований в военных конфликтах начала XX века // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2016. № 2. С. 121.

торговцев, арестовывали их, отбирали опиум и убивали, а в случае обнаружения этого ссылались на то, что это были большевистские агенты или шпионы. Обычно в вагон входила кучка солдат, заявляла такому торговцу опиумом: «Большевистский шпион», арестовывала, опиум вытаскивала и затем убивала его, а опиум продавали. Была крупная история. Калмыков поймал вблизи Пограничной шведского или датского подданного, представителя Красного Креста, которого он признал за какого-то большевистского агента. Он повесил его, отобрав у него большую сумму в несколько сот тысяч. Меры, принятые консулом, не помогли. Скандал был дикого свойства, так как его ничем нельзя было оправдать. Даже денег не удалось получить. Это был случай форменного разбоя»¹⁸.

Случай, описываемый А. В. Колчаком, был инцидентом с представителем шведского Красного Креста С. Хедблумом, которого Калмыков повесил в атаманском вагоне, забрав 1,6 млн руб. Этот преступный инцидент произошел, по одним данным, 22 сентября, по другим — в октябре 1918 г. Следует добавить, что тогда же Калмыковым было повешено еще 3 представителя Красного Креста, в т. ч. одна женщина. Также атаман конфисковал имущество миссии: 60 тыс. предметов, 37 наименований. Добиться ответственности не удалось¹⁹. Впоследствии этот эпизод не раз будет вменяться в вину атаману, но до поры времени ему удавалось избегать всякой ответственности.

Схоже характеризовали деятельность атамана Калмыкова и другие известные деятели Сибири и Дальнего Востока. Например, американский генерал У. Грэвс писал: «Калмыков был самым отъявленным негодяем, которого я когда-либо встречал, и я серьезно думаю, что, если внимательно перелистать энциклопедический словарь и посмотреть все слова, определяющие различного рода преступления, то вряд ли можно будет найти такое преступление, которого бы Калмыков не совершил... Я намеренно рассказываю об этом, так как обладаю доказательствами, которые должны удовлетворить каждого здравомыслящего человека. Там, где Семенов приказывал другим убивать, Калмыков убивал свою

¹⁸ Протокол заседания чрезвычайной следственной комиссии по делу Колчака. (Стенографический отчет). Заседание Чрезвычайной Следственной Комиссии 23 января 1920 г. // Окрест Колчака: документы и материалы / составитель д. и. н., проф. А. В. Квакин. М., 2007. С. 411.

¹⁹ Циткин Ю. Н. Хабаровск в годы Гражданской войны. С. 90.

собственной рукой, и в этом заключается разница между Калмыковым и Семеновым»²⁰.

«Оседлав» осенью 1918 г. железную дорогу, калмыковцы, как и семеновцы, устроили охоту за спекулянтами, контрабандистами, наркокурьерами²¹. Железная дорога стала одним из основных источников доходов атамана Калмыкова. Другим источником было население края, подвергавшееся бесконечным реквизициям и грабёжам. Любое сопротивление этому жестко подавлялось. Помимо расстрелов, калмыковцы использовали тактику запугивания. Характерный случай вспоминал известный советский деятель П. П. Постышев: калмыковцы налетели на деревню Николаевку (рядом с Хабаровском) и, согнав крестьян, выстроили их в шеренгу, затем пятнадцать минут держали под дулами винтовок, и только после этого произвели экзекуцию: половина из крестьян была избита. Деревня была разграблена и сожжена²². Следует признать справедливым утверждение американского историка К. Смита, который писал, что «жестокость таких негодяев, как Семенов, Калмыков, Бочкарев и Розанов, бросила население в руки большевиков, а японское присутствие лишь усилило эту тенденцию»²³. Схожую характеристику действиям атамана Калмыкова давал в своих воспоминаниях красноармеец Оленчиков: «там, где побывал Калмыков или другой из атаманов, там из этого угла будут обязательно красные партизаны»²⁴.

В начале октября 1918 г. в Никольске-Уссурийском атаманом И. П. Калмыковым была разогнана городская дума, при этом арестованы заместитель городского головы Ф. С. Лапин (В. И. Арцыбашев), который был также ранее членом Исполкома Совета²⁵, член городской управы Кочетков, гласный Баканев. Несмотря на неприятие этих действий правительством П. В. Вологодского, Ф. С. Лапин до 23 ноября 1918 г. содержался в городской

²⁰ Грэвс У. Американская авантюра в Сибири. 1918–1920. М., 1932. С. 97.

²¹ Шулдяков В. А. Атаманщина как феномен гражданской войны на Востоке России. С. 39.

²² Постышев П. П. Гражданская война на Востоке Сибири (1917–1922 гг.). М., 1957. С. 37–38.

²³ Smith C. Vladivostok under Red and White Rule. Revolution and Counterrevolution in the Russian Far East 1920–1922. Seattle & London, 1975. P. 170; Цункин Ю. Н. Антисеменовский заговор С. Н. Войцеховского и кризис Белого режима на Дальнем Востоке в 1920 г. // Россия и АТР. 2012. № 4. С. 86.

²⁴ ЦГА ИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 6. Д. 401. Л. 33.

²⁵ Красная Голгофа. С. 111–112.

тюрьме, а затем был переведен в тюрьму отряда И. П. Калмыкова. 27 ноября он был отправлен в Хабаровск, но в пути убит. Это был не единственный случай «конфликтов» Калмыкова с местными городскими властями. Всего калмыковцами за то время, пока они находились в Никольске-Уссурийском, были расстреляны без суда и следствия четверо гласных городской думы²⁶.

Ситуацию в городе хорошо характеризует отношение Председателя Приморской городской управы приморскому областному комиссару от 2 декабря 1918 г.: «До моего сведения дошли следующие факты. В Никольск-Уссурийске, в казенном доме, находящемся между номерами Линецича и квартирой (бывшей) ген. Плешкова, помещается учреждение, которое не может быть названо иначе, как “застенком”.

Застенок этот создан для расправы со всеми лицами, подозреваемыми в большевизме или соучастии с большевистскими советами; однако туда попадают вообще социалисты и другие лица, возбуждавшие по какой-либо причине неудовольствие.

Начальником этого учреждения является прапорщик Скворцов, помощниками же его состоят Сызрянов и Замыслов. Степень виновности устанавливается самим Скворцовым, он же определяет наказание. Обычными наказаниями являются порки (причем дают до полутора раза ударов) и “увоз в Хабаровск”, что означает, по-видимому, смертную казнь. Освободиться из застенка можно лишь путем подкупа, откупа или при помощи ходатайства через союзное командование.

До 29 ноября включительно в указанном месте содержались следующие лица: Шава, Дикий, Зинченко и еще двое, фамилии которых не установлены, но про которых известно, что один из них был делопроизводителем Никольского совета рабочих депутатов, а другой — помощником коменданта ст. Иман.

Указанных лиц на допросе били кулаками, сапогами и нагайками настолько, что у них буквально не осталось на лице живого места; у одного после этих побоев вытек глаз, у другого от ударов нагайкой было рассечено все лицо и висели куски мяса. На следующий день их снова пытали, требуя указать “где большевики, где награбленные деньги”, и т. п., а затем связали и куда-то увезли.

²⁶ Тризуб Г. Я. Местное самоуправление на Дальнем Востоке России в условиях Гражданской войны (1918–1920) // Тихоокеанская Россия: история и современность. С. 31–32.

Прошу вашего, гр. комиссар, распоряжения о срочном расследовании указанных фактов и, в случае если они подтвердятся, о принятии необходимых мер к розыску и освобождению поименованных выше граждан, а также о привлечении лиц, виновных в истязаниях и убийствах, к законной ответственности.

Председатель Приморской областной земской управы А. Медведев»²⁷.

Впрочем, все эти попытки расследований злоупотреблений атамана Калмыкова, им отвергались категорически. Жертвы просто объявлялись им противниками режима. 24 октября 1918 г. на 5-м Чрезвычайном большом Уссурийском казачьем круге атаман Калмыков прямо заявил: «Если мне попадались враги родины и германские шпионы, я их расстреливал и расстреливаю до сих пор. О своих действиях готов отдать отчет Учредительному собранию»²⁸. Очевидно, он чувствовал поддержку казачества. Двумя днями ранее, 22 октября за «отличия» в боях с большевиками на упомянутом казачьем круге ему присвоили чин генерал-майора. Очевидно, что отчитываться за врагов народа ни перед каким Учредительным собранием атаман Калмыков не собирался. Тем более, что вскоре произошел колчаковский переворот 17 ноября 1918 г. и идея созыва Учредительного собрания канула в лету.

В отличие от атамана Семенова, Калмыков не стал после ноябрьского переворота заявлять особую позицию по поводу прошедших событий. Однако и поддержки колчаковского режима с его стороны не произошло. Казаки Калмыкова, как и семеновцы, как и анненковцы, на «внешних фронтах» не воевали, воюя только с собственным населением.

18 ноября 1918 г. в Хабаровске калмыковцы произвели очередную расстрел. В этот раз было расстреляно 11 человек²⁹. Возможно, что данное событие произошло ранее, по новому стилю 5 ноября, в этом случае количество казненных было большим: 21 человек. Среди казненных лиц были Болотин и его жена, Погодин, Цупик, Белозеров, Солошин, Мартынюк, Сизов, Юр, Буков, Мышков — все члены подпольной организации. Партизаны Куклин, Ерохин, Маник, Маленский. Четверо военнослужащих

²⁷ Японская интервенция 1918–1922 гг. в документах. С. 48–49.

²⁸ Цыткин С. Октябрьская революция и гражданская война на Дальнем Востоке. Хроника событий: 1917–1922. Хабаровск, 1933. С. 93.

²⁹ Цыткин Ю. Н. Хабаровск в годы Гражданской войны. С. 91.

36-го полка: Сизов за побег и убийство полковника Гросевича, прапорщик Сизов за участие в подпольной организации, Ракин и Рыжий за прокламации. Также были расстреляны председатель профсоюза грузчиков Штылев (грузчиков белая власть почему-то особенно не любила), председатель большевистской организации Лунек, атаман «Черных воронов» Скорик, Голубев с катера «Далайнор», Самаракин милиционер 3-го участка за передачу учетных карточек Лапте, бывший комиссар земледелия казачьего населения Фролов, а также некий Соколов³⁰.

Расстрелы и повешения продолжались и далее. Можно отметить, что, по официальным данным Приморской областной земской управы, число жертв калмыковского террора к декабрю 1918 г. достигло 5 тыс. человек³¹. Характерным явлением в крае, как указывалось выше, было и бегство из региона. Позднее 14 декабря в газете «Джапан Адвертайзер» американец Франк Кинг писал: «Бежавшие из Хабаровска от тирании атамана Калмыкова русские выглядят полоумными от тех ужасов, которые им пришлось пережить от безумных калмыковцев. В защиту беспощадно расстреливаемых русских вынуждены были вступить американские войска. Положение стало весьма острым и еще более осложнилось после того, когда Калмыковым были расстреляны 11 политических заключенных, несмотря на протест командующего американскими войсками, который предлагал, чтобы этих арестованных судили... Казни производятся калмыковцами в стенах хабаровской тюрьмы, на берегу Амура и вблизи гауптвахты... К американскому штабу обращаются многие русские женщины, матери и жены, с мольбами о заступничестве... В этом же месяце без суда и следствия в г. Кузнецк было расстреляно 64 солдата и рабочих за “организацию противоправительственного восстания”, которое выразилось в том, что они на своем собрании постановили “бороться за созыв сибирского учредительного собрания”»³².

Ряд беглецов оказались в зоне ответственности генерала Д. Л. Хорвата. В начале 1919 г. тот собрал соответствующие материалы «собираясь обратиться к союзникам и передать им документы, обвиняющие атамана И. П. Калмыкова во множестве пре-

³⁰ Красная Голгофа. С. 13.

³¹ Циткин Ю. Н. Хабаровск в годы Гражданской войны. С. 90.

³² Там же. С. 89.

ступлений, но этому помешал генерал П. П. Иванов-Ринов, который заявил, что И. П. Калмыков является «гениальной личностью», вся вина которого заключается в том, что он стоит выше условностей и непонятен для людей со слабым характером которых пугает решительность И. П. Калмыкова». Дальнейшие попытки местных деятелей, например барона А. П. Будберга, настоять на привлечение к ответственности атамана Калмыкова, оказались безрезультативными. Без последствий было даже похищение в кинотеатре и дальнейшее убийство адъютантами Калмыкова организатора Хабаровского Февральского восстания против атамана — казака Шлынгина. Генерал Хорват, через некоторое время, занял «нейтральную» позицию³³.

Между тем расправы атамана Калмыкова и его сподручных продолжались. 3 февраля 1919 г. в деревне Владимировка Хабаровского уезда карательным калмыковским отрядом избит крестьянин Владимир Макаренко. Чтобы прекратить его крики, казаки при помощи шомпола затолкали ему в горло тряпку, поранив рот и язык. Одну старуху под угрозой расстрела заставили бежать карьером вдоль улицы. В результате этих и других издевательств один мальчик сошел с ума³⁴. Данные Ципкина подтверждает документальный сборник: Из протокола заседания Хабаровского уездного земского собрания гласных 16 февраля 1919 г. «Гласный Фоменко, представитель Тунгусской волости. Будучи командирован 9 февраля сего года в с. Покровку, Тунгусской волости, на волостное земское собрание, он собрал целый ряд жалоб на казаков и офицеров атамана Калмыкова за производившиеся ими в первых числах февраля различного рода бесчинства, порки и издевательства над мирными гражданами различных деревень волости. Так, например: Гласный волостного земства гр. Фоменко заявил, что в д. Дежневку прибыло несколько казаков разыскивать большевика Опадчего. Задержав племянника Опадчего, двенадцатилетнего мальчика, подвергли его избиению нагайками и таким способом старались выпытать у него, где находится сам Опадчий. Потом пришли к дому Опадчего, который оказался запертым. Выломав окна, они проникли в дом и там застали семью Опадче-

³³ Масленников И. П. Внутренняя политика генерала Д. А. Хорвата в январе—апреле 1919 г. // *FiloAriadne*. 2017. № 1. С. 144–147.

³⁴ Цыпкин С. Октябрьская революция и гражданская война на Дальнем Востоке. Хроника событий: 1917–1922. С. 100.

го и двух граждан с соседнего хутора, Ульрихов, пришедших в этот дом по хозяйственным делам. Оба Ульриха были выпороты нагайками. Из дома Опадчего казаки забрали с собой его костюм.

После этого казаки задержали на улице гражданина д. Дежневки Степана Власюка 37 лет, начали его избивать, требуя указать, у кого имеется оружие. Власюк в числе прочих ошибочно сказал, что у заявителя Фоменко тоже есть ружье, которого в действительности совершенно не было. Придя в дом гласного Фоменко, казаки заявили: “Отдай, старик, оружие, иначе сейчас будем пороть”. После некоторых препирательств, когда старик Фоменко, раздраженный поведением казаков, сказал: “Порите, разбойники”, казаки его оставили.

В Дежневке взято оружия до 30 штук, почти все дробовое. Председатель Владимировской сельской управы Тунников заявил, что 3 февраля в д. Владимировку прибыло 4 казака для отобрания у населения оружия. В первую очередь под угрозой избить председателя приказали немедленно собрать все оружие. Придя в дом Владимира Макаренко, казаки без всякого с его стороны повода в присутствии публики и его семьи стали его бить плетями и прикладами. Когда Макаренко начал кричать, то казаки взяли тряпку, шомполом стали затыкать ее в рот, чем поранили рот и язык. Впоследствии избитый и раненый Макаренко был принят на лечение американским Красным крестом. При собирании оружия вдоль улицы производилась стрельба, чем наведена паника, и многие граждане разбежались из деревни, не возвращаясь домой и по сие время. Одну старуху под угрозой расстрела заставили бежать карьером вдоль улицы. Женщины и особенно дети перепуганы. В результате один мальчик 6 лет сошел с ума. Оружия отобрали 36 штук, почти все дробовое.

Гласный волостного земства Иосиф Писарев показал, что прибывшими прапорщиками в д. Ново-Каменку был захвачен во время обеда в школе комиссар Щепетнов, а затем под угрозой расстрела было приказано снести оружие, что немедленно было исполнено.

Взято 11 бердан старого образца и 4 централки.

Перед отъездом из Ново-Каменки урядник Амиров утерял револьвер и, полагая, что его нашел кто-нибудь из деревенских, стал грозить стереть с лица земли всю деревню, если револьвер не будет ему доставлен. В районе Ново-Каменки никаких большевистских выступлений, а равно и перестрелки и преследования шайки не было.

В д. Калиновку прибыли казаки с урядником Амировым, четырьмя японцами, потребовав сдачи оружия. Оружие в количестве 15 штук, почти все дробовое, было все снесено. Гр. Завгородний принес винтовку без патронов. Полагая, что он патроны скрывает, Амиров стал пороть нагайкой его, и затем той же участи подверглась и его сын, бывший тут же. После этого было приказано дать 12 подвод для перевозки казаков, оружия и японцев. По приезде в Николаевку все без исключения подвозчики вместо расчета были выпороты нагайкой. У одного из подвозчиков сильно разбита губа и повреждены зубы.

В д. Николаевке находились сам начальник юридического отдела, отряд казаков и несколько японцев с двумя японскими офицерами. В первую очередь без всякого повода был избит гласный волостного земства Корощук. Сначала один прапорщик ударил его револьвером в голову, а затем второй прапорщик стал избивать его нагайкой, и когда нагайка оборвалась, то он стал наносить ему удары рукояткой в грудь в область сердца, вследствие чего Корощук в настоящее время опасно болен. Далее по подозрению в соучастии большевизму избиты гр. Наволочка и Шапошников.

Гр. Дублянко, перепуганный разбоем, хотел бежать в тайгу, но был замечен казаками, догнан и сильно избит. Гр. Дмитрий Федоров, видя такой разбой, побоялся сам лично нести казакам свою винтовку, а потому винтовку послал со своей женой, но патроны передать забыл. Спросив жену Федорова, почему она не принесла патронов, казаки лично отправились в его дом и стали бесчеловечно избивать его, а затем вывели на речку и пытались спустить его под лед, но ввиду мелководья и тесноты в проруби протолкать его под лед не удалось. Продолжив избивание, казаки бросили его у проруби. Федоров простужен, сильно избитый, лежит при смерти. Оружия взято штук 40 — бердан и дробовиков.

В настоящее время все население в панике. Женщины и дети перепуганы. Дети ежеминутно в страхе спрашивают родителей, не идут ли казаки. Таково плачевное положение граждан Тунгусской волости. Полагаю, что в других волостях дело обстоит не лучше, но запуганное население молчит и переносит испытания. Гласный Щекал также отмечает случаи избивания граждан казаками в Лермонтовской волости, гласным которой он является»³⁵.

Подобные крестьянские расправы калмыковцев носили повседневный характер. Характерен эпизод, упомянутый в книге У. Грэв-

³⁵ Японская интервенция 1918–1922 гг. в документах. С. 49–51.

са: «Как-то ко мне в штаб пришли две женщины из города, находившегося на расстоянии 200 или 300 миль от Владивостока; эти женщины рассказали мне, что казаки Калмыкова прошли через их село и забрали с собою их мужей. Они просили меня помочь им установить, живы ли их мужья и, если они живы, то где они находятся. Я приказал старшему из моих офицеров в Хабаровске спросить Калмыкова, где находились эти люди. Калмыков ответил на это, что они убежали, и дал моему офицеру копию распоряжения, которое он послал на все станции железной дороги о новом аресте этих лиц. Позднее оказалось, что, когда поезд, в котором они находились, проходил по мосту через озеро, Калмыков остановил поезд, приказал привязать этим людям камни на шею и бросить их в озеро»³⁶.

В июле 1919 г. была осуществлена очередная карательная акция калмыковских казаков в д. Синда: деревня была сожжена, расстреляно 40 чел³⁷.

Методы Калмыкова были схожи с подобными действиями других сибирских атаманов. Атаманы Семенов, Анненков, Гамов, Красильников и Калмыков действовали с небольшими отличиями. При этом они чувствовали себя особенной силой, проявляя своеобразное уважение к подобным себе.

Так, атаман Семенов в марте 1919 г. наградил атамана Калмыкова за боевые заслуги орденом Св. Георгия 4-й ст. образца Особого Маньчжурского отряда. Хорошие отношения у Калмыкова сложились и с атаманом Дутовым. Летом 1919 г. Дутов приехал по поручению Колчака с инспекцией Амурского и Уссурийского казачьего войска на Дальний Восток. 23 июня 1919 г. Дутов прибыл в Гродеково, где и встретился с Калмыковым. Уссурийский атаман, ссылаясь на рост партизанского движения в крае, отказался отправить свои войска на фронт. В ночь на 25 июня 1919 г. оба атамана выехали из Гродеково в Никольск-Уссурийский. В пути их поезд и сопровождающий бронепоезд несколько раз обстреливали, и он в результате останавливался, чтобы исправить разобранный партизанами путь. Исследователь этих событий В. Г. Хитрый справедливо указывает, что, скорее всего, это был спектакль для того, что бы показать Дутову уровень партизанской угрозы и необходимость оставления

³⁶ Грэвс У. Американская авантюра в Сибири. 1918–1920. С. 94–95.

³⁷ Хитрый В. Г. Партизанское движение в годы гражданской войны на Дальнем Востоке России (1918–1920): современный взгляд. Дисс. на соиск. уч. ст. к. и. н. Владивосток, 2015. С.170.

калмыковцев в крае. «Сама организация пяти нападений на один сильно охранявшийся поезд за одну ночь, обстрелы его (при этом не было ни одного убитого и раненого) наводят на мысль о желании показать А. И. Дутову сложность обстановки и невозможность в связи с этим отправиться на фронт. Эту версию подкрепляет то обстоятельство, что в тот период времени партизаны после поражений в начале лета к широким боевым действиям на линии Уссурий железной дороги ещё не приступили»³⁸. Совместное «боевое крещение» сблизило атаманов. Позднее приехавшего 4 июля 1919 г. в Хабаровск атамана А. И. Дутова, после посещения городской Думы, лично сопровождал Калмыков. Конвой же Дутова, по приглашению атамана Калмыкова, принял участие в расстрелах советских работников в хабаровской тюрьме³⁹. Созвучны были действия атамана Калмыкова и с другими военными деятелями, ответственными за карательную политику. Вполне им воспринималась и одобрялась весенне-летняя 1919 г. деятельность генерала С. Н. Розанова. С указанным генералом, который Указом Верховного правителя адмирала А. В. Колчака от 18 июля 1919 г. был назначен главным начальником Приамурского края у него сложились нормальные отношения.

Впрочем, Калмыков сам производил подобные Розанову действия. Так, 15 августа 1919 г. уссурийским атаманом, в ответ на расстрел воспитателя кадетского полковника А. П. Гроссевича⁴⁰, были казнены арестованные им ранее А. М. Криворучко, Аксенов-Молоднюк, Бернштейн, В. Николаев, И. Казаринов, И. Рубан, Г. Калмыков, Е. Штабной, А. Гетман и комиссар Хабаровской следственной комиссии Титов. Отметим, что Калмыков предлагал обменять на Гроссевича 5 заложников⁴¹, но тот был уже расстрелян к этому времени. Итогом стал расстрел 10 заложников.

2 сентября 1919 г. приказом Розанова Калмыков был назначен уполномоченным по охране государственного порядка и спокойствия в Хабаровском и Иманском уездах. Атаман Калмыков чувствовал себя уверенно, хотя ход военных действий в Сибири уже был не в пользу белого движения. Его поезд по-прежнему

³⁸ Хитрый В. Г. Партизанское движение в годы гражданской войны на Дальнем Востоке России (1918–1920): современный взгляд. С. 172–173.

³⁹ Ципкин Ю. Н. Хабаровск в годы Гражданской войны. С. 92.

⁴⁰ Хитрый В. Г. Партизанское движение в годы гражданской войны на Дальнем Востоке России (1918–1920): современный взгляд. С. 135.

⁴¹ Хитрый В. Г. Партизанское движение в годы гражданской войны на Дальнем Востоке России (1918–1920): современный взгляд. С. 135.

был символом смерти. 2 ноября 1919 г. в Хабаровске из «вагона смерти» атамана Калмыкова была выделена группа заключенных в 23 человека и вывезена на Амурский мост, где все они были перебиты и сброшены с моста⁴². Это был один из традиционных способов расправы калмыковцев.

После устранения Колчака от власти, положение Калмыкова меняется. Недовольными Калмыковым были многие, в новые политические комбинации он не вписывался. Особенно это стало очевидно после снятия с должности генерала Розанова 31 января 1920 г. В Приморье образуется Временное правительство Приморской областной земской управы. В феврале он покидает Хабаровск. Но уйти просто так он не мог. Перед оставлением Хабаровска 13 февраля 1920 г. атаман И. П. Калмыков произвел расстрел 40 членов своего отряда и еще 7 человек из «вагона смерти»⁴³.

Отряд пересек китайскую границу. Однако там ему многое вспомнили: и расстрелы китайцев в мае 1919 г, обстрел китайского отряда канонерских лодок на Амуре в октябре 1919 г. и т. д. Как справедливо указывает Юэсинь Рейчел Линь, с отсылкой к многочисленным китайским источникам, «Учредившие свои вотчины на Дальнем Востоке Семенов, И. П. Калмыков и другие военачальники грабили, убивали китайских мигрантов и жестоко обращались с ними»⁴⁴. Калмыков был задержан китайскими отрядами. Японцам он оказался не нужен. Не помогли и переданные японскому командованию изъятые незадолго до бегства за границу из Хабаровского отделения Госбанка 38 пудов золота. Позднее при попытке бегства, в сентябре 1920 г. он будет убит китайскими конвоирами⁴⁵.

⁴² Цыпкин С. Октябрьская революция и гражданская война на Дальнем Востоке. Хроника событий: 1917–1922. С. 144.

⁴³ Там же. С. 158.

⁴⁴ Юэсинь Рейчел Линь. Платить за ненависть добротой // Гражданская война в России: Жизнь в эпоху социальных экспериментов и военных испытаний, 1917–1922: Материалы международного colloquium (Санкт-Петербург, 10–13 июня 2019 г.). СПб., 2020. С. 162.

⁴⁵ Савченко С. Н. Арест и гибель атамана И. П. Калмыкова в Китае в 1920 г. // Китайской Народной Республике 50 лет: история и современность (тезисы докладов и сообщений международной научной конференции 18–19 мая 1999 г.). Владивосток, 1999. С. 89–92.

Г. Е. Аляев

ИЗВИЛИСТЫЕ ЛИНИИ ЖИЗНИ В ТОПОЛОГИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ ИСТОРИИ

(материалы к биографиям Михаила Людвиговича
Франка и Семёна Людвиговича Франка)

Поводом к этому небольшому исследованию стали несколько писем, сохранившихся в Бахметевском архиве Колумбийского университета в Нью-Йорке. Это письма Михаила Людвиговича Франка к брату Семёну Людвиговичу, а также к его жене Татьяне Сергеевне и сводному брату Льву Заку, относящиеся к 1923–1937 годам. Эта переписка — в первую очередь, часть семейной истории. Однако семья эта представлена людьми, безусловно, выдающимися, оставившими значимый след в истории российской и мировой науки, философии и культуры. Прежде всего — это, собственно, основные корреспонденты — братья Семён и Михаил Франки. С. Л. Франк (1877–1950), по известной оценке В. В. Зеньковского — «самый выдающийся русский философ»¹, работы которого переиздаются сегодня не только в России, но и в ряде других стран. М. Л. Франк (1878–1942) — профессор высшей математики (в первую очередь — геометр, одним из преимущественных интересов которого была топология), талантливый учёный и педагог. Одним из персонажей переписки является также сводный брат Семёна Людвиговича и Михаила Людвиговича — Лев Васильевич Зак (1892–1980), проделавший путь от одного из заметных представителей поэзии футуризма (под

¹ Зеньковский В. В. История русской философии: в 2 т. Л., 1991. Т. II. Кн. 2. С. 158.

псевдонимом «Хрисанф») до известного художника Парижской школы. В переписке отражаются также ранние годы двух сыновей Михаила Людвиговича, которые стали учёными с мировыми именами — это академик АН СССР, биофизик Глеб Михайлович Франк (1904–1976) и лауреат Нобелевской премии, академик АН СССР, физик Илья Михайлович Франк (1908–1990).

Однако не только, так сказать, «состав участников» может привлечь внимание к этим документам, т. е. они являются не только фактами биографии выдающихся людей. В судьбе членов семьи Франков — прежде всего, Семёна Людвиговича и Михаила Людвиговича, а также и Льва Васильевича, — нашла своё конкретное воплощение общая судьба страны, взорванной и разорванной революциями начала XX века, искорёженной двумя мировыми войнами. Эта переписка — не из «двух углов», не из двух квартир или городов, и даже не просто из двух стран — это переписка из двух отдельных политических и духовных миров, в которых оказалось расколотое русское общество после 1917-го года, и в этих двух мирах — не просто «параллельных», а враждующих — зачастую оказались «осколки» одной и той же семьи. Так произошло и с Франками. Враждебность этих миров предопределила, между прочим, и то обстоятельство, что мы имеем сегодня практически одностороннюю переписку — письма Семёна Людвиговича и Льва Васильевича к брату Михаилу не сохранились, за исключением одной, ещё дореволюционной, открытки.

Но прежде, чем говорить о самих письмах, остановимся сначала на основных фактах биографии наших героев², обратив внимание, прежде всего, на параллели или пересечения линий жизни двух братьев, на взаимоотношения Михаила Людвиговича и Семёна Людвиговича Франков.

Семён и Михаил родились в Москве, в еврейской семье. Однако родители не были коренными москвичами. Отец, Людвиг Се-

² О биографии Михаила Людвиговича Франка см.: *Франк И. М.* Михаил Людвигович Франк // Историко-математические исследования. Вып. XXVI. М., 1982. С. 266–293. Илья Михайлович опирался, в частности, на рукописную автобиографию М. Л. Франка. См. также: Илья Михайлович Франк. Очерки и воспоминания / [сост. А. С. Гиршева, А. И. Франк; под общ. ред. В. Л. Аксенова]. М., 2008. — 446 с.; *Франк А. И.* Илья Михайлович Франк // Физика элементарных частиц и атомного ядра. 2008. Т. 39, вып. 4. С. 879–949; *Франк А. И.* История одной семьи // Природа. 2008. № 9. С. 17–30. Данные о родителях и родственниках, а также некоторые факты своей биографии Семён Людвигович Франк изложил в своих коротких воспоминаниях «Предсмертное», написанных в 1935 г.

мёнович (1844–1882), происходил из Виленского края, но в период польского восстания 1863 г. был отправлен родителями в Москву, куда позднее, после смерти его отца, перебрались его мать Фелиция и две сестры. Мать — Розалия Моисеевна (1856–1909) — родилась в Ковно, и около середины 1860-х её семья также перебралась в Москву (девочкой она тоже застала польское восстание и потом рассказывала своим детям, как присутствовала однажды при публичном расстреле повстанцев). Фамилия её отца — Россиянский — указывает на происхождение из местечка Россиен, по-литовски — Расейняй; мать Сара (в девичестве — Добринер) происходила из пограничного немецкого Тильзита³.

Людвиг Семёнович был врачом, участвовал в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. и за доблесть был награждён орденом Станислава 3-й степени, имел чин коллежского асессора и получил личное дворянство (что давало его детям статус потомственных почётных граждан); в последние годы жизни служил доктором в Мариинском приюте общества для попечения о детях лиц, сосланных по судебным приговорам в Сибирь. Семья жила в Замоскворечье на Пятницкой улице, где и родились Семён и Михаил, а также старшая сестра Софья (1875–1937). После ранней смерти мужа Розалия Моисеевна с детьми проживала со своими родителями⁴. По воспоминаниям С. Л. Франка, именно дед — Моисей Миро-

³ Интересно, что в тяжёлый период Гражданской войны Семён Людвигович подумывал использовать свои литовские корни — в августе 1921 г., выбираясь из Саратова, он писал Нине Александровне Струве: «Сначала я долго мечтал выехать в Литву (опираясь на мое происхождение оттуда), но теперь отказался от этого плана и решил переселиться в Москву» (*Колеров М. А.* Изнутри. М., 2018. С. 141). Планы переселения в Прибалтику были и в период эмиграции, уже в конце 20-х годов, но дело ограничилось большой лекционной поездкой в марте 1928 г., когда С. Л. Франк побывал, в том числе, и в Ковно.

⁴ По воспоминаниям С. Л. Франка, жили в разных местах «в районе Покровки и Мясницкой (помню жизнь в доме в Лялином переулке, где зимой случился пожар и нас, детей, поздно вечером вывели из дома среди удушающего дыма), а потом, кажется с 1888–89 года, в особняке, который купил мой дедушка в Кривом (позднее Мельниковом) переулке» (*Франк С. Л.* Предсмертное. Воспоминания и мысли // Вестник РХД. 1986. № 146. С. 108–109). Точно известен адрес 1887 года — «Маросейка, д. Шелагина» (см.: ЦГА Москвы. Фонд 213. Оп. 2. Ед. хр. 3044. Л. 1; ныне — ул. Маросейка, 15); дом по Кривому переулку, записанный, кстати, на Розалию Моисеевну (см.: Вся Москва. Адресная и справочная книга на 1891. М., 1890. С. 212), не сохранился — участок, на котором, он находился, соответствует нынешнему адресу ул. Жуковского 12 или 14.

нович Россиянский — «заложил во мне основы моего духовного и умственного развития»⁵. Дед был

«по профессии чайный маклер — посредник между китайскими фирмами и московскими чаеоторговцами, — не получив никакого общего образования, он был живым, умным и интеллигентным человеком, сочетавшим преданность традициям еврейской веры (без фанатизма) с широким общим умственным горизонтом»⁶.

Хотя Семён Людвигович писал в своих коротких воспоминаниях о себе, но очевидно, что воспитание деда распространялось и на Михаила:

«Он заставил меня научиться древнееврейскому языку (который я теперь забыл) и читать на нем Библию. Он водил меня в синагогу⁷ (по большим еврейским праздникам — субботние дни, как и все сложные мелочи обрядового устава, он не соблюдал), где я получил первые, запавшие на всю жизнь религиозные впечатления (рядом с этим шли, через няnek и окружающую русскую среду, и религиозные впечатления русского православия). (...) Рассказы дедушки по истории еврейского народа и по истории Европы стали первой основой моего умственного кругозора»⁸.

Впрочем, по воспоминаниям Розалии Моисеевны, которые сохранил Лев Зак, дети различались темпераментами:

«Соня и Миша, как все дети, иногда капризничали, иногда не слушались, иногда шумели. Сеня, который, по словам мамы, был “буту-

⁵ Франк С. А. Предсмертное. Воспоминания и мысли. С. 108.

⁶ Там же. С. 109.

⁷ Московская хоральная синагога в Большом Спасоглинищевском переулке была открыта весной 1891 года — возможно, Семён и Михаил Франки успели там побывать (дед умер в конце этого же года), до этого еврейская община арендовала для молитвы и религиозно-просветительских учреждений доходный дом Рьженкова на Солянке, а также действовала молешня в Зарядье. Ещё в 1869 г. М. М. Россиянский подписывал два прошения московских евреев с просьбой о строительстве синагоги (см.: Аляев Г. Е., Резвых Т. Н. Предисловие к первому тому. С. А. Франк: жизнь и творчество, 1877–1902 // Франк С. А. Полное собрание сочинений. Т. 1: 1896–1902 / Под общ. ред. Г. Е. Аляева, К. М. Антонова, Т. Н. Резвых. М., 2018. С. 23, прим.).

⁸ Франк С. А. Предсмертное. Воспоминания и мысли. С. 109.

зом”, т. е. довольно полным, выучился очень рано читать и сплошь и рядом сидел на маленькой скамеечке (в то время у старых людей существовали скамеечки для ног, я хорошо помню такую скамеечку у моей бабушки в углу комнаты) и по целым часам читал»⁹.

Первым учебным заведением обоих братьев стала гимназия при Лазаревском институте восточных языков — Семён был принят сразу во второй класс в 1887 году, а Михаил — тоже во второй класс, но в 1890 году¹⁰. Учились они достаточно хорошо — между прочим, в личном деле Михаила зафиксировано награждение похвальным листом в ноябре 1891 года¹¹. Однако весной 1891 г. Розалия Моисеевна вышла второй раз замуж — за бывшего народника, аптекаря Василия Ивановича Зака, — и семья переехала в Нижний Новгород. Правда, Семён и, очевидно, Михаил ещё оставались в Москве на попечении деда, но после его смерти в декабре 1891 г. Михаила, прочувшегося в гимназии при Лазаревском институте меньше двух лет, также забрали в Нижний Новгород. Семён закончил шестой класс и поступил в седьмой — были предприняты попытки выхлопотать ему вид на жительство в Москве, однако они оказались безуспешны (возможно, из-за принимавшихся властями в 1891–1892 гг. мер по высылке части евреев из Москвы), и в ноябре 1892 г. он перевёлся в седьмой класс Нижегородской гимназии.

Существенное влияние на этот период на формирование мировоззрения обоих братьев оказал отчим Василий Иванович Зак (настоящее имя — Цалель Ицкович), который в молодости был связан с народовольцами, за что в 1878–1884 годах отбывал ссылку в Восточной Сибири. По воспоминаниям Семёна Людвиговича, благодаря отчиму в круг его чтения попали работы Михайловского, Добролюбова, Писарева, Лаврова; семья Заков-Франков дружила также с семьёй бывшего революционера-народника, известного писателя и врача Сергея Яковлевича Елпатьевского. «Дом Елпатьевских был средоточием либеральной и радикальной интеллигенции Нижнего Новгорода»¹², — вспоминал С. А. Франк.

⁹ Воспоминания Льва Васильевича Зака о Семене Людвиговиче Франке, его брате / Публ. Натальи Франк-Норман // Евреи в культуре русского зарубежья. Статьи, публикации, мемуары, эссе. Т. V. Сост. и изд. М. Н. Пархомовский. Иерусалим, 1996. С. 432.

¹⁰ См.: ЦГА г. Москвы. Ф. 213. Оп. 2. Ед. хр. 3043, 3044.

¹¹ См.: Там же. Ед. хр. 3043.

¹² Франк С. А. Предсмертное. Воспоминания и мысли. С. 118.

Дочка С. Я. Елпатъевского Людмила (в замужестве — Врангель) позднее писала:

«Весной, когда Волга и Ока заливали ярмарку, и временно прекращалось сообщение с городом, Сеня Франк, живший около ярмарки, и его милая сестра, красавица Соня, жили у нас, когда еще учились в гимназии. Оба были любимцы нашей семьи, и родители наши были очень дружны между собой»¹³.

В этих воспоминаниях не упомянут Михаил, однако сохранилось письмо Людмилы Врангель к Семёну Людвиговичу Франку, написанное в 1949 году (она жила в Ла-Фавьере, на южном берегу Франции, где перед войной некоторое время жил и С. Л. Франк):

«Дорогой, старый, старый друг, милый Сеня! Сеня, Соня и Миша... Где-то Миша, милое, чудесное существо? Существо, — потому что он не от мира сего. Бедненькая Соня, так рано погибшая, моя любимая подруга! Да... Вот и жизнь прожита; не думали мы об этом в Нижнем Новгороде. Катались на лодках в разлив под крышей цирка на Нижнем базаре; где-то под откосами собирали ландыши, жгли костры и слушали беспечно соловьев. И вот все это живет в наших душах и составляет не малую долю ее»¹⁴.

Лев Зак также вспоминал, что его старшие братья любили рыбную ловлю; отразилась в воспоминаниях сводного брата и ранняя тяга Михаила к технике и рукоделию:

«Сеню я вижу то на даче в “Черном” около Нижнего, еще гимназистом, с высоко засученными брюками, входящим, таща сеть, в воду, вместе с Мишей и деревенскими парнями (Миша и Сеня любили тогда рыбную ловлю), то в нашей гостиной в Канавине (предместье Нижнего, где мы жили) за роялью. (...) Соня няньчилась со мной, как мать, Миша устраивал мне всякие постройки, электрические машины, клеил игрушки для елки»¹⁵.

¹³ Врангель Л. Воспоминания и стародавние времена. Вашингтон, 1964. С. 27

¹⁴ Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture, Rare Book & Manuscript Library, Columbia University, New York (далее — BA). S. L. Frank Papers. Box 9. Unidentified U-Z.

¹⁵ Воспоминания Льва Васильевича Зака о Семене Людвиговиче Франке, его брата. С. 433, 434.

Семён Франк в первую же нижегородскую зиму стал участником гимназического марксистского кружка, куда входили, в частности, будущий большевик М. А. Сильвин и будущий меньшевик А. М. Никитин. Полицейские документы свидетельствуют, что Франк был знаком с учеником реального училища А. А. Кузнецовым; по воспоминанию М. Г. Григорьева, именно «в его квартире совместно с ним и его другими товарищами (Вигдорчиком, Франком, Котовым, Зеленецким и др.) нам приходилось штудировать произведения К. Маркса»¹⁶. Так, в 16–17-летнем возрасте, Франк прочитал 1-й и 2-й том «Капитала». Уже после его отъезда на учебу в Московский университет, Департамент полиции приступил к дознанию о нижегородском рабочем кружке, членами которого оказались «знакомые названного Франка» А. А. Кузнецов, А. С. Розанов, М. Н. Котов (уличенный в «изготовлении гектографированных воззваний к рабочим, разбросанных 19 Октября 1894 г. в Нижнем Новгороде») и Б. Д. Фридман. В 1894 г., окончив гимназию, Семён поступил на юридический факультет Московского университета, где продолжал принимать участие в революционных кружках, связанных с Московским рабочим союзом¹⁷.

Об участии Михаила в гимназических кружках сведений нет, однако он дружил с Павлом Грациановым, о котором известно, что он уже в 6-м классе гимназии (т. е., в 1894–1895 гг.) участвовал в кружке революционной молодёжи — позднее Павел Михайлович стал профессиональным революционером. Не удивительно, что, также поступив в Московский университет — Павел в 1897, а Михаил в 1898 на физико-математический факультет, — друзья сразу оказались в революционной среде.

Семён Людвигович получил весной 1898 г. выпускное свидетельство «о зачете 8 семестров», однако решил перенести сдачу государственного экзамена на следующий год. Он продолжал жить в Москве, участвовал в работе марксистского издательства М. И. Водовозовой (где немного позже вышла его первая книга), и осенью 1898 г. познакомился с П. Б. Струве, дружба с которым прошла через всю его жизнь. Как раз в это время в Москве появи-

¹⁶ Григорьев М. Г. Марксисты в Нижнем в 1889–1894 гг. // Пролетарская революция. Исторический журнал Истпарта. 1927. № 4 (27). С. 112.

¹⁷ См.: Аляев Г. Е., Резвых Т. Н. Предисловие к первому тому. С. Л. Франк: жизнь и творчество, 1877–1902. С. 29.

лся и Михаил. Он поселился вместе с братом¹⁸ и его другом Германом Ливеном; через некоторое время Семён, очевидно, переселился в другую квартиру, а Михаил продолжал жить с Ливеном в квартире 44 дома Гирша по Малой Бронной, 25. Именно здесь 15 февраля 1899 года был произведён обыск и арест.

Охранное отделение давно следило за Семёном Франком и Германом Ливеном. В документах охранки они фигурировали как члены «кружка нижегородцев», занимавшегося пропагандой и распространением нелегальной литературы. В качестве члена этого кружка «рьяных марксистов» попал в дело и Михаил Франк. Так, согласно полицейской справке, Михаил

«все время находился в самых оживленных сношениях со студентом Московского Университета Андреем Ивановым Ярошевичем, то и дело посещавшим его на дому и оставлявшим у него различные свертки. Всем посещавшим его лицам, из числа имевших к нему какие либо вещественные конспиративные дела, Франк заявлял, чтобы они не стеснялись, в случае его отсутствия, оставлять приносимое его сожителю, т. е. Ливену. Ярошевич занимался распродажей пришедшего из Лодзи летом минувшего года транспорта нелегальной литературы (...). Кроме того Ярошевич вел самостоятельную издательскую деятельность на гектографе. (...) Независимо сего, пользуясь связями с Югом и Северо-западом, группа Франка и Ярошевича выписала самостоятельно нелегальный транспорт и ожидала его прибытия»¹⁹.

Под «Югом» имелась в виду социал-демократическая типография в Киеве, а под «Северо-западом» — Санкт-Петербург. Именно начало студенческих волнений в Петербурге в феврале 1899 г. подтолкнуло охранку к проведению превентивных арестов в Москве. Согласно упомянутой полицейской справке,

¹⁸ К этому времени относится ещё одна зарисовка из воспоминаний Льва Зака: «Я был как то с мамой в московской комнате Сени и Миши. Маленького избалованного буржуазного мальчика потрясли хаотический беспорядок этой комнаты, книги, которые валялись повсюду, пыль, покрывавшая их, и я навсегда запомнил калач, который почему-то лежал на верху шкафа! Представляю себе, как мама должна была быть испуганной такой богемой. Воспоминание о таком беспорядке совершенно не вяжется с позднейшими образами Сени и Миши. Миша к тому же всегда отличался чрезвычайной аккуратностью» (Воспоминания Льва Васильевича Зака о Семене Людвиговиче Франке, его брате. С. 435).

¹⁹ ГАРФ. Ф. 63. Оп. 8. (1896 год) Ед. хр. 1510. Л. 73–74.

«для предупреждения волнений, группа эта (т. е. “группа нижегородцев”. — Г. А.) была ликвидирована 15-го Февраля в полном составе и обыски дали такие результаты, вследствие коих представилось желательным обследование деятельности этой группы в полном её объеме, а не только в той части, которая касалась студенческих дел»²⁰.

Впрочем, Семён Франк был арестован не сразу, а только в конце марта, после студенческой ссоры, организацию которой ему инкриминировали. Между тем, последовавшее в начале апреля самоубийство в тюрьме Германа Ливена принудило полицию поскорее разобраться с делами арестованных студентов²¹. Семён Франк был выпущен уже через неделю, а арестованный ранее Михаил в результате просидел в тюрьме два месяца. Получили они и разное наказание — Семёну было воспрещено на два года проживание в университетских городах, а Михаил был исключён из университета без права восстановления. Проведя летние месяцы у родителей в Нижнем Новгороде, братья отправились в Германию: Михаил — в Мюнхен, где поступил в Баварскую Техническую школу, а Семён — в Берлин.

Надо сказать, что революционная деятельность обоих братьев на этом ещё не закончилась. В последующие годы Семён Франк принял участие в организованном за границей Петром Струве журнале «Освобождение» и Союзе освобождения, а Михаил оказался в этом деле посредником. В воспоминаниях о П. Б. Струве С. Л. Франк писал:

«Летом 1902 года мой брат М. Л. Франк, живший в Мюнхене, написал мне в иносказательной форме, что П. Б. приглашает меня приехать за границу, чтобы сотрудничать в журнале»²².

²⁰ ГАРФ. Ф. 63. Оп. 8. (1896 год) Ед. хр. 1510. Л. 74–74 об.

²¹ Это событие дало толчок и к переосмыслению собственных действий друзьями погибшего. Через четверть века, в брошюре «Крушение кумиров», С. Л. Франк описал (не называя фамилии) потрясшее всех самоубийство в тюрьме одного из участников «невинно-“революционного” студенческого кружка в Москве». Причиной этого поступка, по его словам, стал господствовавший в определённых кругах русской молодёжи «универсальный, всепоглощающий культ революционного служения» и своеобразное «моральное принуждение к революционному образу мыслей и революционному героизму» (см.: Франк С. Л. Крушение кумиров // Сочинения. М., 1990. С. 152–153).

²² Франк С. Л. Воспоминания о П. Б. Струве // Франк С. Л. Непрочитанное ... Статьи, письма, воспоминания. М., 2001. С. 413.

Косвенно эта информация подтверждается сохранившейся перепиской между Михаилом Франком и Петром Струве. В письме от 20 (7) июля 1902 г. Михаил Людвигович подробно описал Струве — «по Вашей просьбе» — своё впечатление о первом номере «Освобождения»; сохранился и ответ Струве²³. Характер переписки свидетельствует о том, что они уже были знакомы ранее — возможно, знакомство состоялось ещё в Москве, или в начале 1901 г., когда С. Л. Франк встречался со Струве в Мюнхене, уезжая из Германии в Россию. Этим же летом 1902-го года Михаил, очевидно, приезжал на каникулы к родителям — семья как раз переехала из Нижнего Новгорода на юг из-за болезни младшего сына. Лев Зак, которому тогда было 10 лет, позднее писал:

«Мне вспоминается лето в Бердянске, когда и Сеня, и Миша жили у нас. Помню, что в лето Сеня и Миша фабриковали симпатические чернила и писали ими (письма? корреспонденции? статьи? не знаю) и посылали белые бумажки, на которых ничего не было видно (думаю, что поверх текста, написанного симпатическими чернилами, они все же писали что-нибудь весьма невинное простыми) Струве в “Освобождение”»²⁴.

Об интенсивных контактах с лидером Союза освобождения уже в 1903–1905 годах говорит ещё одно письмо Михаила к Петру Струве от 2 июля 1903 г., а также несколько его писем к жене Струве Нине Александровне²⁵. В это же время — в начале июля 1903 г. — к брату в предместье Мюнхена Пазинг (полный адрес — Pasing bei München, Waldkolonie villa Ende) приехал вновь выбравшийся за границу Семён Франк²⁶. Какое-то время Семён жил у брата, а затем, до весны или лета 1904 года жил в Мюнхене, часто наезжая в Штутгарт к Струве и, очевидно, неоднократно общаясь с братом и его женой. В 1902 г. Михаил женился на Елизавете Михайловне Грациановой (1877–1959) — сестре своего гимназического друга Павла Грацианова. Они венчались в православной церкви Дрездена²⁷.

²³ См.: РГАСПИ. Ф. 279. Оп. 1. Ед. хр. 67. Л. 104–109.

²⁴ Воспоминания Льва Васильевича Зака о Семене Людвиговиче Франке, его брате. С. 438.

²⁵ См.: РГАСПИ. Ф. 279. Оп. 1. Ед. хр. 67. Л. 110–113.

²⁶ См.: Колеров М. А. Изнутри. С. 72.

²⁷ См.: Илья Михайлович Франк. К 110-летию со дня рождения / Авт.-сост.: В. М. Березанская, М. А. Лукичёв, Н. М. Шаульская. М., 2018. С. 17.

Михаил Франк закончил Мюнхенский политехникум в 1904 году, получил диплом инженера-машиностроителя и уехал в Санкт-Петербург. Семён Франк с осени 1904 до весны 1905 года также был в Петербурге, выполняя, между прочим, некоторые поручения Струве по Союзу освобождения. Можно предположить, что контакты между братьями были достаточно тесными и в эту зиму. Во всяком случае, собираясь в Петербург уже через год, в конце октября 1905 года, Семён Франк сообщал Струве в Париж для переписки «адрес моего брата» — «Петербургская сторона, Теряева ул. д. 5, кв. 23»²⁸. Впрочем, переехав в Петербург, Семён Людвигович жил самостоятельно или вместе со Струве (в 1906–1908 гг.), с которым продолжалась интенсивная работа в новых издательских проектах.

В Санкт-Петербурге собрались почти все молодые Франки — сестра Софья тоже жила здесь со своим мужем, банкиром Абрамом Животовским, и только младший Лёва оставался с родителями, которые вновь вернулись в Москву²⁹ (между прочим, он тоже учился в гимназии при Лазаревском институте восточных языков, где начинали учиться его сводные братья). В семье Михаила Людвиговича родилось два сына: в 1904 г. — Глеб, в 1908 г. — Илья. Первое десятилетие семейной жизни в материальном отношении было трудным. М. А. Франк в своей автобиографии писал, что с 1904 по 1906 г. он жил на случайные заработки. С 1906 г. начал преподавательскую деятельность в средних технических учебных заведениях, на «Курсах пожарных техников» и на «Политехнических курсах Общества народных университетов». Преподавал математику и физику. В высшей школе работать не мог, потому что у него не было университетского диплома, полученного в России. В 1907 г. поступил на математический факультет Петербургского университета, но вскоре был из него исключен, так как не мог представить справку о политической благонадежности³⁰.

Интересно, что Семён Людвигович также начал свою преподавательскую деятельность в 1906 г. — сначала на Общеобразовательных курсах при женской гимназии М. Н. Стоюниной. Ранее, ещё в 1902 г., его приглашали на работу во вновь создаваемую

²⁸ Колеров М. А. Изнутри. С. 98.

²⁹ Провизор В. И. Зак имел аптеку и торговлю парфюмерными товарами, проживая в доме Шершакова на Мясницкой улице — т. е., по адресу Мясницкая ул., 32 (Вся Москва. Адресная и справочная книга на 1906 год. М., 1906. С. 126).

³⁰ См.: Франк И. М. Михаил Людвигович Франк. С. 269.

мый Петербургский Политехнический институт, однако, как он вспоминал позднее, «дело расстроилось из-за моего вероисповедания»³¹. Но и теперь возможность преподавания в государственных учебных заведениях была ограничена, зато за несколько лет С. А. Франк «охватил» своей преподавательской деятельностью сразу несколько частных: Бестужевские Высшие Женские Курсы, Педагогические курсы Фребелевского общества, Психоневрологической Институт и другие. Только в 1912 г. (в этом же году С. А. Франк принял православие) он был зачислен приват-доцентом кафедры философии Санкт-Петербургского Императорского Университета.

Между тем, в 1908 г. Семён Людвигович также женился — на своей курсистке, которая была младше его на 9 лет, Татьяне Сергеевне Барцевой (1886–1984). И так же, как и брат, он выбрал в невесты православную девушку. Хотя ни Михаил, ни Семён к моменту женитьбы не были правоверными иудеями, однако формальная «приписка» к вероисповеданию играла в тогдашней России большую роль. Михаил решил эту проблему путём крещения. Семён — в силу, возможно, более глубокой философской рефлексии и философского осмысления проблем религии и веры, которое как раз в этот период принимало в его работах метафизическое направление, — ещё не был готов к принятию православия (это произошло, как уже сказано, четыре года спустя). Сыграло роль, очевидно, и нежелание огорчать мать, учитывая как раз опыт Михаила в этом отношении. Об этом свидетельствует Лев Зак, вспоминая о первом разговоре Семёна с матерью о женитьбе:

«Нужно сказать, что Сене было нелегко сделать матери это признание, потому что он знал, как огорчила родителей женитьба брата Миши тоже на православной и его переход в христианство. Наши родители не были верующими евреями, но нужно быть знакомым с положением евреев в России того времени и с ролью православной церкви, которую она играла в правительственном антисемитизме, равно как и с древними корнями еврейской психологии, чтобы понять тот удар, который наносил еврейским родителям сын, женившийся не на еврейке. Сеня нашел способ смягчить удар, сказавши, что его невеста Таня Барцева согласна перейти

³¹ Франк С. А. Предсмертное. Воспоминания и мысли. С. 113.

ти в протестантскую веру и что, таким образом, для того, чтобы жениться на ней, ему не нужно будет принимать христианство»³².

Действительно, Татьяна Сергеевна формально приняла лютеранство, и они венчались в Евангелически-лютеранской кирхе святой Марии в Саратове 22 июня 1908 года. В результате Розалия Моисеевна достаточно тепло приняла новую невестку. К сожалению, это знакомство было недолгим — Розалия Моисеевна Франк умерла вначале 1909 г. в Москве³³.

А перед этим было знакомство Татьяны с Михаилом — осенью 1908 года (по словам Татьяны Сергеевны, после свадебного путешествия она уезжала на несколько недель к родителям в Саратов, и только в середине октября приехала в Петербург). Упоминание об этом знакомстве превратилось в её воспоминаниях в выражение всех её чувств, которые она испытывала к брату своего мужа:

«В Петербурге познакомилась с братом Семёнушки, милым, милым Мишей, который сейчас же написал своей матери в Москву, “какая у Сени девочка жена”, мы с ним подружились и особенно сошлись, когда он приезжал после революции к нам два или три раза за границу, всегда больной. Недавно узнала через Виктора, а он непосредственно от его сына Ильи, что он умер, будучи эвакуирован из Петербурга в Казань, собственно от истощения; диа-

³² Воспоминания Льва Васильевича Зака о Семене Людвиговиче Франке, его брате. С. 441.

³³ В декабре ее положили в частную клинику; из Петербурга приехали Софья и Михаил, а Семён Людвигович, как вспоминала Татьяна Сергеевна, «совершенно не отдавал себе отчета в серьезности положения матери и медлил с отъездом, пока его не вызвали спешно в Москву» (Воспоминания Татьяны Сергеевны Франк // Франк С. Л. Саратовский текст / сост. А. А. Гапоненков, Е. П. Никитина. Саратов, 2006. С. 208). Была сделана операция, однако это не помогло, и 8 января 1909 г. она скончалась (точная дата смерти установлена по записи С. Л. Франка в его ежедневнике за 1945 год под 21-м января: «День смерти мамы в 1909 году — 36 лет тому назад»). Ей не исполнилось и 53 лет. Она была похоронена, как и её родители, на Дорогомиловском еврейском кладбище в Москве. Семён Людвигович в эмиграции мечтал: «Мне хотелось бы, чтобы мои дети, если им суждено вернуться в Россию, навести эти могилы» (Франк С. Л. Предсмертное. Воспоминания и мысли. С. 108). Однако кладбище было уничтожено в 1948 г. По воспоминаниям Александра Ильича Франка, примерно в это время родители водили его — шестилетнего мальчика — в старый парк на берегу Москва-реки. «Мне кажется, что в связи с этим местом отец говорил что-то о могиле своей бабушки. (...) Вскоре на этом месте выросли дома» (Франк А. И. Илья Михайлович Франк. С. 881).

гноз был поставлен — туберкулез. С этого момента я приняла его в сердце, как совсем своего и молюсь о нем всегда. Там ему хорошо, он принадлежал в жизни к типу тех неверующих людей, которые, не помянуя все и имени Господа, собственно (хотя и не активно) жили заповедями Его. Он, несомненно, включен Господом в “блаженни чистые сердцем, ибо они Бога узрят”. Семёнушка и Миша были совсем разные по своей природе, Семёнушка с малых лет или, вернее, был рожден как бы с Богом в душе, это чувство его никогда не оставало (...), а Миша был чужд всякой метафизики и философии»³⁴.

Здесь нужно пояснить, что эти воспоминания были написаны Татьяной Сергеевной в конце 1950-х годов; известие о смерти Михаила Семён Людвигович получил ещё в начале 1946 года (о чём далее), здесь же речь идёт о подробностях его смерти, которые, очевидно, рассказал Виктору Семёновичу Илья Михайлович Франк во время их встречи в августе 1958 года (о чём тоже далее), и которые так впечатлили Татьяну Сергеевну — ведь они с мужем в годы войны также находились на грани истощения.

Своеобразным «местом встречи» двух братьев в петербургские годы стал журнал «Русская мысль». С конца 1906 г. этот популярный «толстый» журнал редактировал П. Б. Струве (сначала с А. А. Кизеветтером, позже самостоятельно), и он сразу привлёк в состав ближайших сотрудников, а потом и в редколлегия С. Л. Франка. В результате за десять лет Семён Людвигович опубликовал в журнале десятки статей и рецензий, а также, по поручению редактора, читал рукописи философского и научного содержания, а потом и беллетристику. Но среди авторов журнала был и Михаил Людвигович — хотя, конечно, его участие в этом «непрофильном» для него издании было гораздо скромнее, к тому же оно продолжалось всего чуть больше года. Всего было опубликовано 4 небольших статьи и 7 рецензий³⁵. Эти публикации интерес-

³⁴ Воспоминания Татьяны Сергеевны Франк. С. 207.

³⁵ Приведём их список в порядке публикации:

Франк М. А. Итоги современного воздухоплавания // Русская мысль. 1910. Кн. XI. Отд. 2. С. 88–103.

Франк М. А. Германия в деле воздухоплавания // Русская мысль. 1910. Кн. XII. Отд. 2. С. 200–203.

Франк М. Современные авиаторы // Русская мысль. 1911. Кн. I. Отд. 2. С. 228–230.

ны тем, что они отражают ещё незавершённые поиски Михаилом Людвиговичем своего основного научного направления — в частности, здесь представлено его увлечение историей воздухоплавания, которое тогда же реализовалось в двухтомной монографии. Кстати, в «Русской мысли» появилась и рецензия на первый том этой монографии, написанная В. И. Вернадским³⁶. Однако в дальнейшем это увлечение не получило развития. Как заметил И. М. Франк, «механика, несмотря на мюнхенский диплом, не оказалась его призванием. Его интересовала математика»³⁷.

Франк М. [Рец. на:] Гурса Э. Курс математического анализа. Т. I. Пер. с франц. Под ред. Б. К. Млодзеевского. М., 1911. 630 с. // Русская мысль. 1911. Кн. I. Критическое обозрение. С. 19.

Франк М. [Рец. на:] Кузнецов П. А. Обучение летанию на аэроплане. Одесса, 1911. // Русская мысль. 1911. Кн. I. Критическое обозрение. С. 20.

Франк М. Воздухоплавательные состязания // Русская мысль. 1911. Кн. II. Отд. 2. С. 257–259.

Франк М. [Рец. на:] Энгельмейер П. К. Творческая личность и среда в области технических изобретений. СПб.: Кн-во «Образование», 1911. 116 с. // Русская мысль. 1911. Кн. III. Критическое обозрение. С. 106–107.

Франк М. [Рец. на:] Энгельмейер П. К. Руководство к привилегированию изобретений. СПб.: Кн-во «Образование», 1911. 111 с. // Русская мысль. 1911. Кн. III. Критическое обозрение. С. 109.

Франк М. [Рец. на:] Адлер А. Теория геометрических построений. Под ред. С. О. Шатуновского. Одесса: Изд. «Mathesis», 1910. // Русская мысль. 1911. Кн. XII. Критическое обозрение. С. 463–464.

Франк М. [Рец. на:] Платонов Н. Практические занятия по начальной астрономии (космографии). М., 1911. 235 с. // Русская мысль. 1911. Кн. XII. Критическое обозрение. С. 464–465.

Франк М. [Рец. на:] Кемпбелл В. Наглядная геометрия. Пер. с англ. Изд. 2-е. Под ред. И. Горбунова-Посадова. М., 1910. // Русская мысль. 1911. Кн. XII. Критическое обозрение. С. 466.

³⁶ Вернадский В. И. [Рец. на:] Франк М. История воздухоплавания. Ч. I. СПб.: Воздухоплавание, 1910. VII, 216 с. // Русская мысль. 1912. Кн. VII. Критическое обозрение. С. 268–269.

³⁷ Франк И. М. Михаил Людвигович Франк. С. 271. Сохранилось письмо М. А. Франка к П. Б. Струве как редактору «Русской мысли» от 9 октября — год не указан, но по контексту можно датировать 1911-м. Сообщая о пересылке очередной порции рецензий (очевидно, это были рецензии на книги А. Адлера, Н. Платонова и В. Кемпбелла, вышедшие в декабрьской книжке журнала — см. примеч. 35) и выражая готовность охотно прорецензировать книги по математике и технике, он в то же время извинялся, что не использовал два немецких издания, присланных ему из редакции, и пояснял причину — «так как пришел к убеждению, что для читателей “Р. М.” не может быть интересен фактический материал из области воздухоплавания, тем более, что сейчас вообще упал интерес к воздухоплаванию» (Архив РАН. Ф. 518. Архив академика В. И. Вернадского. Оп. 3. Ед. хр. 2104).

Значимыми событиями в научной биографии М. Л. Франка стали доклад на I-м Всероссийском съезде преподавателей математики (декабрь 1911 — январь 1912 г.), а также статья 1912 г. с поправками к теории относительности А. Эйнштейна. На съезде М. Л. Франка энергично поддержал известный голландский физик Пауль Эренфест, работавший тогда в России; предполагается, что мнение Эйнштейна о статье Франка также стало известно через Эренфеста³⁸. М. Л. Франк был дружен с П. С. Эренфестом, высоко ценившим его как человека, и его женой Татьяной Алексеевной Афанасьевой-Эренфест, которая, после отъезда в Голландию в 1912 г., с 1926 по 1933 год приезжала работать в СССР, в том числе в 1927–1928 гг. работала в Педагогическом институте в Симферополе (куда попала, кстати, по приглашению М. Л. Франка, о чём далее). Эти научные и личные связи Михаила Людвиговича получили самостоятельное развитие в судьбе Семёна Людвиговича. Очевидно, именно благодаря брату он познакомился с Паулем Эренфестом, а через него позднее — с А. Эйнштейном. Эренфест в одном из своих писем к А. Эйнштейну от 13 февраля 1928 г. по поводу желания Франка устроиться библиотекарем при Лиге Наций в Женеве писал следующее: «Я познакомился с Франком около 20 лет назад (через его брата — математика)»³⁹. В одно лето, скорее всего в 1911 г., семьи С. Л. Франка и П. Эренфеста отдыхали рядом в поселке Каннука под Силламяге — об этом Эренфест вспоминал в письме к С. Л. Франку 11 октября 1927 г.⁴⁰, а гораздо позже, уже в 1958 г., Т. А. Афанасьева-Эренфест писала Виктору Семёновичу Франку: «я знала тебя еще с тех пор, когда мы рядом жили на даче в Кануке»⁴¹.

А. Эйнштейн входил в комиссию Лиги Наций по помощи русским учёным в Германии, и уже 28 августа 1924 г. сообщал Т. Афанасьевой-Эренфест о финансовой поддержке Русского научно-го института в Берлине⁴². В результате у С. Л. Франка с А. Эйнштейном завязалась переписка (1924–1930 гг.), которая, правда,

³⁸ См.: Там же. С. 276–280.

³⁹ Цит. по: Цыганков А. С., Оболевич Т. Голландский эпизод в философской биографии С. Л. Франка (новые материалы). М., 2020. С. 15, прим.

⁴⁰ См.: Там же. С. 301.

⁴¹ Франк Вик. С. — Франк Т. С. 26 февраля 1958 // ВА. S. L. Frank Papers. Box 7. Frank, Viktor Semenovich.

⁴² См.: Цыганков А. С., Оболевич Т. Голландский эпизод в философской биографии С. Л. Франка (новые материалы) С. 16.

касалась не столько научных или философских вопросов, сколько обсуждения и оценки советского политического режима⁴³. Уже во время Второй мировой войны С. Л. Франк задумал работу по «Философии творчества», в которой собирался проанализировать новейшие открытия естествознания, в том числе — дать «философскую критику теории относительности» Эйнштейна как «попытки без остатка свести физику к геометрии»⁴⁴. К сожалению, реализовать свой замысел он не успел, но можно, тем не менее, сказать, что теорией относительности предметно интересовались оба брата — и математик, и философ... Что же до Пауля Эренфеста, то Павел Сигизмундович — как его называли в России — давал приют С. Л. Франку во время его первой лекционной поездки в Голландию в феврале 1930 г. и выручал философа и его семью денежным займом в 1931 г. Трагическая гибель П. Эренфеста в 1933 г. не разорвала эту семейную дружбу. Забегая вперёд, отметим, что связь с Эренфестами в эмиграции предполагала обмен информацией об оставшихся в Советской России — так, 3 августа 1935 г. Франк в письме к сестре выражал беспокойство, что он не имеет никаких вестей от брата, так же, как и «его приятельница г-жа Эренфест в Голландии»⁴⁵. Татьяна Сергеевна и Татьяна Алексеевна обменивались письмами до начала 1960-х годов.

В предвоенные и предреволюционные годы жизнь семейств Михаила Людвиговича и Семёна Людвиговича в целом наладилась. Михаил Франк в 1912–1913 гг. сдал экстерном государственные экзамены в Юрьевском университете и в декабре 1913 г. получил диплом 1-й степени. Это позволило ему, наконец, получить доступ к преподаванию в высшей школе — с 1 января 1914 г. он начал работать в Санкт-Петербургском политехническом институте на кафедре проф. И. В. Мещерского. Елизавета Михайловна окончила Рождественские курсы медицинских сестер и Женский Ме-

⁴³ См.: *Оболевич Т., Цыганков А. С.* Свидетели «великого перелома»: переписка С. Л. Франка и А. Эйнштейна // Вопросы философии. 2018. № 11. С. 111–116; *Переписка С. Л. Франка и А. Эйнштейна / Публ. писем С. Л. Франка — Т. Оболевич и А. Цыганков.* Публ. писем А. Эйнштейна — В. Хазана и В. Янцена. Пер. с нем. писем С. Франка — А. Цыганкова, пер. с нем. писем А. Эйнштейна — В. Янцена. Предисл. и комм. Т. Оболевич и А. Цыганкова // Вопросы философии. 2018. № 11. С. 117–141.

⁴⁴ *Франк С. Л.* Мысли в страшные дни // Франк С. Л. Непрочитанное... Статьи, письма, воспоминания. С. 360.

⁴⁵ Архив Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына (далее: Архив ДРЗ). Ф. 4. Оп. 3. Ед. хр. 5. Л. 4.

дицинский институт в 1913 г. Семён Франк, как уже было упомянуто, с 1912 г. начал работать приват-доцентом кафедры философии в университете. С мая 1913 по август 1914 г. Семён Людвигович вновь был в Германии — на этот раз в научной командировке по подготовке магистерской диссертации.



Именно к этому времени относится, видимо, единственный сохранившийся документ переписки между двумя семьями, направленный, так сказать, «в обратную сторону» — т. е., от Семёна Франка Михаилу Франку. Точнее, этот документ написан рукой Татьяны Сергеевны Франк. Это фотокарточка, изготовленная как почтовая открытка, однако адресов на ней нет — очевидно, она была вложена в конверт с письмом. На фото запечатлены Семён Людвигович и Татьяна Сергеевна на балконе дома, а подпись гласит:

«Милые Франки, шлем Вам свой привет. Как Вам нравится наш домик и мы? Детишки гуляли, а потому и не сняты! Как экзамены

Елизавета Михайл<овна>? Что мальчики? Спасибо за память о моей дочушке! Ребятки здоровы! Напишите что-нибудь о себе»⁴⁶.

Такая же фотооткрытка, сохранившаяся в архиве внука Семёна Людвиговича Франка — отца Петра Скорера, — позволяет установить, что на фото — дом 53 по Clemensstraße в Мюнхене, где Семён Людвигович с семьёй жил в 1913–1914 гг. Упомянутые экзамены Елизаветы Михайловны — очевидно, выпускные экзамены в Женском Медицинском институте. «Детишки» — это дети Семёна Людвиговича и Татьяны Сергеевны Виктор (ему было уже 4 года), Алексей (3 года) и Наталья, которой 2 ноября 1913 г. исполнился год — очевидно, Татьяна Сергеевна как раз благодарила за поздравление с этим днём рождения «моей дочушки», что позволяет нам датировать эту открытку началом ноября 1913 года.

Семья Михаила Людвиговича жила в эти годы в Санкт-Петербурге (Петрограде) по адресу ул. Лицейская, 11 (ныне — ул. Рентгена). Об этой квартире и об общении с семьёй брата отца вспоминал Илья Михайлович Франк:

«Я легко мог бы и теперь нарисовать план нашей квартиры. Как я понимаю, она была очень скромной — с печным отоплением, керосиновым освещением (уже на моей памяти провели электричество). Всего же комнат было пять: кабинет отца, столовая, спальня родителей, детская и комната бабушки. Была еще каморка около кухни, где могла жить прислуга. (...) Каникулы семья проводила на даче, обычно где-нибудь не очень далеко от Петербурга, главным образом в Финляндии. Что касается родственных связей, они не были очень тесными. Все же мы бывали в гостях у моего дяди Семена Людвиговича Франка, у которого были два сына, Витя и Алеша. Старший из них, Витя, был немного моложе меня⁴⁷. Иногда они бывали у нас. Вероятно, папа виделся с братом чаще, но я об этом не знаю. (...) Для нас с Глебом связи с Семеном Людвиговичем, Софьей Людвиговной и с их семьями оборвались после 1917 г., и о них сохранились только смутные воспоминания. Видимо, никого из тех, кого я упомянул, уже нет в живых»⁴⁸.

⁴⁶ Личный архив А. И. Франка.

⁴⁷ Илья Михайлович Франк родился 10 (23) октября 1908 г., а Виктор Семёнович Франк — 31 марта (13 апреля) 1909 г.

⁴⁸ Франк А. И. Илья Михайлович Франк. С. 884, 886.

Отметим, впрочем, что в квартире Михаила Людвиговича, как и в квартире Семёна Людвиговича, который в 1914–1917 гг. жил по адресу ул. Съезжинская, 12 — тоже на Петроградской стороне — в эти годы уже были телефоны⁴⁹. Понятно, что Семён и Михаил вполне могли видаться чаще хотя бы потому, что Семён Людвигович с осени 1914 г. до 1917 г. также преподавал (по совместительству) в Политехническом институте, где работал Михаил Людвигович.

Жизненные дороги двух семей расходятся в 1917 году. Летом Е. М. Франк по совету врачей едет с обоими сыновьями в Крым для лечения. Осенью она уже не решилась возвращаться в Петроград. Летом 1918 г. из Петрограда не без трудностей в Крым добрался и Михаил Людвигович, испросив отпуск в Политехе; туда же приехали брат Елизаветы Михайловны Павел Михайлович и ее мама Ольга Сергеевна. Так начался крымский период жизни Михаила Людвиговича, продолжавшийся до лета 1930 г. Между тем, Семён Людвигович Франк был назначен деканом нового историко-филологического факультета Саратовского университета, и в сентябре 1917 г. вместе с семьёй уехал в Саратов. Через четыре года, пережив в Саратове и близлежащих городках революционную разруху, голод и трагические события гражданской войны, Семён Людвигович осенью 1921 г. переехал в Москву, где работал профессором Московского Университета, активно участвовал в работе созданной Н. А. Бердяевым Вольной академии духовной культуры, а также Государственной академии художественных наук. Однако, согласно постановлению ЦК ВКП (б) от 10 августа 1922 г., С. Л. Франк, как «философ-идеалист», «противник реформы высшей школы», «правый кадет», способный «принять участие в церковной контрреволюции»⁵⁰, был выслан из страны — 29 сентября 1922 года на пароходе «Oberbürgermeister Naken» он с семьёй навсегда покинул Россию, вместе с другими изгнанниками отправившись в вынужденную эмиграцию.

За границей оказались также и сестра, и сводный брат Михаила Людвиговича. Софья Животовская с мужем покинули Россию ещё

⁴⁹ Весь Петроград. Адресная и справочная книга г. Петрограда. На 1916 гг. Пг., 1916. С. 718.

⁵⁰ Постановление Политбюро ЦК РКП (б) об утверждении списков высылаемых деятелей интеллигенции 10.08.1922 [Электронный ресурс] // Архив Александра Н. Яковлева. — Режим доступа: <http://www.alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-doc/56068>.

перед революцией и поселились в Париже. Лев Зак в 1917 г. переехал в Петроград, где женился, потом жил в Николаеве и в Крыму. По воспоминаниям Татьяны Сергеевны Франк, он выехал из Крыма после страшного погрома, когда чудом его семья избежала смерти⁵¹, — в апреле 1920 г. они эвакуировались в Константинополь, затем жили в Италии, в 1922–1923 гг. — в Берлине (он встречал пароход с семьёй С. Л. Франка в Штеттине), с конца 1923 г. — тоже в Париже.

Весь охваченный публикуемыми письмами период — с октября 1922 по декабрь 1937 г. — С. Л. Франк с семьёй жил в Берлине. Он активно участвовал (вместе с Н. А. Бердяевым) в создании и работе Религиозно-философской академии, а также Русского научного института; работал с молодежью в кружках Русского студенческого христианского движения, много ездил с лекциями, как в Германии, так и в других странах. В 1926 году он дважды — в феврале и октябре — ноябре — ездил в Париж читать лекции в Православном богословском институте; естественно, при этом часто бывал у сестры Софьи и брата Льва Зака, и, конечно, никак не мог предположить, что эти встречи с сестрой будут последними в жизни. В 1930–1933 гг. он преподавал в Славянском институте Берлинского университета, однако с приходом к власти нацистов лишился постоянной работы. Это значительно ухудшило и без того далеко не стабильное материальное положение семьи. Кроме того, находиться еврею в нацистской Германии было с каждым годом всё опаснее, однако возможностей куда-либо выехать практически не было, — наконец, после того, как в конце 1937 г. Франка вызывали в гестапо, он уехал в Швейцарию, где жил его друг, известный психолог и психиатр Людвиг Бинсвангер, и больше в Германию не возвращался.

В 1938–1945 гг. С. Л. Франк жил во Франции — в Париже, в средиземноморских местечках Ла-Фавьер и Ле Лаванду, а время немецкой оккупации он с женой пережил в преальпийских посёлках в районе Гренобля. После окончания Второй мировой войны философ переехал в Лондон, где жили его дети. Умер Семён Людвигович Франк от рака легких в декабре 1950 г.

Михаилу Людвиговичу Франку после революции пришлось начинать фактически новую жизнь в Крыму. Помог инженерный диплом — он был принят на работу в Алушке в Управ-

⁵¹ Воспоминания Татьяны Сергеевны Франк. С. 190–191.

ление работ по изысканиям и составлению проекта орошения голодной степи. Управление вскоре закрылось, но осенью 1918 открылся Таврический университет, куда в январе 1919 г. М. Л. Франк был приглашен ассистентом кафедры анализа под руководством Н. М. Крылова. С первых дней он принимал активное участие в организации работы математического кабинета, в том числе — в наполнении его наглядными пособиями, которые изготавливались силами студентов под его руководством⁵². В апреле 1919 г. по инициативе Н. М. Крылова и М. Л. Франка было организовано Математическое общество, в котором Михаил Людвигович был частым докладчиком⁵³. В 1923 г. М. Л. Франк избирается профессором, затем заведует физико-математическим отделением института⁵⁴, а в 1927–1929 гг. работает заместителем ректора по учебной части — именно в этом качестве он настойчиво приглашал в Крым Т. А. Афанасьеву-Эренфест, которая, очень тоскуя по России, в течение ряда лет ездила из Голландии работать в Москву и другие города⁵⁵. На 1-м Всероссийском съезде математиков в Москве (1927 г.) М. Л. Франк — автор двух до-

⁵² См.: Банникова Л. П. Физико-математический факультет Таврического университета (1918–1930). Симферополь, 2014. С. 28–32.

⁵³ См.: Там же. С. 36–39. «Кандидат математических наук, инженер-механик, ассистент и приват-доцент Таврического университета» М. Л. Франк был записан в составе членов-учредителей общества.

⁵⁴ В 1925 г. Крымский (Таврический) университет был преобразован в Педагогический институт.

⁵⁵ Об этом С. Л. Франку писал П. Эренфест 11 октября 1927 г.: «Татьяна Алексеевна сейчас, поначалу только пробно, перешла на пару месяцев в педагогический институт в Симферополе, потому что ваш брат, как декан факультета, настойчиво ее приглашал. Однако по-прежнему она остается в штате во втором Московском университете». А в следующем письме от 11 ноября 1927 г. писал уже более подробно: «Сейчас я получаю письма от моей жены из Симферополя, и она постоянно пишет с особенной теплотой о полной жертвенности и плодотворности той манеры, в которой работает ваш брат. Из того, как она обо всем пишет, у меня складывается впечатление, что она решила остаться в Симферополе и дальше, а не только пробно. Она рассказывает, что студенты работают в чрезмерно тяжелых экономических условиях и часть из них с довольно плохой подготовкой (но она становится все лучше), однако при этом значительная часть работает с большим энтузиазмом» (Цыганков А. С., Оболевич Т. Голландский эпизод в философской биографии С. Л. Франка (новые материалы) С. 301, 306–307). Таким образом, как уже было отмечено, дополнительным каналом информации об оставшемся в Советской России брате для Семёна Франка была семья знаменитого лейденского физика.

кладов. На Международном конгрессе математиков в Болонье в 1928 г. был одним из советских делегатов. Елизавета Михайловна с 1921 г. работала в Алушке в детском туберкулезном санатории им. проф. Боброва.

С осени 1930 г. М. Л. Франк приступил к работе в Ленинграде профессором Физико-механического института (который выделился из Политехнического института, а в 1935-м снова слился с Политехническим — тогда Индустриальным). В 1931 г. Франку была выделена квартира в профессорском доме Политехнического института, после чего из Крыма приехала и жена. «Именно в этот период он не просто работает, но пишет свои основные книги по математике»⁵⁶. В 1937 г. он был утверждён в степени кандидата физико-математических наук без защиты диссертации.

В августе 1941 г. с эшелоном Физико-технического института (одним из последних эшелонов из Ленинграда) М. Л. Франк и Е. М. Франк эвакуируются в Казань. Туда же были эвакуированы со своими институтами их сыновья Глеб и Илья. Здесь в августе 1941 г. родился Александр Ильич Франк — внук Михаила Людвиговича. Однако этот город оказался последним земным пристанищем для его деда. «Зима 1941–1942 гг. была очень тяжелой: морозы стояли исключительно сильные, дров не хватало. С продовольствием также было очень трудно, несмотря на то, что Математический институт АН СССР зачислил М. Л. Франка на работу. К весне 1942 г. он оказался сильно ослабленным, и началось резкое обострение туберкулеза, которым он страдал много лет»⁵⁷. «Мы дежурили у его постели через ночь: ночь — я, ночь — Глеб. А отец как-то запомнил именно Глеба. Когда ему было совсем плохо (я обычно лежал рядом с его постелью на полу), он стонал: “Глебик!” Подходил я»⁵⁸. 9 сентября 1942 г. М. Л. Франк скончался. Он похоронен на Арском кладбище Казани.

⁵⁶ Франк И. М. Михаил Людвигович Франк. С. 274.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Франк А. И. История одной семьи // Природа. 2008. № 9. С. 30. Анна Глебовна Франк сохранила детские воспоминания об этом времени: «Я хорошо помню моего дедушку, Михаила Людвиговича, в Казани, в первый год войны, 1941–42 г., когда мне было 5 лет. Я часто и подолгу оставалась одна, родители очень много работали, мама на заводе, смена по 11 часов. Хотя бабушка уже была тяжело болен, а бабушка лежала со сломанной ногой, дедушка часто приходил ко мне, читал книжки, рассказывал разные истории. Он подарил мне шапки, купленные на базаре и выкрашенные в красный и черный цвета, в качестве

Семён Людвигович после высылки никогда не возвращался в Россию, а вот Михаилу Людвиговичу дважды удалось выезжать за границу. Первый раз — в 1926 г. с целью, прежде всего лечения, — при этом он побывал как в Берлине, так и в Париже, и встречался с братьями и сестрой. Подготовка к этой поездке и сама поездка нашли отражение в публикуемой переписке. Можно предположить, что в этот раз М. А. Франк заезжал к брату в Берлин дважды — в начале и в завершении своей поездки. Второй раз М. А. Франк был за границей в 1928 г. — он был участником Международного конгресса математиков в Болонье и работал в Гёттенгене. Открытка от 17 сентября 1928 г. свидетельствует о его пребывании в Париже, а воспоминания Василия Франка говорят о том, что в эту поездку он побывал и у Семёна Людвиговича в местечке Ребрюке под Потсдамом, где Франки жили этим летом (см. примеч. 3 к письму № 8). Это были последние встречи Михаила Людвиговича со своей сестрой и двумя братьями.

Наиболее информативны в публикуемой подборке письма Михаила Людвиговича крымского периода. Они дают возможность в деталях представить условия его жизни и работы в 1920-е и начале 1930-х годов, уточнить направления его научных поисков, проследить первые шаги взросления, а также и начальные этапы самостоятельной жизни сыновей Глеба и Ильи. В письмах можно почувствовать атмосферу становления науки и высшей школы в Советском Союзе, а также общий фон советской жизни тех лет. Причём, явное отличие состава переписки в 20-е и в 30-е годы вполне можно отнести не только к каким-то личным и семейным обстоятельствам, но к этому самому общему фону — а именно, существенному усилению идеологического контроля и усложнению контактов с заграницей в 30-е годы.

Как уже сказано, письма Семёна Людвиговича (и Льва Васильевича) к Михаилу Людвиговичу не сохранились — возможно, они пропали в период эвакуации, возможно — были уничтожены по соображениям безопасности. О посланиях брата упоминает в своих письмах Михаил Людвигович; есть и другие свидетель-

доски сам расчертил на квадраты лист бумаги, и черные поля аккуратнейшим образом заштриховал. В Казани дедушка научил меня играть в шашки. Михаил Людвигович остался в моей памяти как исключительно добрый и ласковый человек» (из личного письма А. Г. Франк Г. Е. Аляеву).

ства — так, Семён Людвигович в письме к жене из Парижа 28 октября 1926 г. писал:

«Сегодня читал лекцию, вернулся, поспал после завтрака, взял ванну, написал большое письмо Мише, почитал и посидел вечером с Соней, и теперь перед сном тебе пишу»⁵⁹.

А в письме от 11 августа 1927 г. сообщал: «Вчера написал Мише и Леве»⁶⁰. Скорее всего, писем (в том числе, возможно, и от Татьяны Сергеевны) было больше, чем мы имеем подобных упоминаний. Можно предположить, что сохранились и не все письма Михаила Людвиговича. Обратим, впрочем, внимание, что последняя сохранившаяся открытка в Берлин датирована январём 1933 г. — вполне возможно, что М. Л. Франк опасался писать брату в Германию после прихода к власти нацистов, и поддерживал связь только с Парижем. Правда, в цитируемом далее письме к Л. Бинсвангеру С. Л. Франк упоминает, что «последнее сообщение от него я получал в 1937 г.», — но, скорее всего, речь идёт о публикуемых далее письмах М. Л. Франка к Льву Заку, которые тот, в свою очередь, пересылал С. Л. Франку в Берлин. Впрочем, и с Парижем связь была далеко не регулярной. В сохранившемся отрывке письма от 2 октября 1929 г. Лев Зак писал Семёну Франку:

«Соня тоже, Бог знает, сколько времени, не получала от него известий. Было ли у вас что-нибудь от него и когда? Правда, я ему очень долго тоже не писал, но теперь сравнительно недавно написал два письма, одно в Симферополь, другое в Алупку, и тоже не имею никакого ответа. Хорошо бы написать Глебу, но я потерял его...».

Понятно, что речь идёт о Михаиле Людвиговиче и, возможно, об утерянном адресе Глеба Михайловича. В качестве приложения мы публикуем письмо Л. Зака к С. Л. Франку, написанное после получения известия о смерти Михаила Франка, — оно поясняет некоторые личные обстоятельства этой крайне нерегулярной переписки в 30-е годы. Это письмо, в частности, поясняет, почему в последней открытке, написанной в сентябре

⁵⁹ Архив ДРЗ. Ф. 4. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 26.

⁶⁰ Там же. Ед. хр. 5. Л. 2.

1937 г., Михаил Людвигович выражает надежду на выздоровление сестры Софьи, в то время как она уже умерла три месяца назад. Оказывается, Лев Васильевич не решился сразу написать о её смерти, и писал о болезни, как будто она ещё была жива (отметим, что в Берлин Лев Зак сообщил о смерти сестры сразу же), и только после получения сентябрьской открытки от брата Михаила решился сказать правду. Ответа он уже не получил. Правда, в 1943 г. Семён Франк писал Нине Александровне Струве, что не имеет «вестей от моего брата Мих<аила> после 1937 года, когда имел от него открытку после смерти нашей сестры»⁶¹, — однако, скорее всего, он тут вспомнил о той же самой открытке от сентября 1937 г.

С началом Второй мировой войны — во всяком случае, после оккупации Франции в 1940 г., — связь вообще стала невозможной. Семён Людвигович и Татьяна Сергеевна, сами уже почти отрезанные от внешнего мира, глубоко переживали за своих родных, оставшихся в Советском Союзе. В дни начала ленинградской блокады Татьяна Франк писала своему сыну Виктору в Лондон:

«Город, в котором ты родился, сейчас переживает решающие дни, и что-то будет, когда ты получишь это письмо. Тетя Маруся⁶², дядя Миша, конечно, волнуют нас страшно. Переживаем с папой все сильно»⁶³.

В результате получилось так, что о смерти своего брата Семён Людвигович узнал только после окончания войны. Попытки восстановить связь начал предпринимать Лев Зак уже летом 1945 г. Татьяна Сергеевна писала сыну Виктору 18 июля 1945 г.:

«Лева писал, что он послал телеграмму Мише в Петербург, в Политехникум — и получил ответ, что адресат не найден — он пошел в Сов<етское> посольство и узнал, что Политехникум был в 43 году переведен в Казань, и что некоторые отделения еще не вернулись. Он телеграфирует в Казань. Будем надеяться, что Миша

⁶¹ С. Л. Франк — Н. А. Струве. 21 март. 1943 // Hoover Institute Archive. Petr Bergardovich Struve papers. Box 6. Folder 1.

⁶² Очевидно, Мария Сергеевна Барцева-Павловская, младшая сестра Татьяны Сергеевны.

⁶³ Франк Т. С. — Франку Вик. С. 5 сент. 1941 // BA. S. L. Frank Papers. Box 5.

жив, — хорошо, что во время осады не был там. Очень радуемся за Илью, вероятно, он действительно хороший ученый»⁶⁴.

Не совсем ясно, какие именно сведения об Илье Михайловиче и откуда были получены⁶⁵. В декабре 1945 г. Лев Васильевич также обращался с просьбой (через посредника) к Василию Эмильевичу Сеземану, когда узнал, что тот бывает в Москве, «разыскать Мишу или Глеба и Ильюшу»⁶⁶. Оказавшись, наконец, осенью 1945 г. в безопасности в Лондоне, и Семён Людвигович также предпринял попытки восстановить связь с братом. Как же тяжело было ему узнать, что брата уже более трёх лет нет в живых... Об этом С. Л. Франк сообщил своим друзьям — Людвигу Бинсвангеру (8 января 1946 г.) и Василию Ельяшевичу (21 января):

«В эти дни у меня тяжелое переживание. После долгого промедления, не повредит ли запрос в Россию адресату, я все же решился спросить по телеграфу о судьбе моего брата (который до начала войны был профессором математики в Петербурге) — последнее сообщение от него я получал в 1937 г. Сейчас я получил ответ от моего племянника, что мой брат умер еще в 1942 г. после тяжелой болезни. Кроме боли от самого известия — я очень его любил, и он был человек выдающихся душевно-моральных качеств — испытываешь особенно ужасное чувство от открытия того, что близкий человек, о котором ты часто думал, мертв уже 3 ½ года. Теперь я пережил обоих моих брата и сестру, кроме одного значительно более младшего сводного брата — художника в Париже»⁶⁷.

«Под самый конец письма оставил самое главное и тяжкое событие моей жизни. После долгого ожидания, в ответ на наш запрос,

⁶⁴ Франк Т. С. — Франку Вик. С. 18 июля 1945 // Там же.

⁶⁵ Возможно, речь идёт о работе И. М. Франка и И. Е. Тамма по теоретическому объяснению эффекта Черенкова (эта работа, за которую в 1958 г. он получил Нобелевскую премию, была опубликована в 1937 г.). Возможно, стало известно о награждении И. М. Франка орденом «Знак Почёта» в июне 1945 г. в связи с празднованием юбилея Академии наук СССР.

⁶⁶ Об этом он сообщал в письме к С. Л. Франку 11 декабря 1945 г. (BA. S. L. Frank Papers. Box 8. Zak, Lev Vasil'evich & Nadezhda Aleksandrovna). Философ В. Э. Сеземан был хорошо знаком с С. Л. Франком ещё по совместной работе в Петербургском и Саратовском университетах; с 1923 г. он работал в Литве.

⁶⁷ S. FrankanL. Binswanger 08.01.1946 // UniversitätsarchivTübingen. 443/7, 466.

получена телеграмма от Мишиного сына: Миша скончался после долгой болезни, еще осенью 1942 г. Так жутко с таким опозданием узнать о смерти брата! Из нас, трех “*geschwister*”⁶⁸ (не считая Левы Зака), я пережил всех — сестра скончалась 62 лет, а Миша — 64. Подробностей еще не знаю; кажется он был эвакуирован (со всем Политех<ническим> институтом) в 1941 г. в Казань⁶⁹.

Франк не указывает, от какого «Мишиного сына» получил печальное известие, однако из письма Льва Зака от 6 января 1946 г., которое мы публикуем в качестве приложения, становится известным, что печальную весть принесла телеграмма от Глеба Михайловича. Именно его адрес мы находим также в записных книжках Франка конца 1940-х годов: «Франк Глеб. Москва 182, Шукинская 33, кв. 38»⁷⁰. Правда, о какой-то последующей переписке Семёна Людвиговича или Льва Васильевича с Глебом Михайловичем нам неизвестно.

Ещё раз подчеркнём, однако, что такая переписка или любые другие контакты — в послевоенное время не менее, если не более, чем в довоенное — была небезопасна для живущих в Советском Союзе (что, кстати, хорошо понимали за границей — об этом

⁶⁸ *Geschwister* — братья и сёстры (нем.).

⁶⁹ Переписка С. А. Франка с В. Б. Ельяшевичем и Ф. О. Ельяшевич (1922–1950) / Публикация и комментарии Г. Аляева и Т. Резвых // Исследования по истории русской мысли [12]: Ежегодник за 2015 год / Под ред. М. А. Колерова. М., 2016. С. 177.

⁷⁰ Эту квартиру в новом семиэтажном доме, построенном на самой окраине Москвы, рядом с деревней Шукино, на высоком песчаном берегу Москва-реки, Глеб Михайлович с семьёй получил в начале 1941 г., и сюда вернулся из эвакуации осенью 1943 г. Поблизости был расположен Центральный Институт эпидемиологии и микробиологии (ЦИЭМ), и его сотрудники составляли большую часть жителей дома. По свидетельству его дочери Анны Глебовны, в этом доме у своего старшего брата, известного иммунолога и вирусолога Льва Александровича Зильбера бывал Вениамин Каверин, и именно этот дом он описал в романе «Два капитана»: «(...) Нельзя сказать, чтобы этот пятиэтажный дом, одиноко торчавший на пустом берегу, имел особенно привлекательный вид. (...) Теперь до пригорода В. можно добраться в десять минут на метро, а тогда нужно было добрый час тащиться на трамвае. Теперь В. — та же Москва, а тогда это было скучное место, и наш неуклюжий одинокий дом, который так и хотелось огородить, выглядел очень странно рядом с дряхлыми дачами, украшенными столбиками, перильцами и резными петушками» (Каверин В. Два капитана. М., 2004. С. 291). В 1958 г. часть улицы была переименована с изменением нумерации, теперь это — Живописная ул., 52.

упоминает и Лев Зак в публикуемом письме). Тем более это было опасно, если учесть секретный характер научных работ, которыми занимались Глеб Михайлович и Илья Михайлович. Более того, в литературе высказывались предположения, что родственные связи с эмигрантами всё-таки сыграли неблагоприятную роль в судьбе Г. М. Франка:

«В 1947 г. Франк организует закрытый Институт биофизики Третьего управления Минздрава СССР. За работы, выполненные в этом институте, Франку была присуждена Сталинская премия. Однако в 1951 г. он был снят с поста директора института. Формальным поводом послужило нарушение техники безопасности, об истинных же причинах можно только догадываться. Я думаю, что это было связано с наличием в Англии уже упоминавшегося известного родственника философа С. Л. Франка. В 1950 г. в связи с его смертью в зарубежной прессе появилось много публикаций, в которых фигурировали имена и его родственников, оставшихся в СССР: покойного родного брата (отца Глеба и Ильи) и двух племянников, будущих академиков»⁷¹.

Тем не менее, уже во время первых поездок сыновей Михаила Людвиговича за границу, сын Семёна Людвиговича Виктор (он жил в эти годы в Мюнхене) предпринимал попытки встретиться с ними. Сохранилось письмо Виктора к матери, Татьяне Сергеевне, датированное 17 августа — год не указан, но по контексту устанавливается 1955-й. Виктор пишет:

«Завтра вероятно вылетаю на два-три дня в Женеву, чтобы попробовать повидаться с Глебом Франком, который принимает участие

⁷¹ *Иваницкий Г. Р.* Время расставляет акценты... К столетию со дня рождения академика Г. М. Франка // Вестник Российской Академии наук. 2004. Т. 74. № 4. С. 345. Анна Глебовна Франк так передаёт устные воспоминания своего отца об этом времени: «К 1952 г. тучи сгустились над Глебом Михайловичем, число доносов на него, которые писали “бдительные сотрудники” его Института, превысило критическую массу, и со дня на день можно было ждать ареста. В этот момент Г. М. Франк обратился за помощью к руководителю атомного проекта И. В. Курчатову. Игорь Васильевич потребовал от Берии, который тогда курировал атомный проект, чтобы не трогали Франка: “он мне нужен для работы, я знаю его с 1927 г. и ручаюсь за него”. В результате И. В. Курчатов спас жизнь Г. М. Франку, но, тем не менее, Г. М. Франк в 1952 г. был внезапно снят с поста директора созданного им Института» (из личного письма А. Г. Франк Г. Е. Аляеву).

в атомной конференции. Еду на казенный счет. Очень мечтаю, что мне удастся встретиться с ним с глазу на глаз — и притом так, чтобы его не скомпрометировать. Напишу сейчас же»⁷².

Упомянутая «атомная конференция» — это I Международная конференция по мирному использованию атомной энергии, состоявшаяся в Женеве под эгидой ООН 8–20 августа 1955 г. М. Франк выступал на ней с докладом «О ранних реакциях организма на облучение в зависимости от локализации воздействия». К сожалению, нам неизвестно, состоялась ли такая встреча, или нет. Отголоском этой, если не встречи, то поездки Виктора, скорее всего, является сохранившаяся в архиве С. Л. Франка вырезка из советского англоязычного журнала «News. A soviet review of world events» от 16 августа 1955 г. со статьей Глеба Франка «Tracer atoms in medicine»⁷³.

А три года спустя состоялась первая — после более чем 40-летней разлуки — встреча Ильи Михайловича Франка со своим двоюродным братом Виктором. И. М. Франк в составе советской делегации был на Всемирной выставке в Брюсселе, и 13 августа 1958 г. выступал там с докладом. Во время доклада он получил записку с просьбой о встрече, подписанную «твой брат Виктор». Нужно хотя бы немного знать характер советской государственной машины, чтобы, как пишет А. И. Франк, «представить себе всю сложность положения, в которое попал Илья Михайлович»⁷⁴. На все идеологические запреты и предубеждения в отношении Запада, и особенно русских эмигрантов, в данном случае накладывалось сразу два обстоятельства. С одной стороны — сверхсекретный характер научных исследований И. М. Франка, принимавшего непосредственное участие в работах по атомному проекту и возглавлявшего одну из лабораторий атомного ядра в Физическом институте Академии наук⁷⁵. С другой — Виктор Семёнович Франк к тому времени уже успел поработать заведующим русской секцией радио ВВС, а с 1953 г. работал на радио «Освобождение» (с 1959 г. — «Свобода») в Мюнхене, т. е. был, так сказать, «ру-

⁷² BA. S. L. Frank Papers. Box. 7. Frank, Viktor Semenovich.

⁷³ BA. S. L. Frank Papers. Box. 19.

⁷⁴ Франк А. И. Илья Михайлович Франк. С. 920.

⁷⁵ См.: Илья Михайлович Франк. Очерки и воспоминания. С. 13–18. Незадолго перед этим И. М. Франк также возглавил нейтронную лабораторию в только что открытом Объединенном институте ядерных исследований в Дубне.

пором антисоветской пропаганды». «Так или иначе, но встреча состоялась, но не наедине»⁷⁶, — пишет А. И. Франк, и легко догадаться, что «компанию» двоюродным братьям составлял Комитет государственной безопасности⁷⁷.

Очевидно, что подконтрольность возможных контактов вынуждала сдерживать родственные чувства, однако не могла их уничтожить. Когда стало известно, что Илье Михайловичу Франку присуждена Нобелевская премия, Татьяна Сергеевна делилась с сыном Виктором:

«Я решила, что напишу письмо Илье, когда он приедет в Стокгольм, поздравлю его, все же он сын Миши, которого я очень люблю и папин племянник»⁷⁸.

Только с 1990-х годов отношения между потомками Михаила Людвиговича и Семёна Людвиговича Франков получили новое развитие, но это уже — другая история.

Письма Михаила Людвиговича Франка печатаются по: Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture, Rare Book & Manuscript Library. Columbia University, New York. S. L. Frank Papers. Box 6. Frank, Mikhail Liudvigovich. Документы сопровождаются машинописным пояснением, подготовленным, очевидно, Татьяной Сергеевной Франк при передаче в архив в начале 1970-х годов: «Письма Михаила Людвиговича Франка, брата Семена Людвиговича. Проф. математики. Отец двух сыновей ученых Глеба и Ильи. Живут в Москве. Младший Илья получил с двумя другими учеными Нобелевскую премию. Михаил Людвигович скончался во время войны в 1944 или 45-м г. в Казани».

Выражаю благодарность Татьяне Николаевне Резвых и сестре Терезе Оболевич за предоставленные архивные материалы. Письма Михаила Людвиговича Франка печатаются с разрешения Александра Ильича Франка и Анны Глебовны Франк, которым также выражаю благодарность за консультации и советы.

⁷⁶ Франк А. И. Илья Михайлович Франк. С. 921.

⁷⁷ А. И. Франк также вспоминает о публикации в «Правде» интервью двух перебежчиков с радио «Свобода», в котором неоднократно упоминался Виктор Франк как «несомненный агент ЦРУ», — И. М. Франк по этому поводу сказал сыну: «Имей в виду, все это написано специально для нас с тобой» (Там же).

⁷⁸ Франк Т. С. — Франку Вас. С. 30 октября 1958 // ВА. S. L. Frank Papers. Box 5.

М. Л. ФРАНК. ПИСЬМА К С. Л. ФРАНКУ,
Т. С. ФРАНК И Л. В. ЗАКУ (1923–1937)

1. М. Л. Франк — С. Л. Франку. 8 авг. 1923 г.¹

8 Августа 1923

Дорогой Сеня! Твоему письму я чрезвычайно обрадовался и хотел было тотчас ответить, да как всегда — отложил на день-два, а там и недели прошли. Пишу все-таки по твоему летнему адресу², т. к. письма идут теперь не очень долго. Задерживал я ответ отчасти из-за того, что хотел тебе написать более определенно по вопросу о заграничной поездке, но увы — все еще ничего определенного написать не могу. Кроме визы, за которую тебе спасибо большое, затруднений и препятствий, как по существу, так и формальных, очень много. Во-первых, все мои лейб-медики упорно говорят, что ехать за границу мне стоило бы для лечения, если бы я мог попасть в хорошую санаторию, в хорошем месте, отрывать же время от летнего лечения здесь — для поездки с целью научной и личной, считают совершенно нецелесообразным. Поездка же для лечения сопряжена во 1-ых с большими расходами (а у меня денег нет) и во 2-ых с значительным временем, что может быть почти недопустимым из соображений служебных. Ссориться с Университетом³ мне совсем не хочется и нелзя. Я должен теперь признать к сожалению, что из-за моей инвалидности, — кроме профессорства в южном провинциальном университете — я к иной карьере уже не способен. Интенсивная и утомительная жизнь в столицах — уже не для меня, точно также как и какая либо непедagogическая работа. Кроме того и с самым Университетом я так сжился, что не могу совершенно равнодушно думать о том, какой ущерб я нанесу, если уеду надолго. Но — конечно — главное дело все-таки в деньгах. Соня⁴ мне уже давно все обещает прислать деньги на поездку — причем теперь это очень просто, так как переводы в иностранной валюте выдаются в Госуд<арственном> Банке той же валютой. Несколько раз она мне писала, что уже посылает, но потом я ничего не получал и писал ей, причем выяснялось, что она и не посылала. Я писал ей, что для поездки без лечения на два месяца нужно мне было бы около 40 £, а с лечением много больше, она мне ответила, что деньги бу-

дут и она их мне даст — но на какую сумму она рассчитывает — так и не написала. Я не знаю каковы ее материальные дела, но думаю, что она не пишет просто потому, что не очень внимательно читает мои письма. Сейчас у меня план такой:

Если виза не потеряет своей силы и я за осень получу деньги, то на Рождество устрой себе вместо месяца — двухмесячный отпуск и поеду в Берлин⁵. В случае даже, если в это время мой коллега проф. Вишневский⁶ и будет за границей (а у нас было постановление, что из 3-х математиков может отсутствовать только один), то пропуск одного месяца не будет слишком чувствителен и я приеду. К тому же времени я выхлопочу себе и командировку и паспорт. Пока же еще месяц проживу здесь на солнце и наберусь энергии.

Я пробыл месяц в санатории ЦКУБУ (Центр<альная> ком<иссия> улучш<ения> быта ученых)⁷ в Гаспре (бывш<ее> имени Паниной)⁸ где немного поправился. Сейчас опять у Лизы в Алушке⁹. Глеб еще до сих пор не отдыхал¹⁰. Он все время работает в Севастополе на биологической станции¹¹ — очень увлекся наукой и как говорят выказывает и умение и способности. Его стремления к наукам гуманитарным теперь совсем отодвинулись и он стал естественником, хотя и здесь его интересуют главным образом обще-биологические вопросы, отчасти философского характера. Работает он под руководством проф. Гурвича¹² — единомышленника немецкого проф. Дриша¹³. На днях ждем Глеба сюда. Илюша все время в Алушке¹⁴ и только на несколько дней ездил в Севастополь повидаться с Глебом и поразвлечься. Здоровье его очень неважно, совершенно не знаем что с ним делать.

Лиза крайне переутомлена, у нее по санатории масса работы с 7 утра до 10 вечера. Заработок у нее сейчас недурной — за июль мы с ней вместе заработали около 10 миллиардов, т. е. 60–70 руб. золотом. Этого нам вполне хватает на то, чтобы не отказывать себе в питании и дать возможность Глебу жить в Севастополе. Но у Лизы большой заработок временно, т. к. она еще имеет добавочную работу до октября.

В общем все же прошлые годы голода уже по-видимому миновали¹⁵. Мы живем не так, как в культурных странах, но и не так как голодные волки. Конечно — на одежду и белье у нас так денег и нет.

В этом году южный берег Крыма опять ожил — много народу, ходят катера, и хотя из-за этого все вздорожало, все же прият-

но, что не такая мертвечина, как была последние годы. Пиши мне. С середины сентября буду в Симферополе. Об Леве я знал¹⁶.

Если у тебя есть деньги, или если ты можешь у Сони получить для меня немного денег, очень просил бы тебя снабжать изредка меня книгами, хотя бы по твоему выбору¹⁷. Из книг которые мне очень были бы нужны даю тебе список:

1) Enriques. Vorlesungen über projektive Geometrie (Teubner 1908)¹⁸.

2) Castelnuovo und Enriques. Theorie der algebraischen Flächen¹⁹.

3) Loria Sperielle algebraische und transcedente Curven (Teubner 1902. Книга дорогая — если денег мало, то не надо)²⁰.

4) Blaschke. Vorlesungen über Differentialgeometrie und geometrische Grundlagen der Relativitätstheorie (Springer) B. I und II²¹.

5) Veyl. Raum, Zeit und Gravitation²².

и особенно нужны мне каталоги новых книг. Вероятно можно получить у Springer'a²³ в Берлине. Выписать же все лучше всего через Friedländer'a на Karlstraße²⁴.

Говорят, что в Германии сейчас много интересных книг выходит и публицистических (от Spengler'a я не в восторге²⁵) и философских. Если что дешево и интересно — пришли, если будут деньги.

Привет сердечный Тат<ьяне> Серг<еевне>. В Гаспре я познакомился с ее старой знакомой по Саратову Анфисой Ильинишной Меркуловой²⁶, которая просила ей передать привет. Тебе просили передать привет Г. И. Чулков²⁷, А. Н. Потресов²⁸ и еще один твой коллега по Саратову экономист-армянин, фамилию которого я забыл — не могу вспомнить²⁹.

Ребятам твоим привет. Наверное не узнают уже меня³⁰.

Всего наилучшего. Твой М.

Лиза шлет Вам привет³¹.

¹ Рукопись, 6 страниц.

² Летом 1923 г. С. А. Франк отдыхал и работал в двух местах на побережье Балтийского моря: в июле — начале августа — в городке Цингст (здесь была закончена работа «Крушение кумиров»), во второй половине августа — в Прерове.

³ С 1919 г. М. А. Франк работал в Симферополе в Таврическом университете, который в этот период назывался Крымский университет им. М. В. Фрунзе. В 1923 г. он получил звание профессора.

⁴ Сестра Софья Животовская.

⁵ Поездка получилась только летом следующего года — см. письма № 2 и 3.

⁶ Лев Александрович Вишневский (1887–1938) — математик, баллистик, профессор Крымского университета, позднее — директор НИИ математики и механики Томского университета. Арестован в 1937 г., умер во время следствия.

- ⁷ ЦЕКУБУ — Центральная комиссия по улучшению быта ученых при Совнаркоме РСФСР, создана на основании постановления СНК от 6 декабря 1921 г.
- ⁸ Ныне — санаторий «Ясная поляна». В конце XIX — начале XX века дворцом владела графиня Софья Владимировна Панина (1871–1956), сдававшая его как дачу состоятельным лицам. В 1901–1902 гг. здесь жил Лев Толстой. Молодой С. А. Франк осенью 1901 г. отдыхал рядом, в имении Олеиз, и вспоминал позднее, что несколько раз видел Льва Толстого, но не решился подойти. В 1922 г. дворец был передан под санаторий.
- ⁹ Жена Елизавета Михайловна жила в Алушке и работала в детском туберкулезном санатории им. проф. Боброва.
- ¹⁰ Сын Глеб Михайлович с 1921 г. учился на Агрономическом факультете Крымского университета, жил в Симферополе, и одновременно работал на кафедре А. Г. Гурвича.
- ¹¹ Севастопольская биологическая станция создана в 1871 г. по инициативе Н. Н. Миклухо-Маклая. В 1963 г. преобразована в Институт биологии южных морей.
- ¹² Александр Гаврилович Гурвич (1874–1954) — советский биолог, родился в Полтаве в еврейской семье, окончил Мюнхенский университет в 1897 г. и несколько лет работал в Германии, профессор Таврического (Крымского) университета в 1918–1924 гг.; в 1924–1930 гг. — профессор кафедры гистологии и эмбриологии медицинского факультета Московского университета. В начале 20-х годов А. Г. Гурвич начал биофизические исследования по изучению ультрафиолетового (митогенетического) излучения живых тканей. В этих исследованиях участвовал Глеб Франк; позднее, в начале 1930-х гг., Г. М. Франк развивал это научное направление, возглавляя лабораторию биофизики в Ленинградском физико-техническом институте и лабораторию фотобиологии и биофизики Всесоюзного института экспериментальной медицины.
- ¹³ Ганс Дриш (Hans Driesch, 1867–1941) — немецкий биолог и философ, один из основателей витализма, профессор философии в Кёльне (1911), Лейпциге (1921). В 1915 г. вышла книга Дриша «Витализм» на русском языке в переводе и с дополнениями А. Г. Гурвича. С. А. Франк опирался на идеи неовитализма в своём переходе к метафизике в начале 1910-х годов, неоднократно ссылаясь на Г. Дриша, а в эмиграции лично познакомился с ним, когда в 1928 г. выступал в Лейпциге с лекцией.
- ¹⁴ Сын Илья Михайлович учился в Ялте (см. примеч. 9 к письму № 4), в это время находился на каникулах.
- ¹⁵ А. И. Франк приводит выдержку из решения Совета Университета от октября 1920 г., в котором, в частности, говорилось: «Сотрудники университета доведены до такой степени нищеты, при которой уже начинается вымирание определенной группы или неизбежная необходимость прекращения научной работы. (...) Профессора университета, чтобы не умереть с голоду, вынуждены были продавать последние вещи, брались за любую дополнительную работу, пилили дрова, шили сапоги и т. д.» (Франк А. И. Илья Михайлович Франк. С. 891). В интервью З. П. Грибовой Илья Михайлович Франк говорил, что, по словам Глеба, в Крыму в те годы было настолько голодно, что бывали случаи людоедства (Там же).
- ¹⁶ Что конкретно сообщал Семён Людвигович Михаилу Людвиговичу о жизни Льва Зака — не ясно. Лев Васильевич в это время жил в Берлине, зарабатывал оформлением театральных декораций. Возможно, речь шла и о каких-то душевных переживаниях. 15 июля 1923 г. Лев Зак писал С. А. Франку: «Если между на-

ми теперь чувствуется некоторое отчуждение, то отчасти это оттого, что я редко вижу тебя одного, отчасти, может быть, потому, что мы с тобой люди все-таки уже разных поколений, но больше всего, конечно, по моей вине, потому что я переживаю сейчас такой острый жизненный момент, сложность которого я не могу открыть даже тебе. Может быть, через некоторое время я и приду к тебе исповедоваться, но сейчас и хочу и не могу» (BA. S. L. Frank Papers. Box 8. Zak, Lev Vasil'evich & Nadezhda Aleksandrovna).

- ¹⁷ О живом интересе М. А. Франка к зарубежной научной литературе писал И. М. Франк: «Я хорошо помню, как в начале 20-х годов, когда молодая советская республика только еще начинала восстанавливать связи с зарубежной наукой, он с увлечением изучал монографии по общей теории относительности, бывшей в то время достоянием лишь немногих (...) и стал блестящим популяризатором теории относительности» (Франк И. М. Михаил Людвигович Франк. С. 281). Последнее утверждение иллюстрируется, между прочим, следующим фактом: 26 марта 1923 г. М. А. Франк читал публичную лекцию, организованную Математическим обществом, на тему «Принципы относительности» (см.: *Банникова Л. П.* Физико-математический факультет Таврического университета. С. 61).
- ¹⁸ Федерико Энриковес (Federigo Enriques, 1871–1946) — итальянский математик, занимался алгебраической геометрией. Год издания указан неточно, см.: *Enriques, F.* Vorlesungen über projektive Geometrie, von Deutsche ausg. von Dr. Hermann Fleischer. Mit einem Einführungswort von Felix Klein. Leipzig: B. G. Teubner, 1903. Второе издание на немецком языке выходило в 1915 году. Первое издание на итальянском языке было в 1898 г.
- ¹⁹ Гвидо Кастельнуово (Guido Castelnuovo, 1865–1952) — итальянский математик. Книги с таким названием не обнаружено, но есть большая статья в Энциклопедии математических наук: *Castelnuovo, G. und Enriques, F.* Die Algebraischen Flächen vom Gesichtspunkte der Birationalen Transformationen aus // *Encyklopädie der mathematischen Wissenschaften. Geometrie.* S. 674–768.
- ²⁰ Джино Бенедетто Лория (Gino Benedetto Loria, 1862–1954) — итальянский математик. См.: *Loria, G.* Spezielle algebraische und transscendente ebene kurven. Theorie und Geschichte. Autorisierte, nach dem italienischen Manuskript bearbeitete deutsche Ausgabe, von Fritz Schütte. Leipzig: B. G. Teubner, 1902.
- ²¹ Вильгельм Блашке (Wilhelm Johann Eugen Blaschke, 1885–1962) — австрийский математик. См: *Blaschke, W.* Vorlesungen über Differentialgeometrie und geometrische Grundlagen von Einsteins Relativitätstheorie. 3 Bde., Springer, Grundlehren der mathematischen Wissenschaften 1921–1929 (Bd. 1 Elementare Differentialgeometrie, Bd. 2 Affine Differentialgeometrie, Bd. 3 Differentialgeometrie der Kreise und Kugeln, 1929).
- ²² Герман Вейль (Hermann Klaus Hugo Weyl, 1885–1955) — немецкий математик, физик и философ. См.: Weyl, H. Raum, Zeit, Materie: Vorlesungen über allgemeine Relativitätstheorie. J. Springer, 1918. В 1921 г. вышло 4-е изд., в 1922–5-е.
- ²³ Springer — Берлинское издательство, с 1920 г. издает журнал «Mathematische Annalen», одним из редакторов которого был А. Эйнштейн.
- ²⁴ Берлинское издательство: Verlag R. Friedländer & Sohn, Berlin, Karlstraße 11.
- ²⁵ Имеется в виду книга О. Шпенглера «Закат Европы». С. Л. Франк участвовал в сборнике «Освальд Шпенглер и Закат Европы» (М.: Берг, 1922) со статьёй «Кризис западной культуры»; этот сборник был одним из предлогов в деле о выселке интеллигенции (в том числе и С. Л. Франка) в 1922 г. Освальд Шпенглер (Oswald Spengler, 1860–1936) — немецкий философ и публицист; книга «Der Untergang des Abendlandes» в 2 т. вышла в 1918 и 1922 годах.

- ²⁶ Личность не установлена.
- ²⁷ Георгий Иванович Чулков (1879–1939) — писатель, литературный критик. В 1904–1905 был секретарём журналов «Новый путь» и «Вопросы жизни», где, очевидно, и познакомился с С. Л. Франком. В 1906 г. выступил идеологом теории «мистического анархизма», которую С. Л. Франк подвергал критике.
- ²⁸ Александр Николаевич Потресов (1869–1934) — один из основателей РСДРП, меньшевик. В 1925 г. выехал за границу по болезни, поселился в Берлине.
- ²⁹ Скорее всего, имеется в виду Степан Фёдорович Кечекьян (1890–1967) — правда, он был правоведом, а не экономистом, в 1918–1919 гг. работал в Саратове профессором и деканом факультета общественных наук в университете, а также в Институте народного хозяйства — что, возможно, и запомнилось Михаилу Людвиговичу (благодарю за консультацию проф. А. А. Гапоненкова).
- ³⁰ У С. Л. Франка было четверо детей: Виктор Франк (1909–1972), Алексей Франк (1910–1969), Наталья Франк (Скорер, Норман, 1912–1999) и Василий Франк (1920–1996), который Михаила Людвиговича ещё не видел.
- ³¹ Возможно, откликом на это письмо, или на какое-то ещё, в котором Михаил вновь сообщал брату об откладывании своей поездки, является замечание Франка в открытке к жене, написанной во время поездки в Рим 27 октября 1923 г.: «Получил два твоих письма, спасибо, родная, рад, что у вас все благополучно, очень огорчает Миша» (Архив ДРЗ. Ф. 4. Оп. 3. Ед. хр. 1. Л. 16).

2. М. Л. Франк — С. Л. Франку. 26 июня 1924 г.¹

Herrn Professor S. L. Frank

Berlin W.

Karl Schraderstr. 1¹ bei Grothe

Allemagne

Paris 26.VI.24

Милые Франки и Франчата. Добрался благополучно до Парижа и был встречен Соней,левой и Ниной². По дороге оказалось, что мой поезд от Кельна не имеет 3^{го} класса и если бы я случайно не взял денег с запасом, мне пришлось бы застрять почти на сутки и трястись лишнюю ночь.

Соня была так неостроумна, что послала чек в Birkenwerder³. Если получишь, отдай 110 м. Ренцацкой⁴ поскорее (узнай не может ли она получить чек скорее тебя). Перед отъездом на дачу отдай 40 м. Вулику⁵ для Гурвич⁶. Леву почти не видал он страшно занят <нрзб.>.

Подробнее другой раз. Привет!

Адр.: L. Zack, 66 rue de Chateau Boulogne. Seine Paris

¹ Открытка. Вид: Paris. Place de la Concorde.

² Возможно, имеется в виду Нина (Антонина) Николаевна Сеземан (урожд. Насонова, во втором браке — Клепинина, 1894–1941). Очевидно, Франки

были знакомы с ней ещё по Петербургу — С. Л. Франк работал с её мужем Василием Эмильевичем Сеземаном на кафедре философии Петербургского университета. После развода в 1922 г. Нина Сеземан проживала в Париже и дружила с семьей Льва Зака. Посещая в 1926 г. Париж, С. Л. Франк встречался и с ней — так, 27 октября 1926 г. он писал жене: «Вчера я был у Нины Сеземан, у нее были Лева с Надей и m-me Сувчинская (Вера). Нина очень мила, и это — единственное место, где я мог всласть наговориться о тебе и детях — все и все в нашей семье ее искренно интересовало» (Архив ДРЗ. Ф. 4. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 25).

³ Биркенвердер — коммуна в Германии, в земле Бранденбург, в составе района Верхний Хафель. Возможно — место летнего отдыха семьи С. Л. Франка.

⁴ Личность не установлена.

⁵ Личность не установлена.

⁶ Возможно, имеется в виду подруга семьи С. Л. Франка Мария Михайловна Гуревич.

3. М. Л. Франк — С. Л. Франку. 1 июля 1924 г.¹

Herrn Prof. S. L. Frank

Berlin W.

Karl Schraderstr. 1¹ bei Grothe

Allemagne

1.VII.24.

Милый Сеня! Меня очень удивляет, что от тебя нет известий и что нет для меня писем из дому.

Напиши пожалуйста, получил ли ты деньги, имел ли для меня письма и что у вас слышно. Здесь очень хорошо. Подробно расскажу при свидании. Адр.: Paris XVI, 32, Rue Pergolèse Pergolèse-House. Живу здесь вместе с Соней и Саей². Привет всем. М.

¹ Открытка. Вид: Paris. Flower Market Near Conciergerie. Штемпель: Paris. 1. VII.

² Исай (Исайя) Александрович Браудо (1896–1970) — брат жены Льва Зака Надежды Браудо, органист, в 1924 г. совершенствовал свое мастерство в Европе, в том числе в Париже. Позднее — профессор Ленинградской консерватории.

4. М. Л. Франк — С. Л. Франку. 20 января 1925 г.¹

20 Января 25.

Дорогой Сеня! Мне ужасно стыдно, что я так долго Вам не писал, все хотелось написать поподробнее, не хватает мужества написать маленькую открытку, как это сделал ты, а длинно писать никак не мог собраться.

О моей судьбе ты знаешь². Через месяц по приезде у меня заболела нога (тазобедренный сустав), я попробовал поехать в Симферополь, но боль усилилась, появилась боль в позвоночнике (в поясничных позвонках) и я с середины октября окончательно слег. Вслед за тем у меня появилась боль в грудных позвонках, а затем в левом плече (раньше у меня болело правое плечо). После трех месяцев лежания стало немного лучше, но что со мной — так и неизвестно, так как рентгеновские снимки не дают ясных изменений в кости. Теперь задним числом ясно, что и в шейных позвонках костного туберкулеза у меня не было и Киш³ меня морочил, надо было лечиться как-нибудь иначе. Есть предположение, что у меня туберкулезный ревматизм. Собирался я одно время ехать в Москву в клинику, но помимо дороговизны поездки, отменил ее по совету здешних врачей на том основании, что мне становится немного лучше и целесообразно отложить поездку до весны. Так вот я лежу и лежу без видимого конца впереди.

В Университете, который теперь преобразован в Педагогический Институт⁴, я еще числюсь профессором, но уже не получаю жалования, так что сейчас мы все существуем на один заработок Лизы. (До января я все еще немного получал)⁵. Как мы будем существовать дальше не знаю, так как, хотя Лиза и получает по нашим понятиям порядочно (90 руб.), но на всех нас, при жизни в разных местах этого недостаточно.

Глеб не очень давно был снова принят в Университет и сейчас спешно его кончает. Вероятно месяца через два он уже закончит его⁶. Что будет делать дальше — неизвестно. Его патрон получил кафедру в Московском Университете⁷ и обещает его при первой возможности устроить в Москве, но это вряд ли будет раньше будущей осени. Если будет какая-нибудь материальная возможность, то до этого ему надо будет поехать для продолжения его работ без заработка либо на биологическую станцию в Севастополь, либо на север. Здоровье его очень неважное, туберкулезное наследство явно начинает сказываться. Он очень бодрый, общительный юноша, любящий и науку и веселие. Одна его работа уже напечатана в немецком журнале, сейчас готовится вторую⁸.

Илюша в Ялте, хорошо учится в Промышленно-экономическом техникуме (бывш<ее> коммерч<еское> училище)⁹, сейчас в предпоследнем классе (по старому в 7^м классе). Но к коммерч<еским> наукам он никакой склонности не имеет, за то проявляет большие способности к математике, которой занимается с увлечением, зна-

ком уже с началом высшей математики и без труда мог бы перейти на 2^{ой} курс математического факультета. К сожалению его дальнейшая судьба совсем неопределенна, так как в Симферополе Университета нет, а отправлять его далеко еще рано. Ростом он очень большой — одного роста со мной — но в общем еще ребенок совсем. Характер у него в противоположность Глебу — замкнутый, друзей и товарищей у него совсем нет и к общественной жизни никакой склонности. Лиза много работает, из-за меня не взяла отпуска и крайне переутомлена. Часто бывают небольшие сердечные припадки, из-за чего почти не может далеко ходить.

С того времени, что я с вами виделся жизнь у нас сильно изменилась, восстановление материальной культуры идет поразительно быстро, так что сейчас уже странно вспомнить, как мы жили несколько лет тому назад. Но и в духовном отношении чувствуется прогресс. Не говоря об научной деятельности, которая почти не прекращалась, сейчас начинают выдвигаться новые, действительно талантливые писатели и поэты. Доходит ли до вас что либо?

Об Леве я знаю, но давно теперь не имел писем и не знаю, как они сейчас живут¹⁰. Напиши поподробнее об Вас всех, почему Таня не осуществила своего плана заработка при помощи пансиона¹¹? Как живут все ребята. Если соберетесь сняться пришлите карточку. Я в след<ующий> раз пришлю Вам нашу карточку, снятую еще осенью.

Поздравляю тебя с днем твоего рождения, хотя теперь уже возраст наш таков, что с этим поздравлять не резон¹². Будьте все здоровы. Я всех вас и помню и часто вспоминаю, но часто писать не могу.

Привет всем, кто меня помнит.

С опозданием поздравляю Таню с днем ангела¹³, пусть не сердится, что поздравление запоздает. Желаю здоровья.

¹ Рукопись, 2 страницы.

² Ранее М. Л. Франк писал, по крайней мере, два раза А. В. Заку. 13 ноября 1924 г. Лев Зак сообщал С. Л. Франку: «От Миши у меня было письмо. Он лежит в Алушке, его собираются начать лечить туберкулином. Настроение у него очень неважное. Я ему до сих пор ещё не ответил, но мне ужасно тяжело писать о смерти Александра Исаевича» (В. А. S. L. Frank Papers. Box 8. Zak, Lev Vasil'evich & Nadezhda Aleksandrovna. Год в письме не указан, но речь идёт о смерти тестя Льва Зака — А. И. Браудо, который умер 8 ноября 1924 г.). А 6 декабря 1925 г. вновь сообщал: «От Миши было письмо, в кот<ором> он писал, что лежит, что боли полегчали и что материально им сейчас не очень плохо» (Там же).

³ Личность не установлена.

- ⁴ В октябре 1924 г. физико-математический факультет был объединен с педагогическим факультетом, а 1 октября 1925 г. Крымский университет был реорганизован в Крымский педагогический институт им. М. В. Фрунзе (см.: *Банникова Л. П.* Физико-математический факультет Таврического университета. С. 58).
- ⁵ Видимо, в связи с болезнью — потом продолжил работать. О докладах М. Л. Франка в Математическом обществе, И. М. Франк писал: «Обращает на себя внимание отсутствие докладов 1924 г. М. Л. Франк в то время болел, а затем находился за границей (лечился и работал)» (*Франк И. М.* Михаил Людвигович Франк. С. 281, прим.). Скорее, как видим, сначала был за границей, а потом болел. Предыдущий доклад был 8 декабря 1923 г., а последующий — 6 мая 1925 г. (Там же. С. 293).
- ⁶ См. примеч. 3 к письму № 6.
- ⁷ А. Г. Гурвич — см. примеч. 13 к письму № 1.
- ⁸ Первые статьи Г. М. Франка вышли в 1925–1926 гг. в журналах «Archiv für mikroskopische Anatomie und Entwicklungsmechanik» и «Wilhelm Roux' Archiv für Entwicklungsmechanik der Organismen».
- ⁹ Ялтинский промышленно-экономический техникум был образован в 1921 г. в здании бывшей женской гимназии (ул. Войкова, 4). По словам А. И. Франка, Илья Михайлович «несколько иронично относился к образованию, которое дала ему ялтинская школа — по его словам, какое-то время в ней, в частности, практиковался так называемый бригадный метод обучения, когда уровень знания оценивался сразу у бригады учеников» (*Франк А. И.* Илья Михайлович Франк. С. 890).
- ¹⁰ Возможно, Семён Людвигович сообщил брату о тяжёлом материальном положении Льва и его семьи. Дочь Льва Зака Ирина вспоминала об этих годах: «Мы жили в очень тяжелых материальных условиях (...). Это не была нищета, но все же настоящая бедность» (*Зак Ирина.* Леон Зак (1892–1980) // Евреи в культуре русского зарубежья. Статьи, публикации, мемуары, эссе. Т. IV. 1939–1960 гг. Сост. и изд. М. Н. Пархомовский. Иерусалим, 1995. С. 249, 253).
- ¹¹ О таких планах в этот период нам неизвестно, но они реализовались позже, в 1937–1938 годах, когда Татьяна Сергеевна сначала организовала проживание постояльцев в доме, который сами Франки сняли на лето в посёлке Гельтов под Берлином, а потом принимала пансионеров в доме сына Алексея в Ла-Фавьере, где они с Семёном Людвиговичем жили весной и летом 1938 г. Кроме того, во время летнего отдыха за городом, как правило, берлинские квартиры, в которых жили Франки, тоже сдавались постояльцам.
- ¹² 29 января 1925 г. С. Л. Франку исполнилось 48 лет.
- ¹³ Татьянин день 25 января.

5. М. Л. Франк — С. Л. Франку. 5 августа 1925 г.¹

5 Августа 1925

Дорогой Сеня! Спасибо за письмо. Напрасно ты думаешь, что я считаюсь письмами, до этого я не дошел и мне не менее стыдно, чем тебе, что я не писал. Но причины к тому были. Правда главная причина вероятно все таки лень и отвычка от писем, что непросто, но с чем очень трудно бороться.

Мы все живы, относительно здоровы. Мое здоровье очень хорошо. Прошлой осенью, после приезда из заграницы мне стало много хуже и до весны я пролежал, а весной сразу пошло на улучшение. В марте я еле ходил, в мае уже с большим трудом съездил в Симферополь, но все же читал там лекции², а в июне и июле уже делал пешком по 10 верст. Аппарат свой давно выбросил и хотя боли понемногу есть, но я перестал на них обращать внимание. Скоро, в конце этого месяца еду в Симферополь, так как хочу там быть до начала занятий.

Будущность моя мало меня привлекает, так как в Симферополе у нас Университет ликвидирован, остался Педагогический Институт, в котором для меня работа мало интересная. Большинство моих ближайших друзей из профессоров уехали и там будет очень тоскливо³. Мне же деваться как то некуда, так как единственный город, где у меня есть связи и куда мне хочется ехать — это Ленинград, а туда вряд ли по климатическим условиям мне мыслимо жить. Тем более, что и для Илюши Питерский климат был бы неподходящ.

Лиза все так же много работает, имела за два года лишь 2 недели отпуска и постепенно все больше устает и изнашивается. Сердце у нее совсем плохое и ходить она может очень мало. Ей необходимо длительный отпуск на несколько месяцев, что вряд ли осуществимо.

С точки зрения здоровья нас и мальчики наши не радуют. Вы в этом отношении счастливее. Глеб зимой перенес вторично плеврит и с легкими у него не совсем благополучно. Илья худой, бледный, вялый и никак не поправляется, несмотря на наилучшие условия. В остальных отношениях они оба молодцы. Глеб весной выступал с докладом в Москве на всесоюзном съезде анатомов и гистологов⁴, после чего был избран сначала в Симферополе научным сотрудником (по старому оставленным при университете), а сейчас имеет надежду устроиться также в Москве, но пока без жалования. Он очень живой юноша и способный как к теоретической работе, так и к экспериментальной, так что есть все основания надеяться, что он сумеет выбиться на научном пути.

Илья проявляет определенные способности в области математики и физики, по способностям не уступает Глебу, но зато по характеру совсем иной — застенчивый, молчаливый, не умеющий показать себя. Ему труднее будет пробить себе дорогу в жизни. Он кончил школу 2^{ой} ступени, но в этом году никуда не поступит⁵.

Я хочу с ним заниматься сам математикой и физикой, а кроме того обучить его языкам, для того чтобы в будущем году уже устроить его куда-нибудь, где он сможет хорошо учиться — в Москве или Ленинграде.

Материально мы живем теперь недурно, нам не приходится уже отказывать себе в самом необходимом. Конечно, у нас нет ни гроша запасов, но мы привыкли теперь жить легкомысленно — не думая о будущем. Так мы совсем не знаем, как мы будем жить, если Глеб в Москве долго не найдет заработка, но думаю, что как-нибудь кривая вывезет. В общем у нас все таки несомненно есть ощущение, что в материальном отношении, да и не только в материальном, жизнь становится с каждым годом легче и не смотря на то, что мы старимся, все же такое ощущение придает бодрости. Лично же я кроме того, благодаря тому что так неожиданно быстро стал поправляться особенно сильно ощущаю надежды на лучшее будущее в нашей жизни. Если мои руки, ноги и спина не разболются, и не придется слечь, то надеюсь еще смогу пожить не плохо.

Напиши обо всех вас. Где Вулики? От Сони давно не имел писем и это меня начало беспокоить. Хотя она мне писала уже после того как оправилась от операции, но еще не окончательно, а с тех пор ничего не пишет. Привет Тане и всем твоим ребятам. Очень бы хотелось Вас всех увидеть. До начала Сентября адрес мой Алупка, а потом Симферополь, Гоголевская, 5⁵. Будьте все здоровы. Пиши. М.

¹ Рукопись, 6 страниц.

² 6 мая 1925 г. — доклад М. А. Франка «О многоугольниках Poncelet» в Математическом обществе (Банникова Л. П. Физико-математический факультет Таврического университета. С. 61).

³ «В связи с реорганизацией университета, качество и интенсивность исследований на физико-математическом факультете начали снижаться» (Там же. С. 58). Ещё в 1922 г., в связи с избранием академиком АН УССР, проф. Н. М. Крылов переехал в Киев, а в 1925 г. в Томск уехал проф. А. А. Вишневский, и в Ленинград — проф. Н. С. Кошляков (Там же. С. 59, 61–62).

⁴ II съезд зоологов, анатомов и гистологов состоялся в Москве в мае 1925 г.

⁵ Сохранилась зачётная книжка «слушателя II курса» И. Франка за 1924/1925 учебный год с записью: «Переводится на III-й курс» (Илья Михайлович Франк. К 110-летию со дня рождения. С. 36; см. также: Илья Михайлович Франк. Очерки и воспоминания. С. 7–11). Однако в 1925 г. Илья переехал к отцу в Симферополь, где, не являясь студентом, слушал в университете лекции по физике и математике, принимал участие в работе математического общества и делал там доклад, впоследствии опубликованный.

6. М. Л. Франк — С. Л. Франку. 2 января 1926 г.¹

Алупка 2 Янв. 1926 г.

Дорогой Сеня! Наконец я получил от тебя письмо, хотел ответить тотчас же, но до каникул не собрался. Я не знал, что ты летом получил мое письмо, ждал ответа, запрашивал Леву, но так и не добился, живешь ли ты там же и как живешь. Очень рад был узнать, что относительно вы живете не плохо. Если бы тебе удалось сделать научную карьеру при немецком университете, то вероятно это и в материальном отношении было бы не плохо².

Что касается нас, то живем мы не плохо, но конечно и у нас есть свои но. Уже одно то, что семья наша всегда живет вразброд очень тяжело, особенно когда за своей спиной чувствуешь 47 лет. Хотелось бы иметь домашний уют, а не жить по студенчески.

Эту зиму Глеб один в Москве. Он получил место препаратора при гистологическом кабинете Московского Университета³. Это хотя и не научно-педагогическая, а только техническая должность, но даст ему возможность научно работать. Будет ли он со временем оставлен при Московском Университете это не совсем определено, к тому есть много препятствий разного рода. Но пока он доволен своим положением и своей работой. Получает он 40 рублей — это приблизительно $\frac{2}{3}$ того, что ему нужно для скромной жизни. К сожалению с его здоровьем очень неблагополучно, у него какое-то заболевание печени (мож<ет> быть наследственно от нашей мамы⁴) и хроническое воспаление желчного протока, что очень сильно отражается на его самочувствии и работоспособности. Больше месяца он пролежал в клинике без большой пользы. На каникулы сюда не приехал. Я живу с Илюшей в Симферополе, продолжаю преподавать в бывшем Университете, теперь преобразованном в Педагогический Институт. Педагогическая деятельность сейчас меня очень мало удовлетворяет и сейчас я сделал попытку начать работать в области практической — электрификации Крыма. С этого лета начнется постройка большой гидроэлектрической станции под Севастополем⁵, а с будущего года мож<ет> быть будет осуществляться и южно-бережная дорога⁶, так что есть возможность работать в более живой области, что и интересней, чем педагогика, и лучше оплачивается. Впрочем, я еще не знаю как и сколько я буду работать.

Илюша в этом году никуда не поступил, живет со мной и усердно занимается математикой, физикой и языками. В качестве воль-

нослушателя слушает лекции на старших курсах. Работает много и очень успешно кроме своего ученья над самостоятельными изобретениями разного рода. Как и где будет учиться в будущем году — еще не решили. Ему имеет смысл учиться только в Москве или Питере, но посылать его одного еще не решаемся, а Глеб в Москве все еще плохо устроен, без комнаты, так что вряд ли сможет взять на себя устройство Илюши⁷.

Не хочется пока думать о будущем, так это все сложно.

Лиза продолжает служить и работать в Алупке, все также из последних сил, очень устает и не может отдохнуть. Для отдыха ей надо уехать, а между тем весь прошлый год она была привязана из-за меня, а в этом году из-за Ольги Петровны⁸, которая совсем плохо и вряд ли долго протянет еще.

Мои все болезни почти ликвидированы. Изредка чувствую боли, привык уже к своей инвалидности, но работать могу. Никаких аппаратов не ношу, но работоспособность моя невелика. Материально мы теперь живем вполне удовлетворительно, начинаем даже мечтать о том, чтобы скопить немного денег на случай поездки куда-нибудь. До сих пор еще нам не приходилось думать о «накоплении».

Письмо это Вы получите к праздникам, а потому поздравляю Вас всех. Поздравляю и с Новым Годом и желаю всего, чего Вы себе сами желаете. Надеюсь, что нам так или иначе удастся скоро увидиться. Привет большой Тане и всем твоим ребятам. Лиза шлет Вам всем привет.

Пиши мне. Где Вулики? Передай им привет и напиши их адрес, если знаешь. Всего хорошего.

Твой М.

¹ Рукопись, 6 страниц.

² Основным местом работы С. Л. Франка в первые берлинские годы был Русский научный институт, однако его финансовое положение было неустойчиво. 6 апр. 1925 г. С. Л. Франк писал Н. А. Бердяеву: «Мы живем “с грехом пополам”. Материально кое-как существуем, когда Институт платит. (...) Живу только мечтой о возможности найти такой немецкий заработок, к которому я избавил бы от участия во всех русских делах. Эта возможность теоретически здесь есть, но практически она пока есть только воздушный замок» (Из переписки С. Л. Франка и Н. А. Бердяева (1923–1926) / Сост., публ. и комм. А. А. Гапоненкова // Вопросы философии. 2014. № 2. С. 137). А 5 января 1926 г. сообщил тому же Н. А. Бердяеву: «В Берлине всё русское замирает. Зато есть надежда возможности действия для немцев. Я в течение этой зимы объездил 6 немецких городов с докладом “Die russische Weltanschauung”, и предстоят еще поездки. Немцы

страстно интересуются Россией и те круги, с которыми я имел дело, — именно духовными проблемами русской мысли» (Там же. С. 140). Однако попытки в последующие годы устроиться в какой-либо немецкий университет не имели успеха — только в 1930–1933 гг., благодаря помощи своего коллеги ещё по Саратову М. Фасмера, С. А. Франк читал лекции в Славянском институте Берлинского университета.

- ³ Глеб уехал в Москву в 1925 г. вслед за своим научным руководителем А. Г. Гурвичем. Он продолжал работу под его руководством на кафедре гистологии медицинского факультета МГУ — сначала препаратором, потом поступил в аспирантуру. В 1929 г. переехал в Ленинград, работал в Физико-техническом институте, затем в Физико-агрономическом институте и во Всесоюзном институте экспериментальной медицины, с которым в конце 1934 г. возвратился в Москву.
- ⁴ По воспоминаниям С. А. Франка, мать Розалия Моисеевна часто ездила лечиться в Карлсбад, когда они были ещё детьми.
- ⁵ Речь идёт о планах строительства гидроэлектростанции для нужд Севастополя на реке Чёрной. Идея не была реализована, и только в 1956 г. было построено Чернореченское водохранилище.
- ⁶ Речь идёт о проекте южнобережной железной дороги Севастополь — Ялта. Первые проекты разрабатывались ещё до революции. В 1924–1925 годах был разработан новый проект под руководством профессора Л. Н. Вернадского. Начало строительства планировалось в 1929 году, реализацию проекта увязывали со строительством Крымской ГЭС на реке Чёрной, её энергия должна была питать электрическую сеть дороги. В конечном итоге отсутствие средств на строительство электросети сорвало весь проект (см.: *Иванов А. В. Ласпи: от Айя до Сарыча. Историко-географические очерки. Севастополь, 2005. [Электронный ресурс].* Режим доступа: <http://www.krimoved-library.ru/books/laspi-ot-aya-do-saricha24.html>).
- ⁷ В 1926 г. Илья Франк уехал в Москву и поступил на физико-математический факультет МГУ. С 1927 г. работал под руководством С. И. Вавилова. После окончания МГУ в 1930 г. работал в лаборатории А. Н. Теренина в Государственном оптическом институте в Ленинграде.
- ⁸ Мама Елизаветы Михайловны Ольга Петровна, урожденная Красовская, происходила из духовной семьи — её отец Петр Макарович Красовский был священником.

7. М. А. Франк — С. А. Франку и Т. С. Франк.

3 января 1928 г.¹

Алупка 3.1.28

Дорогие Сеня и Таня! Спасибо Вам за поздравительную открытку. Если я не ошибаюсь, ваш Вася должен быть именинником 14. I, а потому поздравляю Вас всех и его самого². А вместе с тем с Новым Годом!

Как всегда, я приехал на каникулы на две недели в Алупку и разница с прошлыми каникулами лишь в том, что с нами нет Глеба, в судьбе которого произошла перемена — он недавно женил-

ся³. Женился он на москвичке, так же, как и он, оставленной при Московском Университете по родственной ему кафедре зоологии. 9^{го} декабря они обвенчались и уехали вместе на съезд зоологов в Ленинград⁴, где оба читали доклады, и после съезда остались в Ленинграде до конца каникул. Жена его одного возраста с ним, дочь московского инженера, из интеллигентной семьи. Мы ее до сих пор знаем только по карточкам, все это произошло довольно быстро и почти неожиданно.

Что получится в дальнейшем — знать, конечно, и предсказывать невозможно, сейчас они счастливы и мы этим довольны. Надеюсь на возможность в январе попасть в Москву и увидеть жену своего сына. Вот до чего я дожил!

В Крыму у нас уныло. Полная пустота, народу меньше, чем во времена голода. Стоят частью потрескавшиеся, частью полуразрушенные дома, и все пусто⁵. Подземные толчки продолжают и самодельный сейсмограф, сооруженный Илюшей, отмечает по несколько толчков в день. Большинство их никто не чувствует и только ночью, когда не спишь, иногда ощущаешь колебание кровати. К этому так привыкли, что только сильные толчки, сопровождающиеся подземным гулом (такой был 10^{го} декабря) немного волнуют и заставляют выходить в сад.

Мелкие толчки плохи тем, что продолжают расширять трещины домов. Надеемся, что все-таки землетрясение идет на убыль и к лету стихнет.

Здоровье мое в этом году плоховато, может быть из-за обилия работы и переутомления. Лиза тоже чувствует себя утомленной и часто сердце ее дает себя знать. Как мы в будущем устроим свою судьбу — все еще не думаем.

Илюша с увлечением работает в университете и успел уже выдвинуться. Профессор, у которого он работал в этом году, писал мне об нем и очень его хваливал⁶. Он еще не решил окончательно будет ли он специализироваться в области чистой математики или по теоретической физике.

Живет он в этом году в семье на полном пансионе и в этом отношении хорошо устроен. Глеб получил в приданое часть комнаты и таким образом в квартирном отношении будет тоже лучше устроен, чем до сих пор.

Материально живем удовлетворительно, понемногу старимся и жизнь быстро проходит. Кажется совсем недавно Глебик был малюткой, а сейчас уже женатый мужчина.

Напишите, как Вы живете, поподробнее и особенно об детях.
Всего хорошего, будьте здоровы, привет от всех нас Вам.
Ваш М.

-
- ¹ Рукопись, 4 страницы.
 - ² День святого Василия Великого. День рождения Василия Франка — 25 июля.
 - ³ Первая жена Глеба Михайловича — Милица Михайловна Курепина.
 - ⁴ III Всесоюзный съезд зоологов, анатомов и гистологов в Ленинграде, 14–20 декабря 1927 г.
 - ⁵ Речь идёт о последствиях Крымского землетрясения 12 сентября 1927 г. Лев Зак писал С. Л. Франку 14 дек. 1927 г.: «От Миши мы недавно получили письмо. Он пишет, что чувствует себя неважно, но вполне трудоспособен. Там у них в Крыму жизнь опять выбита из колеи землетрясениями, кот<орые> не прекращаются» (BA. S. L. Frank Papers.Box 8. Zak, Lev Vasil'evich & Nadezhda Aleksandrovna).
 - ⁶ Очевидно, имеется в виду Сергей Иванович Вавилов, под руководством которого И. М. Франк начал работать уже на втором курсе в 1927 г.

8. М. Л. Франк — С. Л. Франку. 17 сентября 1928 г.¹

Herrn Professor S. Frank
Rehbrücke bei Berlin
Feldstraße bei Fuhrmann
Allemagne
Berlin

17.IX.28. Париж.

Дорогой Сеня! Здесь я узнал, что захворала Таня, но после того от тебя известий не было. Напиши мне пожалуйста в Göttingen postlagernd² и, если для меня есть письма, пришли.

Везжаю послезавтра 19^{го}. Все здесь шлют привет³.

¹ Открытка. Вид: Фасад Нотр-Дам де Пари. Штемпель: Paris. 17. IX.1928.

² Гёттинген, до востребования (нем.)

³ 18 августа 1928 г. Лев Зак писал Семёну Франку: «Нас с Соней чрезвычайно интересует вопрос, когда Миша будет в Берлине и когда в Италии. Что вы об этом знаете? Неужели у него не будет времени побывать в Париже? О визе и о деньгах Соня позаботится, лишь бы у него была возможность в смысле времени» (Зак Л. В. — Франку С. Л. 18 августа 1928 // BA. S. L. Frank Papers.Box 8. Zak, Lev Vasil'evich & Nadezhda Aleksandrovna). В августе 1928 г. М. Л. Франк был в составе советской делегации на 8-м Международном конгрессе математиков в Болонье. Очевидно, после конгресса он поехал в Париж к сестре Софье и брату Льву, а потом собирался в Гёттинген по рабочим вопросам (по возвращении, 29 октября 1928 г. он читал доклад в Математическом обществе в Симферополе «О поездке в Болонью на Международный математический конгресс и Гёттинген» — см.: *Франк И. М.* Михаил Людвигович Франк. С. 293). Очевидно, в Бер-

лин он заезжал сразу, ещё до Болоньи. Точнее, не в Берлин, а в местечко Ребруке под Потсдамом, где Франки проводили лето — об этом свидетельствует младший сын Семёна Людвиговича Василий: «В Ребруке я в последний раз видел папиного брата, дядю Мишу. <...> Я был поражен внешним сходством братьев, разве что отец был гораздо выше. Добрый взгляд и богатый внутренний мир делали этих людей похожими друг на друга. Несомненно, общей чертой всех троих братьев (включая дядю Лёву, младшего сводного брата) была доброта» (*Франк Вас.* Русский мальчик в Берлине // *Волга.* 1998. № 10. С. 139). В этот год Франки задержались на летнем отдыхе до конца сентября по причине того, что не могли найти новую квартиру в Берлине, — может быть, Михаил заезжал к ним и перед отъездом. Это был последний выезд М. А. Франка за границу и его последние встречи со своими братьями и сестрой.

9. М. А. Франк — Т. С. Франк. <ок. 25 янв. 1929 г.>¹

Германия
Берлин
An Frau Professor T. Frank
Berlin W
Passauerstr. 22¹ bei Meitner

Милая Таня!

Поздравляю тебя с днем ангела, а также всех твоих с именинницей. Я живу не плохо, не хорошо, очень устаю и порядочно тоскливо быть одному. Илюша уже в Москве, Глеб с женой гостит у Лизы. Будьте здоровы, напиши как-нибудь открыточку, как живете.

Привет всем вам. Ваш. М.

¹ Открытка. Изображение: В. М. Васнецов. Иван царевич на сером волке. Год изготовления 1928. Открытка не имеет даты, штемпель неразборчив. Датируется по поздравлению (Татьянин день — 25 января) и адресу (на Passauerstr. С. А. Франк с семьёй жил с конца сентября 1928 до конца марта 1929 г.).

10. М. А. Франк — Т. С. Франк. 20 янв. 1933 г.¹

Германия. Берлин.
Frau Professor T. Frank
Berlin Halensee
Necktorstraße 20

20.I.33 г.

Милая Таня, шлю всем вам привет к Новому Году, Татьянинному дню и Сениному рождению. Мы все живы, здоровы, порядочно

устаем и самоизнашиваемся. Все работаем и притом много. Я несколько сократил свою работу педагогического характера и перешел на литературную — пишу учебники². Из семейных наших новостей могу сообщить предстоящее нам повышение в чинах — в мае месяце нам предстоит стать дедушкой и бабушкой³, так что уже формально стать стариками. Мы этому очень рады, хотя для Глеба и его жены это большое и трудное дело воспитать младенца. Для этого нужно много сил, да и, конечно, заработка. Авось как-нибудь справятся. Сейчас у нас стоят большие морозы, самое трудное время года, но к счастью скоро весна. Будьте здоровы, всего лучшего, привет от нас всех.

¹ Почтовая карточка. Штемпель: Ленинград. 23. I.33.

² В эти годы действительно выходят основные учебники М. А. Франка: Элементарные приближенные вычисления. М.; Л., 1932 (2-е изд. — 1933); Графические методы интегрирования обыкновенных дифференциальных уравнений. М.; Л., 1933; Номографический справочник по математике, механике, физике и сопротивлению материалов. М.; Л., 1933; Элементы высшей математики. М.; Л., 1934; Элементы теории вероятностей. М.; Л., 1935.

³ У Глеба Михайловича и Милицы Михайловны родился сын — Михаил Глебович Курепин (1933–2011).

11. М. А. Франк — А. В. Заку. 12 января 1936 г.¹

12.I.1936

Дорогой Лева! Я бесконечно долго не писал, хотя и не забывал вас всех. Твою открытку получил и очень был рад узнать, что все вы здоровы. Напишу об нас. У нас за последний год много было всяких невзгод. Скончался скоропостижно Лизин брат, что очень сильно отразилось на ней и хотя этому уже минуло 10 месяцев, она еще не оправилась от пережитого².

Тяжело был болен Илюша. Он заболел летом по дороге на юг, застрял в Харькове и пролежал там в больнице больше трех месяцев с тяжелым воспалением легкого³. С тех пор как он выписался из больницы и приехал к нам прошло тоже больше трех месяцев, он все еще не оправился и не начал работать. Но все же понемногу поправляется, так что вероятно скоро нас покинет. Он живет теперь, также как и Глеб в Москве, так что нам здесь теперь живется одиноко. С Глебом у нас тоже неблагополучие, но другого сорта. Он разошелся со своей женой⁴ и это он и все мы переживали и переживаем тяжело. Особенно грустно это потому что остался ребе-

нок, очень славный мальчуган, которого мы теперь фактически потеряли, так как он остался у матери⁵.

Глеб успел уже вторично жениться. Его вторая жена очень славная и объективно может быть и лучше его первой жены, но, конечно, благодаря тому что она вторая, у нас нет к ней того отношения, как это следовало бы⁶. Это огорчает и нас и Глеба.

В научном отношении и Глеб и Илья идут вперед. Оба получили уже ученые степени докторов⁷.

Что касается нас, стариков, то продолжаем стариться и очень устаем. Пока еще оба работоспособны. Лиза работает в туберкулезном диспансере, я по-прежнему читаю лекции⁸. Материально живем вполне удовлетворительно, но определенно чувствуем падение работоспособности и всерьез подумываем о пенсии. Старые мои болезни — туберкулез как то сами ликвидировались к старости и сейчас больше всего чувствую усталое сердце, хотя объективно у меня находят только склероз, не слишком превышающий возрастную норму, а все остальные явления относят за счет утомления сердечных мышц и невроза. Так что пока что еще поживем.

Мечтаем мы о переезде в Москву, чтобы быть ближе к детям, но пока это только мечты, так как осуществить переезд не так просто, надо получить квартиру, надо устроиться на новой работе и все это было бы не так трудно, если бы не старые сердца.

Вот вам сравнительно сухой отчет о нашей жизни. Если было побольше сил и здоровья, то жилось бы совсем не плохо, а даже хорошо.

Получил я как то письмо от Сени. Ему, бедному, живется явно плохо⁹. Я мог бы ему послать продовольственную посылку — от нас в Германию посылки принимают, но боюсь, что получение посылки из Советского Союза может скверно отразиться на нем и вместо помощи, окажет ему плохую услугу. Как ты на этот счет думаешь? Напиши при случае. Шлю всем вам привет и поцелуй от нас всех, как твоей семье, так и Соне и Сониной. Будьте здоровы, всего хорошего.

Твой Мих.

¹ Рукопись, 3 страницы.

² Павел Михайлович Грацианов скончался от сердечного приступа в марте 1935 г. в Пятигорске (см.: *Франк И. М.* Михаил Людвигович Франк С. 268, прим.)

³ Вероятно, это была поездка не «на юг», а «с юга» — И. М. Франк возвращался в Москву из Эльбрусской комплексной научной экспедиции 1935-го года. В своей автобиографии он указывал: «В Эльбрусских экспедициях 1934

и 1935 гг. занимался исследованием космических лучей методом камеры Вильсона» (Илья Михайлович Франк. Очерки и воспоминания. С. 9). Позднее он вспоминал о полученном в сентябре 1935 г. письме С. И. Вавилова, «когда я по болезни на довольно длительный срок выбыл из института» (см.: Франк А. И. Илья Михайлович Франк. С. 899). Одним из организаторов, заместителем начальника (1934–1935) и начальником (1936–1939) Эльбрусских экспедиций был Г. М. Франк; И. М. Франк был учёным секретарём экспедиции.

⁴ См. примеч. 3 к письму № 7.

⁵ См. примеч. 3 к письму № 10.

⁶ Вторая жена Глеба Михайловича — Лидия Борисовна Прохорова (1911–2013).

⁷ Глеб Михайлович Франк стал доктором биологических наук в 1935 г. Илья Михайлович Франк также в 1935 г. защитил диссертацию доктора физико-математических наук на тему «Элементарные процессы при оптической диссоциации».

⁸ М. Л. Франк работал в Ленинграде в Индустриальном институте.

⁹ Ещё весной 1933 г., с приходом к власти нацистов, С. Л. Франк потерял возможность постоянной работы, что значительно ухудшило и без того не блестящее материальное положение семьи. 15 сент. 1934 г. он писал Н. А. Бердяеву: «Я и моя семья, к удивлению, все еще живы, хотя все мы более или менее безработные. Пробаваемся кое-как моим литературным заработком и массажем Тат. Серг.» (BA. Nikolai Aleksandrovich Berdiaev Letters. Series I: Correspondence. Box 1. Frank, Semen Liudvigovich). Конец 1935 года в этом отношении был особенно тяжёлым — положение семьи С. Л. Франков даже вынудило их подругу М. М. Гуревич обратиться за помощью — втайне от С. Л. Франка — к его другу Л. Бинсвангеру. Она писала 27 декабря 1935 г., что Франки «в буквальном смысле слова осуждены на голодную смерть» (Frau Dr. M. Gurwitsch an L. Binswanger 08.01.1946 // Universitäts archiv Tübingen. 443/7, 34).

12. М. Л. Франк — Л. В. Заку. 8 марта 1937 г.¹

8.III.1937

Дорогой Левушка!

Сегодня получил твоё письмо и сознаюсь плакал над ним. Нахлынули воспоминания старых времен детства и юности. Не думай, что я тебя забыл. Мы часто вспоминаем всех вас и ужасно грустим, что нельзя увидаться и провести время вместе сидя на диване. Я ясно помню самые первые годы твоей жизни и пожалуй, чем больше времени прошло, тем яснее помнится. Последние годы скорее забываются. Очевидно таков уже удел старости.

Мы живем все не плохо во всех отношениях, если не считать того, что старимся, а это тяжело. Очевидно все еще не пришел тот возраст и то состояние, когда старость является нормальной. Все еще хочется не быть стариком и очень часто приходится убеждаться в том, что многое уже непосильно и надо как то пе-

реходить на режим старческой жизни. Имея за спиной уже почти 60 лет строить планы на отдаленное будущее для себя уже надо отвыкать.

Мы живем все там же, только номер нашей квартиры не 14^а, а 10². Мальчики живут в Москве, мы довольно часто видимся — раз в месяц или в два. Глеб вторично женился (я вероятно писал об этом) и у него прелестная маленькая 10-месячная девочка Ася³. Илья до сих пор холостяк и постепенно вырабатываются у него старо-холостяцкие привычки, хотя он еще и молод⁴. Оба много работают и успешно продвигаются в научном отношении.

Не думай дурно обо мне за то что так редко пишу. Я и помню тебя и люблю и очень хотел бы, чтобы тебе жилось хорошо.

Привет и поцелуй Наде⁵ и Соне от меня и Лизы.

Твой Мих.

¹ Рукопись, 1 страница.

² М. Л. Франк с женой жили в профессорском доме Индустриального института.

³ Анна Глебовна Франк, род. 2 апр. 1936. В 1959–1983 работала в ФИАН, затем в Институте общей физики. Доктор физ.-мат. наук, профессор.

⁴ Вскоре, впрочем, — в том же 1937 г. — Илья Михайлович женился на Элле Абрамовне Бейлихис.

⁵ Надежда Александровна Браудо (1894–1976) — жена Льва Васильевича Зака.

13. М. Л. Франк — Л. В. Заку. 22 сент. 1937 г.¹

Франция. Париж

A Mr Leon Zack

38 rue Jeanne Paris 15^e2

М. Франк

Ленинград 21

Индустриальный Институт кв. 10.

22.IX.37

Дорогой Лева! Твое письмо, очень меня огорчившее, получил. Надеюсь ты напишешь мне о Сонином здоровье в ближайшее время. Хочется надеяться, что она поправится, ведь ей еще 62 года, а многие переносят воспаление легкого в более старшем возрасте³. Если сможешь ей передать, скажи, что я ее часто вспоминаю и, хотя нас судьба и разъединила, я ее по прежнему люблю и не забываю, как много она заботилась в свое время обо мне и как многим я ей был обязан. Надеюсь, что она поправится.

Мы живем потихоньку, все здоровы. Часть лета мы с Лизой отдышали под Ленинградом, часть под Москвой, где нянчили внучаток⁴. Шлем вам привет и пожелания здоровья. Твой М.

¹ Почтовая карточка. Штемпель: Ленинград, дата не читается.

² Очевидно, Rue Jeanne Hachette.

³ На самом деле Софья умерла ещё в июне 1937 г. Объяснение этого хронологического несоответствия — в публикуемом далее письме Л. Зака.

⁴ Речь идёт о дочерях Глеба — Анне (см. прим. 3 к письму № 12) и Анастасии (1937–1940).

Приложение

Л. В. Зак — С. Л. Франку и Т. С. Франк 6 янв. 1946¹

Vanves², 6-го января

Дорогие мои!

Получивши вашу телеграмму, жду теперь письма, хочу надеяться, что Глеб в своей телеграмме дал свой адрес и что можно будет ему написать, чтобы попросить его написать нам письмо. Так хотелось бы знать, как жил Миша последние годы своей жизни и в какой обстановке, при каких обстоятельствах умер. Осень 42 года была еще очень мрачным периодом в России, наступление немцев еще продолжалось. Можно думать, что Миша умер в Казани³, так как почта в свое время мне сообщила, что он переехал туда и так как в Сов<етском> консульстве мне сказали, что Политех<нический> Институт был переведен именно туда. Но это только предположение.

А я-то надеялся и мечтал еще увидеть Мишу! Мне нужно было еще повидать его, потому что мне казалось, что после его приезда в Европу в 28-м году благодаря невозможности регулярно переписываться (а может быть, из-за моей лени часто писать, потому что было еще время, когда переписываться не было опасно) душевная связь между мной и Мишей прервалась и мне чудилось, что Миша мне не пишет, потому что как-то «махнул на меня рукой» (по моей вине). Последнее письмо от Миши было то, которое он написал вам и которое вы мне прислали из Берлина. В нем он говорил о разводе Глеба и о его вторичной женитьбе⁴. Потом, уже в 37^м году, после смерти Сони, я написал ему открытку⁵, сообщил о ее болезни, на которую получил ответ (тоже открытку), где

Миша выражал большое свое беспокойство и надежду, что Соня еще поправиться⁶. Только тогда я написал ему подробное письмо со всей правдой о Сониной смерти — было это 3–4 месяца после дня Сониной кончины⁷. На это письмо я ответа уже не получил и, вообще, больше от Миши ничего не получал. Бог знает, может быть, Миша рассердился на меня за то, что я так долго не сообщал ему о Сониной смерти. Одним словом, все эти годы я мечтал о том, что я увижу Мишу, обнимусь с ним, скажу, как я его люблю. Потому что с детства я его очень-очень горячо любил, и эта моя привязанность к нему никогда не уменьшалась. Бог судил иначе, мне не пришлось еще раз обнять его, и мне от этого еще больней и грустней. Утешаю себя тем, что если сейчас, по ту сторону смерти, он еще не знает о моей к нему привязанности, то когда и я умру, он узнает о ней и тогда уже не понадобится для этого никаких объятий и слов.

Утешаю себя еще и тем (утешение нашего времени!), что в отличие от стольких погибших за это время, он умер естественной смертью, окруженный, вероятно, любовью и заботами семьи. Не думал я, что Лиза его переживет, она писала, что здоровье ее очень неважно, и это — лет 10 тому назад.

На какой адрес послал Витюша телеграмму Глебу? Говорят, что почтовые сношения между Англией и Россией действуют лучше, чем между Францией и Россией, так что было бы хорошо, чтобы кто-нибудь из вас написал Глебу письмо. Если будете ему писать, запросите его о судьбе Надиного брата Саи (Исайи Браудо), кот<орый> был профессором органа в Ленинградской консерватории⁸.

Я очень побаиваюсь, что слишком понадеялся на то, что получить визы (франц. и англ.) будет не очень трудно, боюсь также, что дорога будет теперь очень дорого стоить, так что попаду ли я к вам, это еще под большим сомнением. Буду во всяком случае пытаться реализовать это мое намерение. Попробую послать тебе, Сенечка, хотя бы одну коробку лекарства по почте, надеюсь, что с вас не возьмут большой пошрины.

Будьте здоровы! Пишите! Все мы крепко и нежно целуем и обнимаем вас. Пишу вам в вечер сочельника, завтра русское Рождество. Душою с вами⁹. Ваш Лева.

Приписка рукой Н. А. Браудо:

Родные мои, крепко вас всех обнимаю, всегда с вами. Спасибо Алеше за письмо, напишу ему на днях. Ваша Надя.

Приписка рукой Л. В. Зака:

Мое письмо еще не было отправлено, когда пришло твое, Сенечка, письмо. Я напишу письмо Глебу, но пришлю его вам, так как от вас, кажется, письма в Россию лучше доходят.

¹ Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture, Rare Book & Manuscript Library. Columbia University, New York. S. L. Frank Papers. Box 8. Zak, Lev Vasil'evich & Nadezhda Aleksandrovna. Рукопись, 2 страницы. На письме пометка рукой Т. С. Франк: «1946. По поводу смерти брата С. Л. Михаила Людвиговича Франка».

² В эти годы Заки жили в предместье Парижа Ванв.

³ Очевидно, Глеб в своей телеграмме указал только дату смерти Михаила Людвиговича, но не указал город, где он умер. В письме к В. Б. Ельяшевичу от 21 янв. 1946 г. С. Л. Франк тоже писал о Казани предположительно.

⁴ Очевидно, речь идёт о письме от 12 января 1936 г. (№ 11), только адресовано оно Льву Заку, и скорее уже он пересылал это письмо в Берлин.

⁵ Было, по крайней мере, ещё одно письмо вначале 1937 г., на которое М. Л. Франк ответил 8 марта 1937 г. (письмо № 12). Софья Франк умерла 12 июня 1937 г., о чем Лев Зак написал С. Л. Франку подробное письмо 15 июня 1937 г. (см.: ВА. S. L. Frank Papers. Box 8. Zak, Lev Vasil'evich & Nadezhda Aleksandrovna).

⁶ См. письмо № 13.

⁷ По свидетельству А. И. Франка, он видел в домашних бумагах письмо или открытку с извещением о смерти Софьи, а также с описанием её похорон.

⁸ См. примеч. 2 к письму № 3.

⁹ Лев Зак в 1941 г. принял католичество.

*Подготовка текста, публикация
и комментарии — Г. Е. Аляев*

М. М. Гершзон

ФИЛЬМЫ (НЕМЫЕ), СОЗДАННЫЕ НА ЧАСТНЫХ КИНОСТУДИЯХ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ И НЕ РАЗМЕЩЕННЫЕ В ИНТЕРНЕТЕ

Госфильмофонд России — крупнейшее в мире хранилище художественных кинокартин. Здесь находятся не только отечественные, но и зарубежные фильмы. Проводится работа по реставрации и оцифровке кинокартин. Условно отечественные фильмы можно разделить на несколько категорий. Немые фильмы, созданные в период Российской империи, немые фильмы созданные на частных киностудиях (в первые годы советской власти), немые фильмы, созданные на государственных киностудиях, звуковые черно-белые фильмы, звуковые цветные фильмы. Подчеркнем, что такая классификация условна. Поскольку кинокартины, снятые во второй половине XX века, можно еще группировать, например, по технике съемки и кинопоказа: обычные, широкоэкранные, широкоформатные, кашетированные, стереоскопические и т. д. фильмы.

В последние годы значительное число отечественных кинокартин было размещено в достойном качестве в сети интернет. Публикация в сети, — отчасти хаотическое, отчасти планомерное, продолжается.

Отдельный пласт фильмов составляют немые художественные фильмы, снятые на частных кинофабриках в первые годы советской власти — в 1917–1919 гг. (вплоть до полной национализации киностудий и кинофабрик). Таких кинофильмов, сохранив-

шихся полностью (а не частично, иногда по одной-две части из пяти-шести), и не доступных широкому зрителю до настоящего времени относительно немного — 16. Эти фильмы — неотъемлемая часть истории отечественного кино. Но они представляют интерес для почитателей отечественного кино и историков кинематографа не только потому, что были созданы в первые годы советской власти, но и потому, в частности, что в их создании принимали участие как классики отечественного кинематографа (имена которых стали впоследствии очень известны), так и те, чьи имена затем были практически забыты. Например, в одном из фильмов роль сыграл И. Перестиани (он в 1923 году снял «Красные дьяволята»), в другом главную роль сыграл известный актер немого кино И. Мозжухин, эмигрировавший в 1920 году. В фильме «Эпизод любви» снялся отец очень известной актрисы второй половины XX века, легенды отечественного театра и кино Т. И. Пельтцер — Иван Иванович Пельтцер. Автором сценария одного из фильмов, созданных в 1918 году стал Н. Н. Брешко-Брешковский — сын революционерки Екатерины Константиновны Брешко-Брешковской (ее прозвали бабушкой русской революции). О том, что Николай Николаевич был еще и режиссером малоизвестно. В 1918 году в качестве режиссера одного из фильмов выступил Федор Федорович Комиссаржевский — брат известной актрисы В. Ф. Комиссаржевской.

Фильмы расположены в алфавитном порядке:

1. «Белые голуби» («Сектанты», «За монастырской стеной»). 1917–1918. 6 частей. Автор сценария Ю. Спасский, режиссёр Н. Маликов. «Фильм из разоблачительной серии «Ищущие боа»; заимствован из литературных источников и материалов скопческих процессов в период царствования Александра I».
2. «Вероломство». 1922. 6 частей. Одесса. Одна из неоконченных постановок.
3. «Декорация счастья». 1918. 5 частей. Автор сценария Б. С. (так в каталоге), режиссёр Ф. Комиссаржевский (брат известной актрисы) и Б. Чайковский. Психологическая драма.
4. «Драма на охоте». 1918. 6 частей. Автор сценария и режиссёр Сабинский. Экранизация одноименной повести А. П. Чехова.
5. «Люди знойных страстей». 1917. 5 частей. Автор сценария Н. Брешко-Брешковский (сын известной революционерки), режиссёр В. Висковский, А. Шифман. Экранизация одноименного романа автора сценария.

6. «Малютка Элли» («Бездна жизни»). 1918. 6 частей. Автор сценария и режиссёр Я. Протазанов. В одной из главных ролей звезда немого кино И. Мозжухин. Психологическая драма по мотивам новеллы Ги де Мопассана «Малютка Рокк».
7. «Мечта и жизнь» («Я помню вальса звук прелестный»). 1918. 6 частей. Автор сценария — не известен, режиссёр А. Уральский. Экранизация пьесы Н. И. Потапенко «Волшебная сказка».
8. «Позор дома Орловых» («Бесчестие дома Орловых»). 1917–1918. 4 частей. Автор сценария Л. Никулин, режиссёр В. Туржанский. В одной из ролей — режиссёр «Красных дьяволят» И. Перестиани. Фильм «о разложении генеральской семьи».
9. «Поэт и падшая душа» («И душу падшую поэт извлек из мрака заблужденья»). 1918. 5 частей. Автор сценария Б. Мартов, режиссёр Б. Чайковский. Сентиментальная драма любви писателя к проститутке. Фильм опубликован в интернете частично (одна часть).
10. «Товарищ Елена» («Елена Чернецкая») 1917. 4 части. Автор сценария А. Вознесенский, режиссёр и худ. Б. Михин. История любви дочери генерал-губернатора, отдавшей служению народу и нашедшей в себе силы убить близкого человека, оказавшегося предателем партии. Из содержания фильма не ясно, о какой партии идет речь.
11. «Три вора». 1918. 5 частей. Комедия. Автор сценария и режиссёр не известны (по некоторым данным, А. Левицкий и Б. Светлов). Экранизация одноименных романа и пьесы Умберто Нотари.
12. «Фауст» («Тургеневская девушка»). 1918–1919. 5 частей. Киноповесть. Фильм не был выпущен (при этом не указано, сохранился ли). Автор сценария и режиссёр О. Рахманова. Экранизация повести И. С. Тургенева.
13. «Хамка». 1918. 5 частей. Автор сценария и режиссёр А. Ивановский. Экранизация одноименной пьесы Константина, история лакея, ставшего художником, но не нашедшего счастья в новой среде.
14. «Честное слово». 1918. Автор сценария и режиссёр И. Перестиани (режиссёр «Красных дьяволят»). Мелодрама — «трагедия человека, связавшего себя, в молодом порыве великодушия, словом молчать о дрянном поступке товарища»;

возможно, в дальнейшем переделана в фильм «Сестра декабриста».

15. «Шестая заповедь» («Нина Славянова»). 1917–1918. 5 частей. В одной из ролей — А. Коонен.
16. «Эпизод любви». 1918. 5 частей. Автор сценария и режиссёр О. Рахманова. В одной из ролей — отец актрисы Т. Пельтцер — И. Пельтцер. Любовная мелодрама, «трагическое сплетение судьбы двух людей, оказавшихся по воле рока в руках друг у друга и третьего лица...» Первая режиссерская работа О. В. Рахмановой.

Андрей Тесля¹

ДНЕВНИК КРАСНОГО ПРОФЕССОРА

Дневник историка С. А. Пионтковского (1927–1934) /
Отв. ред. и вступ. ст. А. Л. Литвина. Казань : Казанский государственный университет, 2009. 516 с.

В 2009 г. в издательстве Казанского университета вышел уникальный памятник советской эпохи — дневник историка Сергея Пионтковского, который он вел с 1927 по 1934 г. С одной стороны — странно отзываться на него так поздно, с другой — этот документ столь долго существовал неопубликованным, да и после публикации внимание к нему оказалось ограничено преимущественно профессиональными кругами, что, думается, отдаленность публикации во времени мало существенна для разговора о ней. Более того, желается, чтобы в обозримое время вышло второе издание этого замечательного текста, с развернутым комментарием, которого он несомненно заслуживает — ведь издание 2009 г. содержит лишь самые необходимые пояснения, да и по стилистике заставляет предполагать, что готовилось оно скорее на излете советской эпохи.

¹ Кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института истории Санкт-Петербургского государственного университета; старший научный сотрудник, научный руководитель (директор) Центра исследований русской мысли Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта. Адрес: (1) Менделеевская линия, 5, Санкт-Петербург, 199034; (2) ул. Чернышевского, 56, г. Калининград, Российская Федерация 236016. mestr81@gmail.com. Исследование выполнено в рамках гранта № 19-18-00073 «Национальная идентичность в имперской политике памяти: история Великого княжества Литовского и Польско-Литовского государства в историографии и общественной мысли XIX–XX вв.» Российского научного фонда.

Автор дневника — известный в 1920–1930-е годы советский историк, из числа «красной профессуры», в 1921 г. перебравшийся из Казани в Москву и ставший заметным своими работами о 1917 г., публикациями документов недавней истории — вошедший в коллектив авторов большой истории партии, готовившейся под руководством Ярославского и т. д. Как у множества его коллег — жизнь его заканчивается в 1937 г., он попадает в самую масштабную волну репрессий тех лет. В следственном деле сохранились и два экземпляра машинописной копии дневника — одна из которых после реабилитации в 1956 г. была выдана родным, и по ней и сделана публикация.

Пионтковский — из профессорской семьи, его отец был заметной фигурой в Казанском университете конца XIX — первых полутора десятилетий XX века. Профессорами стали и его младшие братья, наибольшего успеха добился Андрей — выдающийся криминалист, автор первого курса советского уголовного права (в свое время много вытерпевший от того, что его воззрения расходились с Пашуканисом, основным советским юристом-теоретиком — затем, после заката карьеры Пашуканиса, как и большинства теоретических светил 1920-х — начала 1930-х гг., это стало скорее благоприятной деталью его биографии с точки зрения советской карьеры).

Именно поэтому столь большое впечатление производит не содержание, а сам язык дневника — Пионтковский, получивший классическое образование, закончивший гимназию и историко-филологический факультет еще старого Казанского университета, профессорский сын, в записях для себя, размышляя о своем, самом близком и интимном, говорит языком газет и партийных брошюр 1920-х. Эта черта оказывается тесно связана с другой — с основным содержанием дневника: постоянными попытками всерьез осмыслить себя и свое время в рамках марксистской теории. Это постоянная работа над собой — чтобы видеть себя в «большом времени», понимать происходящее в рамках «больших процессов» — и в этих категориях описывать все происходящее, начиная с портретов знакомых, близких или случайных, вплоть до театральных постановок или заседаний научных учреждений.

Автор регулярно сетует, что записывает не часто, постоянно забывает о дневнике — а начиная писать обнаруживает, что записывать вроде бы нечего, суета дней, столь волнующая в моменте, в итоге обращается в серую муть повседневности — где засе-

дания, лекции, статьи, журнальные укусы в твой адрес и твои собственные выпады или попытки огрызнуться.

И во всей этой повседневности рисуется не только образ радикально меняющегося времени — но и незаметно для самого автора, по крайней мере оставляющего это без описания, меняющегося его восприятия. Показательно, что 1927–1928 гг. наполнены переживаниями, с одной стороны, по поводу буржуазных историков, окопавшихся в существующих институтах и успешно формирующих новое поколение своих учеников². С дореволюционными грандами Пионтковский знакомится довольно поздно — и тем сильнее его впечатление от них. С одной стороны — это признание чуть ли не непреодолимого профессионального превосходства, сознание того, что все, чем занимается он и его «красные» коллеги — по существу публицистика. С другой — совершенно замечательное удивление, что и они оказываются не лишены человеческой слабости и подлости — так, Пионтковский с изумлением фиксирует:

«Как-то после заседания Коллегии, разговаривая о будущем съезде историков-марксистов, Петрушевский указал мне на то, что в газетах пишут о выступлении с докладом Ясинского. Смотрите, говорит, не тот ли это Ясинский. Старикашка Петрушевский, одним словом, спешил донести и обратить мое внимание на другого, такого же, как он, беспартийного спеца — слависта» (220).

Настроения 1927–1928 гг. — «революция в отступлении», зарисовки бывших революционеров, которые все больше врастают в новый быт — и при этом тяготятся и желают его одновременно. Так, мимоходом, вспоминая «старых товарищей», знакомых уже много лет, Пионтковский пишет о Брауде, в 1917 г. бывшей секретарем Казанской организации социалистов-интернационалистов и максималистов, а в 1918 — зам. пред. Казанской ЧК:

«<...> знаю с 11-го или 12-го года. Вместе мы были в кружках студентами, потом, когда она ушла в ссылку, переписывались, снова встретились в 17-м году, все время встречались во время революции все же с годами не выросла дружба, а наоборот, уменьшилась и ушла. В 12-м году, я помню, мы все были преисполнены энтузиазма, светло верили во все слова. Я помню в 14-м году в момент объявления войны

² Так, о Богословском он записывает, взаимодействуя с ним в РАНИОНе: «Богословский — академик — русофил, великий русский шовинист, подал целую докладную записку с требованием уничтожить секцию новейшей русской истории и передать все в руки буржуазных историков» (115–116).

эта самая Брауде ревела в истерике из-за нарушения, из-за краха Интернационала, а теперь через нее прошла революция. Она оказалась одним из кровавых комиссаров, покрывших кровью Сибирь, при одном ее имени дрожала белогвардейская офицерия и во всех заграничных газетах писали об отталкивающей наружности Верки. А сейчас она стала просто чиновник — баба, честно делает свое дело до чепухи, а в свободное время купает в ванне собаку и мучает покорного мужа. Любит поговорить о любовных похождениях и о своих возлюбленных, которых у нее нет и не было, посплетничать в большом количестве, почитать беллетристику, и чувствует себя честным партийцем и революционером, от былого только и осталась еще суровая воля эсерки-террористки. Быть может, когда-нибудь она и восстанет, а теперь все больше сквозит в ней салонная баба, большая сплетница, готовая из-за сплетни подложить свинью близкому другу» (96–97).

В декабре 1928 г. он записывает, характерным для его дневника образом соединяя описание событие с их оценкой в свете текущей политики партии: «В шестом номере “Летопись Марксизма” появилась ругательная рецензия на книгу Полонского, а вслед за рецензией всплыла и вся история. Оказывается, рукопись в свое время из типографии была утащена Рязановым, и только после большого боя Полонскому удалось обратно отправить ее в печать. Ясно, что при этом они усиленно объяснялись, и в результате этих объяснений после выхода книги появилась ругательная рецензия, а вслед за этим началась отчаянная перепалка³. Рязанов написал ругательную брошюрку в ответ Полонскому, которая была конфискована в типографии, и Рязанов успел всего-навсего получить

³ К этим событиям относится запись в сохранившемся дневнике Вяч. Полонского «Моя борьба на литературном фронте»: «16/X. Мои “Заметки журналиста” в “Известиях”*. Из ГИЗа звонит какой-то сотрудник, имени не говорит, рассказывает, что рукопись моя, по ошибке доставленная Стеклову, — была им распечатана и прочитана, хотя на ней везде было мое имя. На другой день возвратил распечатанной.

Рязанов прислал письмо “Известиям” — в котором берет под защиту Стеклова и грозит доказать в “Летописях <марксизма>”, что моя книга “не нужна” и т. д. “Известия” отказались печатать письмо — и Гронский написал ему большое письмо, которое берет меня под защиту и укоряет Рязанова. По телефону он <Рязанов> обругал редакцию “Известий” “сборищем шарлатанов, прохвостов” и т. п.» [Новый мир. 2008. № 2].

* Имеется в виду фельетон Полонского «Заметки журналиста. О литературных нравах и литературной безнравственности» («Известия», 1928, 16 октября, № 241), с которого началась открытая полемика Полонского со Стекловым и Рязановым по изданию биографических материалов о Бакуanine.

в свое распоряжение 200 экземпляров. Полонский тоже написал в свою очередь ругательный ответ и тоже в нескольких сотнях экземпляров распространяет его по Москве. ЦК запретило им печататься, и они занялись тем, что пишут на печатных машинках ругательные статейки друг против друга и распространяют их среди литературной братии, обвиняя друг друга в бандитизме, в полнейшем ничтожестве, невежестве и всех смертных грехах. Полонский откопал откуда-то еще отзыв Меринга о Рязанове, Рязанов тоже не остался в долгу. Одним словом — красота.

А смысл всего этого, конечно, в том, что сумасшедший старик Рязанов, чувствуя свою полную безответственность, утащил из типографии рукопись Полонского с целью препятствовать выходу в свет его книги. Чем не бандитские нравы? И, несомненно, конечно, что такие нравы вовсе не социалистические, что они могут существовать только при отсутствии всякой ответственности, при отсутствии всякой возможности осадить того или другого зарвавшегося сатрапа, что они являются несомненным порождением и пережитками буржуазного строя, буржуазных отношений, принесенных с собой в партию. Правый уклон — это не только ясно выраженная права политика, но правый уклон — это вот такие, порожденные буржуазными нравами бандитские налеты» (217–219).

Записывая после празднования юбилея Покровского (25.XI.1929), Пионтковский отмечает:

«Все торжественно и с большой помпой, говорили речи о культуре, о классах, о борьбе с буржуазной идеологией — одним словом, высоко революционные вещи. А на практике тот же самый Покровский в РАНИОНе настоял на том, чтобы оставили председателем Петрушевского, оставили членом коллегии Волгина и тем самым привел нас к моральному поражению, потому что для Института истории не в том соль, чтобы перебить вывеску, а в том, чтобы добиться морального перевеса, сломать морально буржуазную профессуру. И когда после целого ряда литературных компаний, после бесчисленных разговоров о Петрушевском и против Петрушевского, все же Петрушевского оставляют, — это морально наше поражение, а его выигрыш.

В условиях РАНИОНа это означает, что морально буржуазные идеологи будут чувствовать себя тверже и устойчивее, будут более энергично бороться за молодежь и за свое воспроизводство. Оставление при таких условиях Волгина означает нравственное оправдание ему, поддержку его, означает, что мы капитулируем и под по-

кровом громких фраз стоим на месте. Морально от этого выигрывает лишь буржуазия. Это объясняется тем, что верхи нашего аппарата при всех разговорах и борьбе настолько подвержены аппаратной инерции, что двигаться им трудно. Для них Волгин, с которым они сидели уже десять лет, все же ближе и лучше неизвестных нас, которые могут прийти на смену. Я думаю, что это отражение общего настроения в стране. Говоря о напоре, о курсе налево, страшно преодолевать инерцию аппарата, а вслед за ней и противодействие враждебных нам классов, пытающихся использовать в своих целях аппарат. Это, несомненно, страшно сказывается в крестьянских районах, в низовых звеньях советского аппарата» (205–206)⁴.

⁴ Позволим себе выписать подробную характеристику Покровского, сделанную Пионтковским в дневнике после похорон историка: «С Покровским отошли в прошлое интереснейшие страницы из истории русской интеллигенции. Выходец из московской буржуазии, интеллигент до мозга костей, воспитанник Виноградова и Ключевского, Покровский уже в зрелом возрасте во время революции 1905 года пришел в нашу партию. Те, кто знали его раньше, никогда не предполагали, что Покровский будет большевиком. Одно время он был освобожден и занимал позиции правее Струве, а потом сразу скакнул к большевикам.

Как большевик из профессорской среды Покровский принес в партию две вещи: неуклонное презрение и ненависть к профессуре, великолепное знание этой научной среды, отсутствие всякого фетишизма перед ней и прекрасное знание науки. Он прошел у Виноградова хорошую школу. То, что он пришел к пролетариату из интеллигенции сказалось на всей его жизни. Это был мелкобуржуазный революционер, но революционер настоящий. Как мелкий буржуй, он больше всего ненавидел мелкую буржуазию и буржуазию и стоял всегда налево. Ему не хватало рабочей выдержки и постепенности. Историк у него портил политика, а политик портил историка и фактически он умер, не бывши ни историком, ни политиком, хотя и внес в историческую науку очень много и, несомненно, является историографической фигурой. Это был человек с большими способностями, остроумный и парадоксальный. В личной жизни, я знал его уже после революции, начиная с 1920 г., это был самодур и рабовладелец. Он не уважал людей и страшно ценил то политическое положение, которое имел. За него он держался зубами, в кровь грызся за увеличение и укрепление своего положения. Зам. наркома, одобренный и поддержанный на этом посту Лениным, он зубами держался за Наркомпрос и только в годы смертельной болезни, когда он фактически уже вышел из строя, он получил звание члена Президиума ЦКК, лишь для того, чтобы своим умирающим авторитетом удержать и опрокинуть авторитет Ярославского.

В политике он не имел своей линии. Очень долго до революции он держался около Троцкого и троцкистской группы и только после революции, после Октября, приехав в Россию, стал под знаменем большевиков и не в пример другим выходцам из интеллигенции, как Богданов и Рязанов, он с Октября не изменил генеральной линии партии и после недолгих колебаний к левакам (левым ком-

Здесь Пионтковский мыслит себя в качестве тех, кто атакует и «буржуазных идеологов», и тех, кто склонен идти на компромиссы с последними — уже пару лет спустя он будет защищаться от молодых, тех, кто в его глазах еще ничего не сделал — атакующих его за перегибы, недооценку и проч. в публикациях 1920-х.

В 1931 г. Пионтковский все чаще возвращается к мыслям, что «новый быт» еще далек от своего воплощения — споря в дневнике с Молотовым (с которым, в бытность гимназистом, когда Молотов учился в реальном училище, был знаком по подпольному кружку), заявившем, что фундамент социализма в Союзе уже построен:

«Слишком уж наш быт консервативен, мало в нем социалистического. Ну, что внесено в быт нового. Вместо попов на похоронах играет военный оркестр, вместо свадьбы в церкви ходят в ЗАГС, вместо абортотворцев — презервативы. Ну и все. Живут по-прежнему. Накопленный предыдущим поколением капитал — дома, постройки, города — давит своей тяжестью, держит в объятиях буржуазного индивидуалистического хозяйства» (412).

Здесь же попутно — замечания об изданиях «Academia» и их читателях: «Вузы переполнены крестьянской и рабочей молодежью. Мы раздвинули просвещение вширь и мы не можем сейчас поднять его вглубь. Культуры явно не хватает. А на этом фоне “рафинированные” издания Академии вроде порнографии средневековья и приключенческих романов Дефо. Все это попытки уйти

мунистам) в 1918 году он все остальные 15 лет стоял на генеральной линии партии. Вообще он чрезвычайно быстро поворачивался.

Лично, как человек, я не думаю, чтобы он в ком-нибудь оставил хорошие воспоминания. По крайней мере у меня, знавшего его более 12 лет, ни одной хорошей черты о нем, как о человеке, не сохранилось. Я как-то недавно спросил Тер-Аганесова — остались ли у него хорошие воспоминания о Покровском как о человеке — и тот тоже сказал, что нет. Покровский любил таскать каштаны из огня чужими руками. Он не прочь был свалить неудачу своего предприятия на ближайших помощников, чтобы самому выкрутиться. Но при всем этом у него было все же много такого, что заставляет вспомнить о нем как о верном бойце рабочего класса. У него было прекрасное политическое чутье. По одному отрывку исторической книги он определял политическую физиономию противника, определял его политические стремления и тенденции. Он был непримирим к врагам рабочего класса. Буржуазию он буквально готов был загрызть зубами. Его смерть в исторических рядах произвела большое опустошение и на место его полезли эпигоны, безличности из его ближайших сотрудников. При таком сатрапе, как Покровский, ближайшими сотрудниками могли быть только молчаливые исполнители, верно воспринимавшие все то, что им говорилось. И вот на сцену выплыл Адоратский, ставший академиком, дурак из дураков» (463–467).

от действительности, уйти от жизни, забиться в легком прошлом, уйти от социальных и классовых бурь, не видеть их ни в настоящем, ни в прошлом, чисто контрреволюционное явление. И книги эти читаются, главным образом, партактивом» (467). Вскоре он возвращается к читателям «Academia», встретив в Кисловодске в конце лета 1932 г. члена коллегии Наркомзема Пермского, с которым они в санатории целый месяц делили один стол:

«Мы разговорились, он оказался любителем истории и литературы, запоем читал Мазучио, собирает все издания Академии, увлекается Петром. Его биография исключительно интересна. До революции и до войны еще он решил обойти всю землю пешком и познакомиться с тем, как люди живут. Пешком продрал через Сибирь, прокармливаясь по дороге работой. Потом попал в общину каких-то сектантов, вроде молокан, и жил в ней, отрицая войну и правительство. Во время войны его как взрослого парня взяли в армию. Как сектант он отказался служить и был сначала братом милосердия. Потом на войне он претерпел крутое обращение и вступил в армию добровольцем, получил все четыре Георгия. В 1917 г. вступил в нашу партию, кончил курсы марксизма, теперь член коллегии Наркомзема. Он мне говорит, что с 1929 г. все пошло книзу в Советской России, не верит, что у нас улучшилось положение рабочего класса и уменьшилась смертность» (477).

С проработочными компаниями ему все тяжелее⁵ — он зафиксировал, что вот уже 1½ года ничего не печатал, в другом месте отметит, что боится читать лекции — жалеет, что избрал профессию историка и сетует, что ни на что другое не способен, и в то же вре-

⁵ При этом у него есть к ним интерес и историка, и зрителя. Так, летом 1933 г. он записывает: «Страшно жалею, что пропустил чистку Томского в ячейке Соцэкиза. Это само по себе исключительное явление — один из старейших членов партии, многолетний член ЦК, фактически в течение десятка лет руководитель профдвижения, проходил чистку, интересна сама биография, интересна сама личность, и я оказался ужасной шляпой, что не пошел на эту чистку. Нужно будет не пропустить чистку других, поскольку, если была чистка Томского, то, наверное, должна быть чистка Бухарина и Рыкова. Эти чистки интереснейшие события, которые следует описать и записать» (500).

В начале 1931 г. Пионтковский отмечает: «За этот год фактически сменился весь состав совнаркома и почти все составы всех коллегий наркоматов. А, в конце концов, сняли и Рыкова. Я правильно сделал, что сейчас же после 16-го съезда купил портрет Рыкова. Теперь найди-ка его с надписью “предсовнаркома”. А у меня на коллекцию подобраны такие портреты — есть Рыков, есть Троцкий в красноармейском шлеме с надписью “вождь Красной Армии”. Ни за какие деньги теперь не найдешь такого портрета. Есть первый состав политбюро» (405).

мя задумывает писать историю социалистического строительства, обдумывает вновь и вновь свое понимание истории в свете меняющихся директив.

Подводя итоги жизни в октябре 1932 г., после того, как ему исполнился 41 год, Пионтковский пишет:

«Все ждалось, вот дойдешь до вершины, что-нибудь получится особенное. Дошел до вершины, виден сорокалетний путь и не видно тех же сорока лет впереди, хотя видно ясно, что случится в ближайшем будущем. Я помню, как, когда я был мальчиком, все говорили, что из Сережи выйдет что-нибудь особенное и Сережа сам привык ждать, что вот-вот выйдет особенное. А пока ждал особенное — шло настоящее, жил настоящим, пренебрегая им, как проходящим, и ждал особенного как настоящего и вечного. Особенного не случилось, а проходящее случайное оказалось настоящим, и это настоящее, может быть, и особенное, но самое обычное. Жизнь как жизнь. Рос в мелкобуржуазной семье, социальное неравенство постигали не как систему эксплуатации, а как систему неравенства. Революцию ждали. Прежде всего как равенство, уничтожение барьеров, как раскрытие путей для индивидуальных талантов. К революции подходили как мелкобуржуазные бунтари и как бунтари бунтовали. Читали стихи возвышенные и бегали за собственными горничными. Потом готовились к общественной деятельности и борьбе между классами, сочувствуя одним и ненавидя яркой ненавистью других, тем, кому сочувствовали, тех социально не выражали, а тех, кого ненавидели — с теми были связаны культурой. Потом прокатилась волна революций.

Два класса воплотились в нас и вот докатился до пятого десятка. Одинаково могу читать Блока, а теперь начинаю изучать наизусть поэтов РАППа. Люблю стихи с их звучностью. Но ведь любовь к стиху сейчас в эпоху гулкой стройки и колоссальных изменений жизни не есть ли это сублимация от жизни. Думал открыть острова и материками ворочать, а всего добился комнаты в 34 кв. метра, груды книг и старого, какого-то захудалого вузика. Так профессор. Из жизни ничего не получилось. А, может быть, это — вот то, что получилось, и есть настоящее. Надо честно читать лекции, готовиться к ним, заслушивать доклады, редактировать. Все это можно делать, но мертвый хватает живого и на моем идеологическом фронте в области истории, с которой я вожусь 20 лет, меня дико, адски проработали. Может быть, сейчас я выдвигаю проработку как оправдание своей лени. Я мало работаю, а больше размениваюсь. Я в день хватаюсь за пять работ, поэтому и двигаюсь по пяти

дорогам, но двигаюсь карликовыми шажками. Это не дает результатов и, в конце концов, получается у профессора после 20 лет работы три тонких брошюры по 100 страниц. Меня адски проработали. Все мои книги изруганы и заплеваны. Меня даже теперь не печатают. Это вовсе не оправдание для лени. На самом деле за полтора года все, что я не напишу, регулярно возвращается обратно. И что самое скверное и самое страшное — то, что в проработанных книжках и в тех рукописях, что возвращают обратно, всегда находят троцкизм. *Я был верен генеральной линии, как верен солдат своему знамени, но почему же из меня на мои страницы проскакивает троцкизм, не как цельная концепция, а как мелкобуржуазные взгляды и настроения — мертвый хватает живого. Вырваться от своего собственного состояния оказывается невозможно* (курсив мой. — А. Т.).

Иногда меня обуревают адские мысли и мне кажется, что вся моя жизнь была сплошной ошибкой. Нужно было плыть совсем не сюда, не надо было заниматься историей, не надо заниматься наукой, не надо было брать как неоспоримое наследство интеллектуальную работу в обязанности [sic!] идеологии. Но куда бы мог вырваться мальчишка, выросший в атмосфере гуманитарных наук? Само ремесло профессора не для моей головы и характера. Ведь не могу же я объяснить свои неудачи ничем иным. *Кроме субъективной непригодности, другие объяснения от социального могут повести только к еще большему краху* (курсив мой. — А. Т.). Они могут привести к тому, к чему привело развитие индустриализма и бунтов мелкой буржуазии» (484–486).

Здесь примечательно, что проработочные компании и обвинения воспринимаются Пионтковским вполне добросовестно — он применяет к себе привычные ему методы марксистского анализа, чтобы понять, каким образом, вопреки его сознательным устремлениям, в его работах раз за разом проникает «троцкизм», когда он всеми силами пытается идти вслед за генеральной линией — вникая во все ее сложности и при каждом повороте стремясь в новой интерпретации дать новую непротиворечивую картину, включая все прошлое.

Этим внешним, отчужденным взглядом он смотрит на мир — избавляясь, преодолевая другой, тот мир, в котором вырос — который изредка прорывается у него, как, например, в один из приездов в Казань, когда он описывает как отправился на кладбище, в попытке найти могилу отца. Снега было много, могилу так и не получилось отыскать: «Мама сняла крест, он был раньше за-

метен с дороги, оставила только плиту, а теперь под аршинным пластом снега найти что-нибудь, никогда не найдешь. А может быть, и нет уже могилы. На Казанском кладбище такой же кризис жилплощади, как и на настоящей жилплощади» (240). Пару лет спустя, говоря о сыне, он будет свободен от сентиментального:

«Черт, с сыном у меня ни черта не вышло. Умудрился исключить сам себя из вуза. Так парень ничего, но в голове такая каша и буржуазия, и социализм в голове у него сварили такой необыкновенный суп, что никто не разберется. Ну, парнишка сам себя подвел под удар. Во-первых, не хочет заниматься, во-вторых, не хочет вести общественной работы, в-третьих, в голове девчонки, в 19 лет землю роет при виде каждой юбки. Теперь отправляется на завод на производство на год. Ну, посмотрим, какой он будет рабочий. В общем, если считать, что дети — обеспечение бессмертия, мне мой сын его не обеспечил. Заводить другого. Я вот теперь думаю, что, пожалуй, другого стоит завести. Во-первых, ясно, что если сейчас заводить, то через 10 лет у нас такой социализм будет, что это будет совершенно новое человечество, уже его так обработают, что он будет совершенно социалистическим человеком» (414) — и далее несколько страниц о ближайших перспективах социализма и сложностях его строительства, так что второй аргумент в пользу «завести другого» сына в дневнике так и не появится.

Так что при всем богатстве содержания — а дневник Пионтовского, помимо отмеченных тем, включает ценнейший материал по истории дебатов вокруг интернационализма/национализма, татарской и украинской историографии, взаимных обвинений в «шовинизме» и споров вокруг встраивания/выстраивания национальных исторических нарративов в общий советский историографический канон — основная ценность дневника, на наш взгляд — в возможности увидеть и анализировать устройство особого типа раннесоветской субъектности, сознательной работы над собой — через помещение в рамку общего, общезначимого и постоянного соотношения с актуальным как одну из техник этой работы⁶.

⁶ Ср. аналогичное в художественной форме в романе В. Вересаева «Сестры» (1931); см. подробнее: *Тесля А. А. Заметки читателя. XV: Последний роман Вересаева* // <https://politconservatism.ru/blogs/zametki-chitatelya-xv-poslednij-roman-veresaeva>.

О советской субъектности см. опыт концептуального рассмотрения в фукианской рамке: *Хархордин О. Обличать и лицемерить: генеалогия российской личности*. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2002.

А. В. Мартынов

Борис Меньшагин: Воспоминания. Письма.
Документы / Сост. и подг. текста П. М. Полян. М. ;
СПб. : Нестор-История, 2019. 824 с., ил.

Коллаборация в годы Великой Отечественной войны ассоциируется, как правило, с генералом Власовым и полициями. В общественном сознании под влиянием советского кинематографа давно сформировался стереотип полицая: небритый мрачный тип в майке-алкоголичке, поверх которой надет черный пиджак, из кармана которого торчит бутылка мутного самогона, заткнутая кукурузным початком.

В реальности, функции коллаборации не ограничивались лишь военными и полицейскими. Можно также говорить о политической, административной, экономической помощи врагу¹.

Поэтому рассказы участников таких менее изученных форм сотрудничества представляют интерес для историков. К ним, несомненно, могут быть отнесены воспоминания Бориса Меньшагина (1902–1984), служившего при гитлеровской оккупационной

¹ Подробнее о современных типологиях коллаборационизма и их критике см.: *Варфоломеева М. И.* Коллаборационизм в годы Великой Отечественной войны (на примере территории современной Белгородской области в 1941–1943 гг.) // Научные ведомости Белгородского университета. Серия История. Политология. Экономика. Информатика. 2011. № 19 (114). Выпуск 20. С. 202–204; *Макаров О. Ю.* Коллаборационизм и сотрудничество в Великой Отечественной войне // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2011. № 3 (1). С. 185–191.

администрации бургомистром сначала Смоленска (1941–1943), а затем Бобруйска (1943–1944).

Следует сказать, что его мемуары не являются единственными источниками по теме административной коллаборации. Так, в частности, оставили после себя свидетельства бургомистр Красного Луча (Луганская область) Иван Англезио², заместитель курского бургомистра Алексей Кепов³, сотрудники киевской и смоленских управ Константин Штепа⁴ и Владимир Меландер⁵.

Мемуары Меньшагина интересны тем, что охватывают не только собственно историю сотрудничества бургомистра с нацистами (с. 337–533), в которых он касался, в частности Смоленского возвания Власова и Катынского дела, но и его довоенную службу успешным адвокатом (с. 265–336), когда ему удавалось добиваться оправдательных приговоров. Вспоминал Меньшагин и послевоенную жизнь, большую часть которой провел в заключении (с. 534–583). Впрочем, 25 лет тюрьмы (из них 22,5 в одиночной камере) не помешали ему оставить зарисовки-портреты других известных узников Владимирской тюрьмы (Павла Судоплатова, Василия Шульгина). Тем самым, помимо рассказа о коллаборации в книге представлена двойная перспектива работы советской юриспруденции (извне и изнутри системы). Также сборник дополнен различными документальными свидетельствами, среди которых хотелось бы обратить внимание на письма Меньшагина (с. 587–689), его статьи в оккупационной и немецкой прессе (с. 732–742), распоряжения, изданные им на посту главы Смоленска (с. 712–714), а также воспоминаниями о нем самом (с. 254–261).

Что толкнуло юриста изменить родине?

По мнению составителя книги историка Павла Поляна, причин было несколько. Во-первых, сам факт, что «он и его семья, а также его возлюбленная и их дочь уже находились в оккупированном Смоленске», что предопределило необходимость налаживания отношений с новыми властями.

Во-вторых, мягко говоря, прохладное отношение к советской власти. Ведь, как адвокат, Меньшагин неоднократно сталкивался

² Harvard Project on the Soviet Social System (HPSSS). Schedule B-6, Vol. 11, Case 322.

³ Кепов А. Г. Курск в период оккупации // Курские мемуары: Научный исторический журнал. 2002. № 2. С. 25–37.

⁴ HPSSS. Schedule B-6, Vol. 11, Case 441.

⁵ HPSSS. Schedule B-6, Vol. 11, Case 439.

с произволом сталинских репрессий, а будучи верующим, болезненно воспринимал гонения на церковь.

В третьих, убеждение в победе гитлеровцев (с. 247–248).

Насколько Меньшагин был ответственен за совершенные в городе и области преступления? Объективности ради, следует иметь в виду, что находившаяся в его ведении вспомогательная полиция была одновременно подчинена и СД, поэтому в ряде случаев лицаев использовали поверх городского головы. Но это не значит, что бургомистр не нес ответственности за все совершенные ею злодеяния. Тем более, как свидетельствуют сами коллаборанты (Меландер) он имел соответствующие права: «Бургомистр мог судить и выносить приговор на свое усмотрение, к примеру, за разбой, ограбление, партизанскую деятельность, при необходимости дело передавалось в гестапо»⁶.

Поэтому, например, утверждение Меньшагина, будто он не был причастен к массовому убийству 95 психически больных пациентов, лечившихся в областной больнице поселка Гедеоновка, опровергается показаниями главврача, обращавшегося к нему в тщетной попытке спасти несчастных (с. 45–46). Малоубедительно и его слова, будто о ликвидации смоленского гетто (погибло около 2 000 человек) он узнал постфактум от своего заместителя, эмигранта Григория Гандзюка⁷. Полян справедливо отмечает странность ситуации: вице-бургомистр знал о грядущем массовом расстреле, а сам бургомистр не был информирован (с. 54).

Возможно, именно по поводу таких деяний Меньшагин, который в дальнейшем всячески избегал писать о своих преступлениях, как-то обмолвился, что десять лет из двадцатипятилетнего срока он готов признать заслуженными (см., напр.: с. 113, 245). Совершенные им преступления позволяют провести параллель между бургомистром и другим карателем, одним из организаторов администрации Новгорода и главой его службы безопасности («русское гестапо») Борисом Филистинским (после войны Филипповым), в не меньшей степени не желавший в послевоенных мемуарах вспоминать о своей репрессивной деятельности. Их также объединяет и активная публицистическая деятельность в коллаборационистской печати (Филистинский одно время был даже за-

⁶ HPSSS. Schedule B-6, Vol. 11, Case 439.

⁷ В расстреле принял участие другой эмигрант Николай Алферчик, возглавлявший местную полицию. Так же, как и Гандзюк, он был членом НТС.

местителем главного редактора псковской газеты «За родину»). В своих статьях Меньшагин писал: «Мы знаем, что кровожадный большевизм и его иудоплутократические союзники угрожают порабощением всему миру, и задача окончательного уничтожения жидовско-большевистской власти является первоочередной задачей нашего времени». Он выражал обеспокоенность по поводу детей, все еще остающихся «за каменной иудо-большевистской стеной» (с. 736, 741). В то время как Филистинский вспоминал о «еврейско-коммунистических прохвостах»⁸ и просто о «еврейской бездарности»⁹.

Не был успешен Меньшагин и как администратор. По мнению ряда историков, чьи оценки приводятся в рецензируемой книге (Майкл Дэвид-Фокс, Лори Коэн и др.), собственно хозяйственная деятельность бургомистра была малоудовлетворительной (год зимы 1941–1942 гг. заставил бежать из города 12 000 человек) (с. 177–178). Последнее подтверждается свидетельствами его подчиненных. Так уже упоминавшийся Меландер вспоминал после войны о плохом снабжении смолян продовольствием. Даже чинам администрации приходилось «пользоваться муниципальной столовой, которая снабжалась из остатков немецкой столовой (...) Были проблемы с пищей, главным источником была торговля на рынке, за высокие цены. Город распределял хлеб очень низкого качества, раздачи были, однако, в большинстве своем спонтанными и sporadическими (...) Город жил хуже, чем деревня»¹⁰.

Следует отметить, что, несмотря на всю лояльность новым властям, сами немцы довольно прохладно относились к своему союзнику. Помимо приведенного выше свидетельства, о снабжении русской администрации продуктами по остаточному принципу, можно вспомнить послевоенный отзыв о Меньшагине видного участника власовского движения гауптмана Вилфрида Штрик-Штрикфельдта: «Бургомистр работал раньше в НКВД. Позже, на немецкой стороне, он подписывал все, что от него требовали»¹¹. Интересно, что и другой известный коллаборант, командующий Русской освободительной народной армией (29-я ди-

⁸ Филистинский Б. О Родине и большевизме // За Родину (Псков). 20 октября 1943. № 245 (340). С. 1.

⁹ Филистинский Б. Человек, без которого Советы не могли обойтись // За Родину. 22 октября 1943. № 247 (342). С. 3.

¹⁰ HPSSS. Schedule B-6, Vol. 11, Case 439.

¹¹ Institut für Zeitgeschichte (Мюнхен). ZS 0406-5.

визия СС), ваффен-бригадефюрер СС Бронислав Каминский также до войны работал осведомителем НКВД¹².

Касаясь собственно личности бургомистра, нельзя не согласиться с Поляном, утверждавшим, что тот был «ситуативно-последовательный конформист» (с. 248). И в этой связи вызывают недоумение другие его утверждения, будто Меньшагин уникальная и значимая личность, «необычный человек» (с. 7, 243)¹³.

Вернее говорить об уникальном и значимом источнике (точнее, источниках) об одной из трагедий Великой Отечественной войне, которые создал отнюдь не уникальный предатель.

¹² Ермолов И. Г. Русское государство в немецком тылу. История Локотского самоуправления. 1941–1943. М., 2009. С. 39.

¹³ Представляется неуместной ирония Поляна в отношении «диплячьего мира» (с. 84) или «шуровавших по городу и области в поисках евреев айнзатцкоммандо» (с. 53). В первом случае речь идет о десятках тысяч бывших перемещенных лиц, не совершавших военных преступлений, которые выбрали изгнание из-за опасений стать жертвами репрессий у себя на родине; во втором — о трагедии Холокоста.

Л. Кацис

К выходу в свет книги: *П. Успенский, В. Файнберг.*
К русской речи. Идиоматика и семантика
поэтического языка О. Мандельштама. М., 2020
(Новое литературное обозрение. Научное
приложение. Вып. ССVI). 360 с. : Заметки читателя
историко-философской и мандельштамоведческой
литературы. XIX. Критика интертекстуального
мандельштамоведения (с большими подтекстами
и тонкой фразеологией)¹

I. ГЛЯДЯ ИЗ ЛОНДОНА

О ПРИНЦИПИАЛЬНОСТИ

По глобусу, как школьник,
Ищу в эфире путь:
— Товарищ мистер Гольдберг,
Скажи хоть что-нибудь!..

Поклеветчи! Поговори! —
Молю, ладони потные.

Александр Галич. 1970

Попробую быть принципиальным т. е. говорить прямо и без
подтекстов. Перед нами абсолютно уникальная книга, написанная

¹ Леонид Фридович Кацис — заведующий Учебно-научной лабораторией мандельштамоведения ИФИ РГГУ, директор учебно-научного центра библистики и иудаики, доктор филологических наук, заместитель председателя экспертного совета ВАК РФ по Теологии.

двумя соавторами, молодым доцентом НИУ ВШЭ, что еще бывает, и выпускницей, кажется, на данный момент первого курса магистратуры той же Школы филологии той же НИУ ВШЭ, чего почти не бывает. Надо понимать, что работать над книгой она начала, как рекламируется в НИУ ВШЭ для поступающих, на первом курсе, а закончила бакалавриат толстой даже для профессионалов монографией.

Честное слово, нам никогда не приходилось рецензировать плохо написанный текст ВКР (Выпускной квалификационной работы) для бакалавров публично. На внутренних в таких отзывах даже печать не требуется, не говоря уже о присутствии рецензента на защите. А тут не традиционный студенческий переплет из ближайшей мастерской, а серия, где выходили и труды М. А. Гаспарова, о нем и для него, и масса мандельштамоведческих книг, хотя бы Е. А. Тоддеса. Причем, основная работа «обложена» претенциозным введением «Без подтекста», полным, как и остальные добавления научного руководителя-соавтора глубоко скрытых и раздраженных выпадов в сторону неназываемого по имени противника, который здесь субституируется под названием «интертекстуальное истолкование Мандельштама», и полных самого разного рода подтекстов опять же приложений то ли руководителя, то ли руководителя с соавтором (-ршей, как теперь требуют феминистские феминитивы в передовой НИУ ВШЭ). Поэтому и требования к авторам должны быть соответствующими.

На первом же развороте (с. 6–7) мы видим кусок стенограммы конференции в Лондоне в 1991 г. с участием Иосифа Бродского, где сам Нобелиат, затем Кацис, <С. М.> Шварцбанд, <Г. А.> Левинтон и <М. А.> Гаспаров обсуждают, по мнению авторов, различные методы мандельштамовских штудий. При этом авторы считают, что «коллективная рефлексия о методе не удалась, свелась к шутке» (с. 8).

Понятие «коллективной рефлексии» нам вообще не знакомо, и на мозговой штурм это совсем не похоже. К тому же, шуточные споры в Лондоне совсем не были.

И здесь скажем сразу, что мнение Кациса из приведенного отрывка стенограммы, закончившегося словом «(Смех)» (с. 7) было случайной репликой после очень острых и длительных дискуссий попавших в стенограмму и отраженных в наших публикациях в «Вопросах литературы» и в трудах ИМЛИ, где разбирались очень сложные принципы реконструкции того, что сохранилось

в стенограмме на фоне того, что звучало на конференции и сборника ее докладов. Без этого понять и без того отрывочные реплики, разбитые знаками (...), вообще невозможно. Поэтому и надо подчеркнуть, что к моменту процитированного коллективного рефлексивного «смеха» наши очень обширные дискуссии и с И. А. Бродским, отраженные в стенограмме на заседаниях по «Оде» и «Стихам о неизвестном солдате», и с Вяч. Вс. Ивановым о т. н. физике и доплеровских спектрах только в «Солдате», (оставшиеся на пленках, которые имеются в Мандельштамовском центре НИУ ВШЭ, оцифрованные в Учебно-научной лаборатории мандельштамоведения ИФИ РГГУ, которой я руковожу со дня основания), уже отзвучали, но они не заинтересовали молодых и юных авторов книги.

Между тем, стоило бы знать, что только мы за все эти годы предпринимали печатные попытки ввести Стенограмму в научный оборот. Кроме того, научная этика требует отметить, что наши очень краткие реплики в процитированном отрывке касались работ принципиально противостоящих традиционной интертекстуальной парадигме. Достаточно привести хотя бы название нашего доклада, который обозначен в печатном тексте стенограммы «Эсхатологизм и байронизм позднего Мандельштама». Доклад этот был прямо направлен против Г. А. Левинтона и М. Б. Мейлаха — стойких адептов традиционных подходов.

Сказать это надо для того, чтобы стало понятно, почему уже на с. 9 понадобилось «Важное отступление», написанное знакомым стилем призеров Всероссийской олимпиады школьников по литературе (это и есть В. Файнберг в 2015–2016 гг.): «Мы бы хотели, чтобы читатель этого текста понимал, что нам важно **очертить контуры сегмента** научного поля (оно плоское или объемное? — Л. К.), а не **составлять табель о рангах и ранжировать исследователей** (Это не разные смысловые поля!? — Л. К.), обозначить **проблемную зону** (в сегменте или целый сегмент проблематичен?! — Л. К.) и привести критические размышления (чьи, либо — о чем? — Л. К.), а не **аннигилировать** сложившуюся традицию» (с. 9).

Здесь прервемся, т. к. пребывание в отделе кинетики Института химической физики РАН научило нас считать, что аннигиляция — это взаимный процесс уничтожения и порождения новых частиц. Кажется, в этом случае было бы, с учетом интенции книги, более уместно слово «аннулировать», или, ближе к нам — «обнулить» сложившуюся традицию.

Впрочем, для этого ее надо, как минимум, знать. А вот с эти у соавторов серьезные проблемы.

Поэтому приведем мнение Директора Мандельштамовского центра НИУ ВШЭ, далеко не нашего поклонника, П. М. Нерлера, который, в отличие от соавторов, в Лондоне был и, публикуя, пусть и с плохим комментарием, стенограмму все-таки читал... Обращаем внимание на терминологию: «Созвездие имен, собранных конференцией, впечатляет уже само по себе: Илья Серман, Роман Ти-менчик, Дмитрий Сегал и Самуил Шварцбанд из Израиля, Бенгт Янгфельдт из Швеции, Никита Струве из Франции, Ганс Роте из Германии, Чарльз Айзенберг и Джон Мальмстад из США, Сергей Аверинцев, Михаил Гаспаров, Вячеслав Иванов, Георгий Левинтон, Александр Мец и др. из СССР. Докладами были представлены едва ли не все существующие подходы, кроме разве что *исторической поэтики* Александра Морозова.

Как и следовало ожидать, многие доклады относились к интертекстуальной поэтике, где исследователь ищет — и во множестве находит — косяки разнообразных литературных подтекстов и аллюзий. Такого рода поиск, как правило, замкнут на эльмовские огоньки единичных слово — и фразоупотреблений и сильно зависит от эрудиции и остроумия исследователя, хоть проводи по интертекстуальности Уимблдонские турниры. Зато — и конференция это еще раз подтвердила — все чаще обходятся без концептуального, целостного прочтения и понимания стихотворения (попытку вернуться к основам этого подхода, то есть к установлению связей между мандельштамовскими и чужими произведениями на уровне именно целостного смысла тех и других предпринял едва ли не один Л. Кацис, доказывавший прямое влияние на “Стихи о неизвестном солдате” байронской поэмы “Видение суда”)².

Что помешало привести эту вполне адекватную цитату — не знаем. Почему бы не вписать себя в ряд тех, кто за десятилетия до вас размышлял на ваши темы в ваших же терминах и о том же самом событии 1991 г.? Неужели соавторы читали только один разворот стенограммы на с. 36–49 об «Оде», пропустив и с. 50–52 о «Солдате», откуда, собственно со с. 52 взята моя случайная цитата, и сославшись лишь на с. 53–54!?

² Нерлер П. Мандельштамовская конференция в Лондоне // «Сохрани мою речь...». Вып. 3/2. М., 2000. С. 9.

С таким историописанием мы согласиться не можем. Поэтому в соответствии со строгими правилами **историзма** восстановим (реконструируем, как говорили представители московско-остзейской школы), насколько возможно, то, что происходило в мандельштамоведении с 1970 по 2020 г.

Поэтому для начала обратимся именно к **истории и традиции**. Авторы разделяют два вида «ключевых практик толкования стихов поэта» — семантическую и интертекстуальную. Им ближе «семантический подход» статьи пяти авторов, а не интертекстуальный К. Ф. Тарановского и О. Ронена. (с. 10). Пусть так.

Теперь важный отрывок: «Так вышло, что в постсоветском мандельштамоведении интертекстуальные построения стали доминировать, почти вытеснив семантические штудии. В каком-то смысле унаследованная смысловая практика чтения поэта проиграла унаследованной же интертекстуальной парадигме. В результате Мандельштам превратился в великого шифровальщика русской и европейской поэзии, тексты которого переливаются подтекстами, как цветами радуги».

Закончим цитату об «аннигиляции»: «Поэтому мы стараемся как можно меньше называть имен и как можно больше говорить о принципах и практиках работы с Мандельштамом. Поэтому же мы просим читателя держать в голове, что всегда были исключения».

Таким **исключением из здравого смысла и истории** мандельштамоведения является абзац, скажем открыто, о нас и нашей давней работе: «Вот хрестоматийный пример, уже критически обсуждавшийся на другой мандельштамовской конференции (?! — Л. К.) в 1992 году. “Дайте Тютчеву стрекозу”, читаем мы в первой строке стихотворения поэта, но на самом деле должны читать “Дайте Осипу стрекозу”, потому что здесь имеется в виду сам Мандельштам. Можно решить, что этот случай анекдотический³. Вместе с тем в нем отчетливо виден механизм интертек-

³ И здесь у наших соавторов были скандальные предшественники и после автора цитированной ими работы, и ответы (не наши!) уже были, хотя бы в связи с книгой «Осип Мандельштам: мускус иудейства» (М., 2002), к которой мы еще обратимся. А пока опять история: «То же и в случае с новой книгой: брань становится аргументом, а жанр «как бы частной переписки» снимает необходимость в сносах и ссылаках. Тотальный негативизм и осмеяние всех и вся должны представить корреспондентов как единственных достойных Мандельштама интерпретаторов. Достается и Ирине Сурат, и Ом-

стуального мышления в том виде, в каком он прижился в научном поле: в тексте ничего не сказано, но у сказанного обязательно есть второй, скрытый план⁴; написанное нельзя понимать буквально — нужно выявить тайный шифр; смысл строки (или строфы, текста) не понятен без обращения к этой тайнописи (...) Здесь нас можно упрекнуть в том, что мы нарочно выбрали аляповатые случаи, но саму интертекстуальную теорию они никоим образом не опровергают. Упрек, несомненно, справедливый: неудачная практика совершенно не обязательно дискредитирует теоретические построения» (с. 11).

ри Ронену. Про Леонида Кациса пишется буквально следующее: «Тут дело даже не в конкретных амелиных & мордерегах, а в методологии «интертекстуальности», которую я считаю форменным бедствием, затронувшим, как это ни печально (хотя и по понятным, в общем-то, причинам) именно «мандельштамоведение». В этом плане приходится отметить прежде всего Кациса, написавшего толстенную (и на мой взгляд, совершенно позорную) книгу о Мандельштаме <... >, в которой нет — это на шестистах-то страницах убогим шрифтом! — НИ ОДНОГО убедительного сопоставления или толкования, хотя «интересного материала» там хоть жопой сивь. Но Кацис так и числится посмешищем и ходит в шутах (он даже не филолог, и его пару лет назад со скандалом исключили из Мандельштамовского общества, где он был «председателем», в чем, в чем, а в напористости ему не откажешь). Этот пассаж, кажется, вызвал уже судебный разворот рассматриваемой истории, и это понятно, ибо даже чисто фактологически вышесказанное — про председательство в Мандельштамовском обществе, скандальное исключение, «не филолога» и проч. — неправда. Можно по-разному оценивать книгу Кациса «Осип Мандельштам: Мускус иудейства», но описывать ее как вопиющий пример ругаемой соавторами «интертекстуальности» нелепо, поскольку сам Кацис последовательно выступает против этого метода (в том числе и в охаживаемом труде)»: *Давыдов Д.* Непонятный жанр ЛЕХАИМ СЕНТЯБРЬ 2011 ЭЛУЛ 5771-9 (233): <https://lechaim.ru/arhiv/233/davidov.htm>. Не будем называть этого автора, которому и сама И. З. Сураг не очень нравилась. Сегодня он подкорректировал свои взгляды, а наши юные соавтор с соавторшей только пришли к ним!

⁴ Приведем пропущенные юными историками мандельштамоведения наши строки из стенограммы: «Это же не мною придумано — я именно пытаюсь следовать тому, что написано! Ну...» и чуть далее: «в данном случае важно только то, что я попытался нигде не выйти за пределы того, что говорил Мандельштам. Если говорить о Байроне, то в “Разговоре о Данте” есть фраза, совершенно странная, о том, что “и в ад с презреньем заглянул — вот основа всего европейского демонизма и байронистичности” (...) Я нигде сейчас не назвал ни одного имени, ни одного произведения, которое бы не было каким-то образом упомянуто». См. страницестенограммы 51–52, которые, как видим не случайно, опущены Высшими филологами... И столь же не случайно указаны только с. 53–54, где ничего подобного нет, так как было уже сказано выше!

И тут же выясняется, что замечательный интертекстуальный разбор нашего «анекдотического» стихотворения дал, конечно же, О. Ронен с датой 2002 г. Между тем, это работа 1970 г., врученная тогда же юбиляру К. Ф. Тарановскому и опубликованная в 1973 г.

Сам автор статьи отмечает в позднейшем вступлении к русской републикации, правда 2002 г. (оно не понадобилось специалистам Высшего уровня филологии с «лучшего в мире филфака» по словам проф. О. А. Лекманова!), что работа вызвала и «острополемические письма... от В. Ф. Маркова, полагавшего, что в “Стихах о русской поэзии” все атрибуты поэтов намеренно перепутаны Мандельштамом»⁵.

Тогда было трудно понять, о чем идет речь. А сегодня интересующие нас письма известны и опубликованы после ухода из жизни обоих корреспондентов.

Вот цитаты из них, которые не могли нам быть известны ни при какой погоде, а вот в 2002 г. наша «анекдотическая работа» была О. Ронену прекрасно известна. Отсюда и лукавство процитированных строк. Итак, В. Ф. Марков:

«28 декабря 1970 г.

Глубокоуважаемый г-н Ронен!

Простите, что пишу по-русски, но русская машинка передо мной на столе, а за нерусской надо идти в другую комнату.

Я перед Вами в большом долгу: не отозвался в свое время на Вашу статью о Мандельштаме в студенческом “фестшрифте” Роману Осиповичу. Теперь же Тарановский познакомил меня с Вашей другой статьей, где Вы разбираете стихи того же Мандельштама о русских поэтах. Меня эти стихи всегда интриговали, и я о них думал.

Гипотезу Кирилла Фед<оровича>, что это из Тютчева, я сразу дисквалифицировал, потому что у Мандельштама сказано: “Дайте Тютчеву стрекозу, догадайтесь почему”. “Догадайтесь почему” – ключевая строка. Чего же догадываться, если достаточно перечитать небольшой томик Тютчева (“Вот эта книжка небольшая”: Фет), самого неплодовитого поэта в России, и найти там стрекозу, да еще единственную. Я именно из “догадайтесь почему” и исходил, но у меня до конца не вышло — то ли чем-то отвлек-

⁵ Ронен О. Поэтика Осипа Мандельштама. СПб., 2002. С. 13.

ся, то ли потерял интерес, уже не помню, У Вас *сходится* неплохо, но как-то скучно получается. Мой ход рассуждения был такой. Исходная точка — по-видимому, Козьма Прутков (“Дайте силу мне Самсона”). Если так, то замысел шуточный, озорной. Впрочем, для разгадки *смысла* стихотворения Прутков только исходная точка, но никак не ключ — и текстуально, может быть, и неважен. Впрочем, и тут я до конца не уверен: ведь у одного из создателей Козьмы — А. К. Толстого — как раз стрекозы (в одном из самых известных русских стихотворений “Где вьются над омутом лозы”), но тут мешает мн<ожественное> число (как оно мне мешает с Веневитиновым — почему я и дисквалифицирую его *три* розы сразу с места в карьер). Настоящим исходным пунктом для меня был Веневитинов, но не из-за роз. У него самый загадочный перстень в русской литературе (а не у Пушкина). Почему же перстень дан Мандельштамом не Веневитинову? Потому что Мандельштам намеренно перемешал предметы и поэтов — отсюда и “догадайтесь почему”. Если б не перемешал, так чего догадываться? Я и исходил из того, что предмет каждый раз дается “не тому” поэту. Я склонен считать, что второе стихотворение — часть первого и тогда лис — не имеет отношения к Державину (а к кому? может быть, к Крылову, кстати, претенденту на стрекозу тоже)».

Ответ Ронена тоже интересен и объемён, поэтому мы приведем из него лишь важные для нас, почему, станет ясно впоследствии, места:

«30 января 1971

(...) Вполне согласен с Вами, что замысел “Стихов о русских поэтах” шуточный и что ритмико-лексическая фигура, по крайней мере — в строфе о Тютчеве, напоминает Пруткова. Согласен и с тем, что Прутков тут текстуально не важен, во-первых, потому, что само жемчужниковское “Честолюбие” было жанровой пародией на эту фигуру, ставшую общим местом у романтиков <18>40–50 гг. с легкой руки Лермонтова: “Отворите мне темницу, / Дайте мне сиянье дня, / Черноглазую девицу, / Черногривого коня. / Дайте раз по синю полю / Проскакать на том коне, / Дайте раз на жизнь и волю, / Как на чуждую мне долю” и т. д. **Хотя у Лермонтова нет имен, П. Н. Берков, помнится — в примечании> к изданию> 1933 г., указал именно на это стихотворение> как на предмет прутковской пародии.**

Развернута пародия (исследователи Пр<уткова> этого, кажется, нигде не отмечают) на материале таких традиционных формул благословения или похвалы, как: “*Подай же им, Господи, Самсонову силу, храбрость Александрову, Иосифово целомудрие, Соломону мудрость*” и т. д. (Моление Даниила Заточника) или — “Сила же бе ему часть бе от силы Самсона” и т. п. (Жит<ие> Св. Александра Невского), — смешанном с романтическими клише: “Дайте лиру мне Гомера” (Мей); “Небо, дай мне длани / Мощного титана” (Хомяков); “Завещаю в память свету, / Я не золото, не серебро, / Но из крылий дам поэту / Чудо-творное перо” (Бенедиктов)² и т. д. Трудно сказать, что именно послужило М<андельшта>му отправной точкой, пародия или пародируемая фигура. Думаю, что последняя, т. к. м<андельшта>мовские стихи во всем, кроме ритма, принадлежат не к прутковской традиции, а к лицейско-арзамасской, которую, судя по сохранившимся отрывкам, культивировал Цех поэтов. Это застольные куплеты о собратях по перу, часто содержащие шутивную инвокацию поэтов прежних времен с их атрибутами. Короче говоря: традиция “Моих пенатов” — “Пускай веселы тени / Любимых мне певцов, / Оставя тайны сени / Стигийских берегов / Иль области эфирны, / Воздушною толпой / Слетят на голос лирный / Беседовать со мной / — И мертвые с живыми / Вступили в хор един”<и> т. д. — “Пирующих студентов” (“Придвинь же пенистый стакан”, ср.: “И подвинь ему бокал” (“Городка”)<,> “С Державиным потом / Чувствительный Гораций”, “Элизийских полей” Баратынского и проч<ее>.

Теперь об атрибутах. Думаю, что Языков, Баратынский, Лермонтов и Хомяков не вызывают у Вас подозрений: атрибуты явно не перепутаны. В строках о Тютчеве “Догадайтесь почему” значит не “где у Тютчева стрекоза?”, а “почему именно стрекозу?”. Эпигон дал бы Т<ютчеву> какой-нибудь мыслящий тростник или громокипящий кубок. М<андельшта>м называет не общее, а свое: стрекоза ведь одно из самых распространенных у М<андельшта>ма насекомых. (...) Ключом к загадке служит тот отрывок М<андельшта>ма о грозе (т. 2, стр. 487)⁶, который я цитирую в статье. По-видимому, он относится к “заготовкам” “Разговора о Данте” (см. т. 2, <стр.> 457, о грозе, “проходящей мимо и обходящей стороной”). Сюда же относится ци-

⁶ Все внутренние ссылки в цитатах сохраняются.

тата из Тютчева в прозе М<андельшта>ма (“Литературная Москва”): “Вечер мгlistый и ненастный. / Чу, не жаворонка ль глас? / Гибкий, резвый, звучный, ясный, / Он всю душу мне потряс”. Т<о> е<сть>: голос стрекозы, голос жаворонка — в ненастье, в грозу. В не-оконченном отрывке М<андельшта>м, вероятно, собиравался воспользоваться третьим важным для него ст<ихотворением> Т<ютчева> о грозе — “Неохотно и несмело ...”, где — “Зеленеющие нивы / Зеленеет под грозой” (ср.: “Жарче роз благоуханье, / Звонче голос стрекозы”). Грозу как “прообраз исторического события в природе” М<андельшта>м связывает, конечно, с “гражданскими бурями” и тем же летом 1932 г. пишет: “Поэзия, тебе полезны грозы”. Да и в “Стихах о русской поэзии”: “Гром живет своим накамом” и т. д. Стрекоза, т<аким> о<образом>, дана Тютчеву как метонимия грозы и как метафора поэзии. М<андельшта>м мог бы здесь воспользоваться и вполне эквивалентным образом жаворонка, но, возможно, предпочел стрекозу, вспомнив о пушкинском “Собрании насекомых” в расшифровке Тынянова: “Вот Тютчев мелкая букашка” — и пушкинское же: “Как на булавке стрекоза”. А. К. Толстой (“Где гнутся над омутом лозы”) — совершенно, я думаю, здесь не при чем. Озорство М<андельшта>ма — не пустая мистификация, а перепутать хрестоматийные цитаты — проделка скорее достойная Г. Иванова, который, мне кажется, даже Вас провел, рассказывая о ковре, на котором играл в детстве: ведь это Остап Бендер что-то такое врет Варфоломеичу в “12 стульях”, получая ордер на мебель и притворяясь сыном предводителя дворянства.

Далее Веневитинов. Все стих<отворение> М<андельшта>ма насквозь метонимично, и он вправе выбрать одну из трех роз (вероятно, первую), как поступил и Пушкин (“Есть роза дивная”). Гумилев берет у Вен<евитинова> две розы: “Перед воротами Эдема / Две розы пышно расцвели” etc. Да и все три они, по сути дела, триединый символ: “эмблема райской красоты”. Перстень непосредственно следует за розой: это М<андельшта>м как бы предупреждает вопрос читателя: “Ну, а перстень?” — если Веневитинову розу, то кому же перстень? Тут мне нечего добавить к тому, что сказано в статье: подтексты Веневитинова и Пушкина скрещены, у М<андельшта>ма Веневитинов фигурирует без перстня, а перстень — без хозяина. Подразумевается, что перстень, как символ главенства, принадлежит “тому, кого с нами нет” — Пушкину. В свя-

зи с Вневитиновым, хотел бы спросить у Вас: не кажется ли Вам, что Пушкин обязан ему не только “Тремя ключами”, “Талисманом” и “дивной розой”, но и темой “Домика в Коломне” (“Домовой”: “Что ты, Параша, так бледна”). Не знаете ли, писал ли кто-нибудь об этом?

Державин “хитрее лиса” вот почему. Он упомянут первым в “Стихах о рус<ской> поэзии”, а в державинской басне “Медведь, лисица и волк” идет спор о старшинстве: “Но старшинство ведь первенство имеет”; лисица Д<ержави>на проигрывает спор, но сам Державин сидит первый — как старший.

Жалею, что результаты моего разбора “Ст<ихов> о р<усской> п<оэзии>” показались Вам скучными. Мне расшифровывать было не скучно.

(...) О том, каким карандашом сделаны поправки в последнем ст<ихотворении> Фета, Садовской ничего не говорит: “Тетради последнего периода — рукою Е. В. Федоровой с поправками Фета (...). В заглавии последнего стихотворения умирающий Фет сделал поправки карандашом...” (Ледоход, стр. 186–187). У М<андельшта>ма вообще поразительный интерес к последним стихам, к их “графике”: грифельная доска Державина. *Кстати: некоторые признаки мертвых поэтов из “Стихов о русской поэзии” появляются позже, в стихах памяти Андрея Белого: “мучитель”, “стрекозы” (это уже стрекозы Белого, о которых писал К<ирилл> Ф<едорович>⁷) и “жирные карандаши”.* Слово “жирный” у М<андельшта>ма в те годы сильно окрашено его семантикой в “Слове о полку Игореве” (“жирна печаль”): обыгрываются оба предполагаемых значения слова, возникает побочный с точки зрения современного языка семантический признак “тленность”. В основном “жирный карандаш” – метонимия по смежности с одышкой и одутловатостью его владельца»⁸.

Теперь перед переходом к нашей работе, дадим примечание к пассажиру об “анекдотичности” с упоминаем, как ни странно, конкретного имени исследователя, но с «пере-

⁷ Кирилл Федорович Тарановский (1911–1993) — филолог, профессор Гарвардского университета.

⁸ <https://magazines.gorky.media/zvezda/2014/1/iz-perepiski-omri-ronena-s-v-f-markovym.html>.

путанными атрибутами»: «Разбор одного из приведенных, а также других (аналогичных) примеров см. в докладе М. И. Шапира 1992 г «Об одной тенденции в современном мандельштамоведении» (с. 11). Из него куда-то пропал подзаголовок « (ФИГУРА ФИКЦИИ)». А ведь был еще и вариант «об одном околонучном аферисте», активно рассылавшийся коллегам!⁹ Обращаем внимание и на слово «skandaly» в адресе: <http://www.guelman.ru/slava/skandaly/m2.htm>). Чтобы не было сомнений даем полную ссылку, чего постеснялись сделать соавторы, пошедшие даже на прямую фальсификацию названия инициального текста мировой «анти-кацисаны»: *Шанир М. И.* Об одной тенденции в современном мандельштамоведении. (Фигура фикции.) [в подлиннике на сайте еще и заголовок: **Скандал вокруг Мандельштамовского общества (1992)**], именно в этом виде известного Г. А. Левинтону, А. Г. Мецу и даже Г. Мореву, классику и эпигонам этого научного направления.

Сначала о «конференции 1992 г.», которой не было, ведь был доклад Шапира в МГУ, и о том, что было. Наш текст, действительно, обсуждался на конференциях 1991 г. и вправду был опубликован в первом выпуске «Сохрани мою речь...»¹⁰, однако ссылки на него, как и на массу других подразумеваемых моих работ не удостоился. И понятно почему: свехосторожный подзаголовок ломал всю игру теоретиков из НИУ ВШЭ, равно как полное название работы М. И. Шапира приводить было и вовсе неприлично. А рассуждал Шапир на все эти темы в МГУ даже не на филологическом факультете, т. к. совет Мандельштамовского общества с участием М. Гаспарова, этот доклад отверг, да и руководство филфака не одобрило¹¹.

Итак, к делу! Я, как ясно из названия моей работы, никогда не утверждал, что надо читать вместо «Тютчева» — «Осип». В статье было ясно сказано, что это именно подтекст и даже «возможный», а все дальнейшие подобные фигуры сопровождалась знаком * (обозначающим в лингвистике реконструкцию, а не сам текст).

⁹ [Http://www.guelman.ru/slava/skandaly/m2.htm](http://www.guelman.ru/slava/skandaly/m2.htm).

¹⁰ *Кацис Л. Ф.* «Дайте Тютчеву стрекозу...» (Из комментария к возможному подтексту). // «Сохрани мою речь...» Мандельштамовский сборник. М., 1991. С. 75–84

¹¹ Специально для тартуанцев: этот замечательный текст планировалось опубликовать в вашей газете «Alma mater», но тут-то она и закрылась.

Теперь о сути нашей работы.

1. Мы указали на связь этих стихов с «Честолубием» Пруткова.
2. Мы указали на связь этих стихов с «Собранием насекомых» Пушкина.
3. Мы привели пример по аналогии с работой Левинтона — иностранный язык как подтекст, на которую и указали, что возможна постановка вопроса об «имени как подтексте».
4. Мы указали на системный характер «подразумевания» второго слоя — имен современных поэтов — под именами поэтов XIX в., предусматривающего и варианты с разночтениями в связи с большой вариативностью расшифровок самого «Собрания насекомых». Приведем наши параллели: Тютчеву *Осипу (предложение Левинтона *Белому, теперь ср. у Маркова — Ронена); Веневитинову (*Коле Гумилеву¹² ср. у Маркова — Ронена о розах); «перстень никому» — (*Анненскому — Ник-то); Баргынского — *Маяковского; Лермонтов *Хлебников; Фета жирный (*Пастернака).

Отдельно отмечались варианты: отмеченный еще Н. И. Харджиевым, что «Хомякова борода» восходит к «Кумиру Небукад-нецара», мы предложили *Соловьева борода с его «Навуходонос-сором». Важен вариант строки о Фете «Пятна жирнонефтяные», где, похоже, мы имеем дело с анаграммой, т. е. с тем, что требует заведомой отгадки, но исключает игру в имена окончательного варианта. Сюжету «У ворот Иерусалима...» мы тоже посвятили специальную работу, оставшуюся Высшим филологам неизвестной¹³.

Неужели соавторам все еще хочется смеяться?!

Теперь напрямую об «анекдотичности» и неназванной соавторами т. н. «пастишности» наших «переписок» Мандельштама и даже «непрощенного соавторства». Много раз обвинял меня в этом и в «перифрастических играх школьников» Г. А. Левинтон (иногда в сослужении М. Б. Мейлаха) с 1991 г. Наиболее развер-

¹² Кстати, здесь возможно «Дайте розу Гумилеву» (предложение З. Бар-Селла), что лишь подтверждает тенденцию, которую мы выразили в сверхосторожной работе.

¹³ *Кацус А.* «... У ворот Иерусалима...» (об одном общем мотиве у А. Ахматовой, Н. Гумилева, О. Мандельштама, А. Белого) // *Oh, Jerusalem! Jews and Slavs.* Vol. 8. Pisa-Jerusalem. 1999. С. 211–220

нуто и грубо Г. А. Левинтон писал об этом в сборнике *Дело авангарда*¹⁴. Однако в собрании своих сочинений¹⁵ профессор Европейского университета, уже зная о переписке Марков — Ронен в «Звезде» его родного губернского города с интеллектуальной судьбой, снял кусок про «Дайте Тютчеву стрекозу...», заменив его грубым ответом, без упоминания нашего имени, на убийственную критику других его беспомощных трудов по структуре русской зауми. Впрочем, в различных вариантах своих «палинодий» он немало играл в игру упоминания — неупоминания нашего имени и работ, подражая, видимо, Мандельштаму или уподобляя себя ему. И здесь у наших соавторов оказался достойный предшественник-интертекстуалист!

В любом случае, соавторы были обязаны упомянуть своего почетного и уважаемого в тартуско- «выше-мерных» («полных жизнью») кругах учителя и предшественника. Они же ограничились работами лишь 1971 и 1979 гг., что странно, но характерно для большей части этой крайне архаичной во всех отношениях книги **МОЛОДЫХ** исследователей.

Странное сочетание предельной самонадеянности, плохого знания истории очень узкой дисциплины и отсылающие в 1970–80-е годы предмет и приемы полемики заставляют думать, что у руководителя бакалаврской монографии и ее автора были куда более великовозрастные предшественники или консультанты, претексты и контексты, либо мы имеем дело с какой-то давней домашней практикой чтения стихов, которая пришла в науку из дома кого-то из соавторов. Ведь с 17 до 20 лет, пока В. Файнберг работала над своим «девичьим альбомом» фразеологизмов Мандельштама, было не так уж много времени научиться чему-то, кроме школы и Всероссийской олимпиады школьников. Недаром список благодарностей соавторов открывается совсем неалфавитной благодарностью школьной учительнице. Впрочем, мы сможем судить об этом уже при анализе той идиоматики, которая, по мнению соавторов, позволяет избавиться от подтекстно-контекстного метода.

Нам кажется, как говорил «сам» М. И. Шапир, «эвристически бесполезным» продолжать анализ вязкого, вторичного и путанного введения к книге. Пора перейти к практике.

¹⁴ The case of the Avant-Garde / Ed. by W. Weststeijn. Amsterdam : Pegasus, 2008 (Pegasus Oost-Europese Studies, 8).

¹⁵ Левинтон Г. Статьи о поэзии русского авангарда. Slavica Helsingiensia. Vol. 51. Helsinki 2017.

II. «ОТЧЕГО ВСЕ НЕУДАЧИ...» ИЛИ ПОЧЕМУ
Я БУДУ ПИСАТЬ РЕЦЕНЗИЮ НА КНИГУ
«К РУССКОЙ РЕЧИ. ИДИОМАТИКА
И СЕМАНТИКА ПОЭТИЧЕСКОГО ЯЗЫКА
О. МАНДЕЛЬШТАМА»!

Ваша книга — это весть «оттуда»,
Утренняя благодатная весть.
Я давно уж не приемлю чуда,
Но как сладко слышать: «Чудо — есть!»

*Максимилиан Волошин о «Вечернем альбоме» —
первой книге юной Марины Цветаевой*

Почему я не буду делать доклада о Ман-
дельштаме?

Ю. И. Левин. Лондон 1991

Пройдемся теперь по наиболее ярким примерам работы с основным материалом книги — фразеологизмам, их анализам и определению соавторами их места в поэтическом универсуме Мандельштама, раз на этом строится якобы «новая» методика чтения поэта, которого в очередной раз вырвали из истории русской литературы и превратили в «неизвестного солдата» на георетико-политических маневрах.

Так как мы имеем в основной части книги дело просто со списком, будем нумеровать наши примеры, давая отсылки к страницам рецензируемого сложносоставного сборника, а не прописанной монографии, хотя, казалось бы, четырех курсов НИУ ВШЭ для этого достаточно ...

1. Начнем со знакомого нам «Дайте Тютчеву стрекозу...» «Баратынского подошвы / Раздражают *прах* веков» — идиоматичность выражения *прах* (*пыль*) *веков* оттеняется прямым смыслом слова *прах*, актуализованным с помощью *подошвы*, которой можно на этот *прах* наступить» (с. 97).

К этому месту дается замечательное примечание: «Это соображение подтверждается и отказом от черного варианта — Изумили сон веков» [Мандельштам I: 480]» (с. 97).

Здесь стоит порассуждать уже об объеме языковой компетенции соавторов, не учитывающих понятие «прах» — мертвое тело, не говоря уже об интересном созвучии со словом из следующей строки: «У него (кого?) без всякой прошвы *наволочки облаков*».

Именно учитывая это второе значение в сочетании с «облаком» и «наволочкой», мыс делали совсем не структуралистский вывод о том, что здесь «проступает» возможный *Маяковский, с его прямым обращением к небу, с «Облаком в штанах», наволочкой — желтой кофтой, телом, лежащим в гробу, откуда выступали громадные подбитые гвоздями подошвы ботинок. Это тот самый поэт, который собирался «явиться грубо и зримо», как он сам говорил в «Человеке» — «Маяковский в веках», впрочем, там же и «В небе». Честное слово, здесь и идиоматика, и подтекст из «Недоноска», названного выше Е. А. Боратынского, с «бортом» во «внутренней форме» его фамилии, дают много меньше, чем «возможный подтекст» — *Маяковский.

Так как авторы явно плохо знакомы с лексикой и идиоматикой Мандельштама, они не заметили, что именно наш вариант встречается в «Не мучнистой бабочкою белой...»:

Не мучнистой бабочкою белой
В землю я заемный прах верну —
Я хочу, чтоб мыслящее тело
Превратилось в улицу, в страну;
Позвоночное, обугленное тело,
Сознающее свою длину.

К великому сожалению для соавторов, это прямой парафраз стихов А. Адалис из сборника «Власть», который рецензировал Мандельштам, о чем мы писали давным-давно.

Не говорим уже о том, что при наличии в тексте чернового варианта «Изумили сон веков» для «подошв» Баратынского, наш «футуристический» пример анализа был бы невозможен. Теперь в том же смысле опять можно вспомнить и пример с «Фетом жирным» и «пятнами нефтяными-тафтяными», также оставшимися в черновике. Поэтому мы утверждаем, что поэт работал над своим текстом в совершенно определенном атрибутивном и связанном с номинативами направлении, очень далеко от идиоматики.

2. Вообще соавторы, ритуально признавая ценной работу Г. А. Левинтона об иностранном языке как подтексте, откуда и взят «Фета жирный» или «блуд труда в крови», из-за слабого представления о семантической вариативности омонимов в русских фразеологизмах, пропускают даже работы предыдущих поколений едва ли не единственной в истории уже трехпоколенной династии мандельштамоведов Успенских.

Так, они пишут после разбора «В осужденье судьбы и свидетеля» (наш № 3) о «ласточке хилой» из «Стихов о неизвестном солдате», ссылаясь на мнение предшественника, опубликованное в 1994 г.: «По мнению Б. М. Гаспарова, как намек на технический термин может быть воспринята *хилая ласточка* из строк “Научи меня ласточка хилая, / Разучившаяся летать...”, поскольку прилагательное *хилая* применяется к машинам: *хилая машина* — “слабосильная, ненадежная, опасная в обращении” [Гаспаров Б. 1994: 227]. Нам, однако, не удалось обнаружить выражение *хилая машина* в источниках до 1937 года» (с. 107).

Не удалось, и не надо. Ибо эта проблема давно решена, ровно через 50 лет после 1937 г. В. Н. Топоровым, который «... отмечал в эпитете *хилая* (из конструкции *ласточка хилая* в «Стихах о неизвестном солдате») созвучие с древнегреческим именованием ласточки *χελιδων*»¹⁶.

Одновременно проблема «праха-тела», «сознающего свою длину», это и хорошее пояснение к еще одному примеру соавторов.

3. «Высшая мера обыгрывается и в стихотворении 1934 года, традиционно относимого к шуточным (несмотря на зловещую тему): “Один портной / С хорошей головой / Приговорен был к высшей мере. / И что ж — портновской следуя манере, / С себя он мерку снял — / И до сих пор живой» [Мандельштам I:342]. В стихах, по точной формулировке И. З. Сурат, портной “обхитрил не что-нибудь, а саму смерть, обманул ее, подменив *вышнюю меру* портновской *меркой*. Этим магическим действием он трагестивировал смерть и отогнал ее от себя. Для самого поэта таким маги-

¹⁶ Топоров В. Н. К исследованию анаграмматических структур (анализы) // Исследования по структуре текста. М., 1987. С. 228–232. См. Литвина А, Успенский Ф. «Чепчик счастья»: К интерпретации одного образа в «Стихах о неизвестном солдате» Осипа Мандельштама // Toronto Slavic Quarterly. № 35. Winter 2011 http://sites.utoronto.ca/tsq/35/tsq35_litvina_uspenski.pdf.

ческим действием является подмена слова, снижение меры до меры»» [Сурат 2009: 197] (с. 111).

Точным это высказывание первого рецензента назвать трудно. Проблема здесь даже в том, «чем» или «кем» является «старуха с косой». Более того, все три исследователя почему-то уверены, что речь идет о «портновской мерке», хотя смерть связана с меркой гроба. Ведь не по законам «травестивной магии» (только по Сурат), а просто по обычаю, нельзя ложиться в гроб не по мерке, чтобы не было в доме еще одной смерти.

А вот пример из современного заговорника, однако явно восходящий к источникам не младше конца 1920-х гг., на нашу тему: о тех, кто при жизни дал снять с себя мерку на одежду и гроб покойника: «После этого найдите могилу *с таким же именем*, как у допустившего ошибку человека (того, кто позволил снять с себя мерку для покойника). Положите и на нее три блина и ложку кутьи и прочитайте такой заговор:

На море — на окияне, на острове на Буяне, / На полой поляне, / Под дубом мокрецким, есть дом, / А это могильный холм. / Лежит в нем человек, молчит, / Ни слова не говорит, / Глаза не открывает, руки не подымает, / Шубы, рясы не шьет, аршин в руки не берет, / Вещей не примеряет, людей не измеряет. / — Где, мертвец, твой аршин? / — На море — на окияне, на острове на Буяне, / На полой поляне, под дубом мокрецким, / В могиле лежит, мертвец его сторожит. / Там тебе, аршин, место, там тебе бытье, / А рабе Божьей (имя) на земле житье. / Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь»¹⁷.

Таким образом, магические действия «портного с хорошей головой» свелись к самообмеру после смертного приговора, когда **он сам под своим именем** стал мертвецом, но при жизни. Потому он и остался жив, что сделал обмер похоронной одежды и гроба **для себя самого, но покойника по приговору, где оба имели ОДНО имя**. В отличие, разумеется, от кого-то, кто ошибочно дал себя измерить для другого мертвеца. В одном случае — спасение — это отчитать ошибку (кстати, и в *смертном приговоре* = *заговору от смерти!*), а в нашем — нет, по Мандельштаму портному оказалось достаточно снять мерку с самого себя, чтобы не надо было о нем фразеоло-

¹⁷ [Http://warlocks.info/osobennoe/osobyi_zagovor_merka_na_grob.htm](http://warlocks.info/osobennoe/osobyi_zagovor_merka_na_grob.htm).

гически точно говорить «не сносить ему (хорошей портновской) головы» с прекрасной двойственностью колокаций — «не сносить тебе этого пиджака» и намеком на шутку-пожелание применительно к похоронам («... идет дурак по деревне; навстречу несут покойника. Увидал и давай кричать: “Бог помочь! *Носить бы вам — не переносить, возить бы — не перевозить!*” Оять его прибили; воротился он домой и стал жаловаться. “Вот, мама, ты научила, а меня прибили!” — “Ах ты, дитятко! Ты бы сказал: ‘Канун да свеча!’ да снял бы шапку, начал бы слезно плакать да поклоны бить; они б тебя накормили-напоили досыта”». См. сказку «Набитый дурак»).

И это хоть и загробная, но шутка, основанная на заговоре, включающем в себя профессиональное выражение «снять мерку», да еще и «на гроб», а вовсе никакой не фразеологизм.

Сравним в черновиках «Путешествия в Армению» два отрывка с нашим анализом «безобидной» эпитаграммы:

1. «Я хочу познать свою кость, свою лаву, свое гробовое дно, [как под ним заиграет и магнием и фосфором жизнь, как мне улыбнется она: членистокрылая, пенящаяся, жужжащая]. Выйти к Арарату на каркающую, крошащуюся и харкающую окраину. Упереться всеми [границами] фибрами моего существа в невозможность выбора, в отсутствие всякой свободы. Отказаться добровольно от светлой нелепицы воли и разума. [Если приму, как заслуженное и присносущее, звукоодетость, каменнокровность и твердокаменность, значит, я недаром побывал в Армении] Если приму как заслуженное и тень от дуба и тень от гроба и твердокаменность членораздельной речи, — как я тогда почувствую современность?»
2. «“Рост” – оборотень, а не реформатор. Кроме того, он фольклорный дурень, плачущий на свадьбе и смеющийся на похоронах — носить вам не переносить».

Это и есть настоящие контекст и подтекст, а не пустые идиомы и фразеологизмы, это и есть язык поэта, его поэтическая лингвистика и этимология¹⁸.

¹⁸ Восхвалив и пожуриив второго рецензента М. А. Бобрик, соавторы лишь на с. 290 пришли к выводу, что «Несомненно, проза поэта требует специального исследования в свете идиоматики». Ну пусть хоть так! А нам-то по «анекдотичности» нашей казалось, что авторская лексикография, частью которой является и описание авторской фразеологии, предусматривает целостное изучение языка поэта с самого начала, а не в самом конце работы. И эта позиция соавтора

И, главное, вывод поэта, который столь точно отражает разбираемую ситуацию:

3. «Недаром мы наиболее бестактны в возрасте, когда у нас ломается голос».

Такому итогу мы рады «в высшей мере»!

4. Особый класс примеров — библейские цитаты, не признанные соавторами и не указанные их рецензентами, включая д.ф.н. И. Сураг, редактором И. Булкиной и другими знатоками. Соавторы пишут: «Наливаются кровью аорты» («Стихи о неизвестном солдате», 1937). Идиома «наливаться кровью» означает «покраснеть от прилива крови под влиянием гнева» и, как правило, сочетается с глазами. В процитированной строке фразеологический смысл (!? — Л. К.) уходит, и словосочетание буквализуется — «аорты наполняются кровью»» (с. 120).

Буквализируется здесь цитата из пророка Иезекииля (37:1–10):

Была на мне рука Господа, и Господь вывел меня духом и поставил меня среди поля, и оно было полно костей, и обвел меня кругом около них, и вот весьма много их на поверхности поля, и вот они весьма сухи. И сказал мне: сын человеческий! оживут ли кости сии? Я сказал: Господи Боже! Ты знаешь это. И сказал мне: изреки пророчество на кости сии и скажи им: «кости сухие! слушайте слово Господне!» Так говорит Господь Бог костям сим: вот, Я введу дух в вас, и оживете. **И обложу вас жилами, и выращу на вас плоть**, и покрою вас кожею, и введу в вас дух, и оживете, и узнаете, что Я Господь. Я изрек пророчество, как повелено было мне; и когда я пророчествовал, произошел шум, и **вот движение, и стали сближаться кости, кость с костью своею. И видел я: и вот, жилы**

и соавторши, выделения не только Мандельштама из всей истории литературы и даже — уже — поэзии, но и исключение из анализа всей прозы, кроме авторметаписательных (термин Р. Д. Тименчика) «Слова и культуры», «Разговора о Данте» и «Скрябина и христианства», также безумно архаична, она восходит к мемуарам Н. Я. Мандельштам и к статье С. С. Аверинцева «Почему же все-таки Мандельштам?», уходя корнями в 1960-е гг., годы молодости дедов и прадедов соавторов.

были на них, и плоть выросла¹⁹, и кожа покрыла их сверху, а духа не было в них. Тогда сказал Он мне: изреки пророчество духу, изреки пророчество, сын человеческий, и скажи духу: так говорит Господь Бог: от четырех ветров приди, дух, и дохни на этих убитых, и они оживут. И я изрек пророчество, как Он повелел мне, и вошел в них дух, и они ожили, и стали на ноги свои — весьма, весьма великое полчище.

Что здесь идиома, а что пророчество, что здесь воскресение, а что человеческий гнев и т. д., имеющий уши да услышит, имеющий очи да прочитает, имеющий десницу да напишет, имеющий клавиатуру да наберет, и зная это, не придется «относить» — подносить аорты к глазам!!

Хуже, что у Мандельштама мы встречаем не только пропущенные соавторами библейские звенья, а то, что некоторые озадачившие их «идиомы» — просто цитаты из иудейских текстов и русскими, что идиомами, что подтекстами, они не являются.

Приведем их отдельно.

5. Особенно показателен «анализ» такого рода: «В осужденье судьи и свидетеля». В строке двоится семантика выражения *в осужденье*. С одной стороны, оно означает «неодобрение и порицание», но за счет судьи и свидетеля у слова осужденье возникает юридическое значение — «судебное обвинение». Этот судебный контекст, однако, оказывается *нелогичным и рекурсивным*), потому что здесь осуждаются судья и свидетель, то есть те, кто суду как раз не подлежит. Семантика порицания в итоге выходит на первый план, хотя юридические *ассоциации стремятся перекрыть это значение* (жирным курсивом в этой цитате выделено нами. — Л. К.» (с. 107).

Не будем предаваться догадкам, а просто приведем пример из нашей книги 2002 г. Вот слова из русского перевода Махзора на Рош-ха-Шана (специального праздничного молитвенника) в переводе 1900-х гг.: «Судимый сам себе свидетель и обличитель; ибо, чтобы всякий узнал свои земные поступки на суде, своею же подписью удостоверяет свои дела для суда; согласно его же показанию, творится ему суд, и по его же делам произносится ему приговор».

¹⁹ Кстати, это-то и есть «... зреньем напитать судьбы развязку ...» при обращении к начальнику евреев» из «Канцоны».

Аналогичный текст находим мы и еще в одном месте Махзора: «В сей день возвеличится держава Твоя, утвердится престол Твой, основанный на милости, и в правде будешь восседать на нем. Воистину, Ты – *Судья и Обличитель* и всеведающий *Свидетель*; Ты записываешь, скрепляешь печатью и счета ведешь».

б. Но есть и еще один пример такого же рода и из тех же строк: «Другим важным словом оказывается слово “изветливый” (...). На сей раз в Махзоре на Иом-Кипур – Судный день: “Возвышу глас свой, как трубный звук, раздававшийся при преподавании прекрасного Закона, к Тому, который соорудил прекрасно-могучие небеса. Определенное число жертв да будет заменено молитвенною речью, и тогда враждующий нам *изветник* будет посрамлен. *Удобленным бесчисленным звездам*, а ныне до земли униженным да будут прощены их беззаконие и провинность”».

Одновременно с этим, «Исключительно важны в “Стихах о неизвестном солдате” слово “ябеда”:

И висят городами украденными,
Золотыми обмолвками *ябедами* ...
и слово “изветовать”:
До чего эти звезды *изветливы!*
Все им нужно глядеть — для чего?
В осужденье судьи и свидетеля,
В океан без окна, вещество.

“Ябеда” у Даля означает: “клевета, напраслина, *извет*, наговор”. “Ябедник” — “изветник, клеветник”. К этому ряду пример: “Ябедника на том свете за язык вешают”. Есть у Даля и употребленное Мандельштамом слово “изветливый”: “наклонный к изветам, охочий до них” (из статьи к слову “изветовать”).

На наш взгляд, в “Стихах о неизвестном солдате” можно видеть уникальный пример “филологии” в прямом смысле слова — как словолюбия. Однако явление это связано не только с русским языком, но и с тем, как эти слова используются в Библии».²⁰

²⁰ Для «узла жизни» и «гарцующих букв» такого же источники приведены в: Криксунов П. Сияющая кавалерия виноградных строчек, или Древний комплексный образ буквенной и нотной записи у Мандельштама (из заметок переводчи-

И все это было написано еще в 2002 году в книге «Осип Мандельштам: мускус иудейства», а работа, легшая в основу этих рассуждений, где специально исследовались образы «Стихов о неизвестном солдате» в контексте целостных структур статей словаря Даля от слова, его вариаций, пояснений, до фразеологизмов и паремий, и основанная на обобщении до целостного «Словаря живого великорусского языка» — в продолжение и развитие работы Ю. И. Левина о структуре словаря пословиц В. И. Даля²¹, которая вышла в свет еще до рождения одного из соавторов²².

ка Осипа Мандельштама на иврит II) // OSTKRAFT. Литературная коллекция. 2020. № 2–3. С. 183–205.

²¹ Провербиальное пространство // Паремииологические исследования: сб. статей / Сост. и ред. Г. А. Пермяков. М., 1984. С. 109–126.

²² Кацис Л. Словарь «Стихов о неизвестном солдате». От «Толкового словаря живого великорусского языка» к библейской «Симфонии» // De visu. М., 1993. № 6. С. 39–43. Не можем пройти мимо рассуждения на с. 252 о «Стихах о неизвестном солдате»: «Таким образом, наш материал поддается и другой организации — тематически или по «гнездовому» принципу. Однако, поскольку далеко не все примеры складываются в более крупные тематические кластеры, мы решили классифицировать не саму идиоматику, а способы ее переосмысления» (с. 292). Понятно, что выпутаться из «классификации по способам ее осмысления» оказалось невозможно. Поэтому укажем, что именно в названной нашей работе, а также в: Кацис Л. «Хорошее отношение к лошадям» В. Маяковского (от фонки Алексея Крученых, Велимира Хлебникова, Вадима Шершеневича к «Словарю живого великорусского языка» В. И. Даля и обратно) // Метаморфозы русской литературы. Белград, 2009. С. 241–257: https://issuu.com/stefan.rozov/docs/_____e0fba960fb5f12; Кацис Л., Одесский М. Идеи «славянской взаимности» в творчестве В. В. Хлебникова и литераторов его круга // Известия РАН. Серия литературы и языка. № 1. 2001. С. 22–41 и в книге Л. Ф. Кацис, М. П. Одесский. «Славянская взаимность»: Модель и топика. Очерки. М., 2011 (глава о Хлебникове: https://www.academia.edu/39656463/Л.Ф._Кацис_М.П._Одесский._Славянская_взаимность_Модель_и_топика.Очерки._М._2011) специально рассматриваются проблемы гнездового объединения образности, метафоричности, идиоматики и т. д. на материалах творчества целого ряда русских поэтов. Об этих идеях можно было узнать и из «Записей и выписок» М. А. Гаспарова: «Подтекст Вот и достигнут логический предел: Л. Ф. Кацис объявляет подтекстом «Неизвестного солдата» словарь Даля (De visu, 1994, 5. Из раздела «Подтекст» в любом издании). Выражение М. А. Гаспарова совсем не шуточно, это и вправду, предел, но именно что — логический! Именно с этой начальной точки теперь можно было бы перестроить, будь они качественными и адекватными, фразеологические экзерсисы соавторов, классифицирующих «осмысление», не формализовав саму процедуру! Однако, как говорил один большой математик, автоматизировать беспорядок нельзя. Посмотрим, как это удастся магистрантке программы «Цифровые методы в гуманитарных науках» НИУ ВШЭ, посмотрим, впрочем, уже не будем по понятным причинам ...

Не будем множить примеры. Качество аналитической части — очевидно. И перейдем к специальной главе именно о фразеологизмах «Стихов о неизвестном солдате».

Изумление охватывает с первого же упоминания использованной литературы: Ронен 2002: 96–118 (на самом деле 1979 в Иерусалиме и 1991 уже в Москве), Левин 1979, Хазан 1991, Живов 1992, Гаспаров Б. 1994, Гаспаров М. 1996, Семенко 1997 — это тоже переиздание куда более ранней итальянской (Рим, 1986) книги!

Итак, последняя работа из списка вышла в свет до рождения младшей соавторши, а первые до рождения старшего коллеги!

Однако куда интереснее не фразеология. С ней все ясно, а совсем другой эпизод, когда соавторы благодарят сотрудника «Нового мира» В. Губайловского за указание из «Нового» же «мира» 1936 г. рядовой популярной статьи о проблемах «растяжимой вселенной», связывая это с выражением «растяжимых созвездий жиры».

Это еще ладно, хотя мы вернемся к данному эпизоду. А вот следующее за этим умозаключение заставляет задуматься то ли о грамотности, то ли о добросовестности соавторов:

«Сквозь эфир десятичноозначенный

Слово десятичноозначенный актуализирует термин скорость света, который метонимически переносится на эфир [Гаспаров М. 1996: 71]». (с. 259).

Насколько нам известно, первым стал пропагандировать «физическую» картину мира Мандельштама Вяч. Вс. Иванов²³, что можно было узнать из книги Гаспарова. Именно он вложил ее в уста Н. Я. Мандельштам, что отразилось и в ее комментариях к стихам поэта.

Однако в 1991 г., простите, я выступил против этого, будучи с. н. с. Института химической физики РАН и специалистом по вакуумному ультрафиолету. В статье «Мандельштам и Байрон» я поставил вопрос о том, что обширным подтекстом «Стихов о неизвестном солдате» является поэма Байрона «Видение суда». Именно эту идею, частично повторенную в Лондоне в 1991 г., и обсуждает Бродский и поливает грязью некто Шапир

²³ Иванов В. В. «Стихи о неизвестном солдате» в контексте мировой поэзии // Жизнь и творчество Мандельштама. Воронеж, 1990. С. 356–367.

(это и есть «другие (аналогичные) примеры» из его статьи, дипломатично не упомянутые соавторами на с. 11, но обсуждавшиеся поэтом, Вяч. Вс. Ивановым и даже Г. А. Левинтоном в Лондоне, последние двое удовольствия от этого не испытали...).

Главная же дискуссия развернулась там после моего доклада «Эсхатологизм и байронизм позднего Мандельштама (К анализу “Стихов о неизвестном солдате”, II)», где в качестве подтекста всего позднего Мандельштама от «Ариоста» до «Стихов о неизвестном солдате», с учетом «Разговора о Данте», называлась вся дантовская традиция. Именно окончанием этой дискуссии, но уже в форме реплик в совсем другой ситуации на панели и был приведенный фрагмент. Да и читали ли соавторы эту стенограмму или, как обычно, взяли из пятых-шестых рук...

Однако, именно там я разъяснял Вяч. Вс. Иванову, что «белые звезды обратно» никак не могут «мчатся в свой дом», т. к. спектр на земле красно-синий. Будущий академик, а тогда просто гуру, спросил меня: а белый бывает? Я ответил, конечно, только при постоянной угловой скорости и НУЛЕВОЙ РАДИАЛЬНОЙ составляющей, т. е. такие «звезды» *не падают и не возвращаются никуда!*

Поэтому так задело меня рассуждение в примечании на с. 258 о выражении «расширение радиуса мира...»

И далее — тоже вопрос:

«Слово *луч*, надо полагать, заменяет *пыль* из идиомы *размолоть в пыль*. Семантика вытесненного слова поддерживается строкой “Весть летит *светопыльной* обновой”.

Начинает число опрозраченный

Светлой болью и молью полей.

Как заметил Е. Сошкин, слово моль может актуализировать выражение *траченный молью*, а также высказывания, в которых человек как легкий объект истребления сопоставляется с молью» [Сошкин 2015: 210]» (с. 259).

Не будем анализировать эти *траченные молью* рассуждения. Давным-давно, в 1995 г.²⁴ мы показали, что десятки, сотни и т. д. до миллионов солдат в серых шинелях, которых Белый в «Записках чудака» (т. 2) видит в окне и с которыми ассоциирует себя, т. е., как изящно выражается «грамотеющее в шинелях» Научно-по приложения к «НЛО» новое поколение «любителей белозу-

²⁴ Кацис А. Ф. И.-В. Гёте и Р. Штайнер в поэтическом диалоге Андрей Белый — О. Мандельштам // Литературное обозрение. 1995. № 4/5. С. 168–178.

бых стихшков», с «легким объектом истребления» сопоставляемым «с молью».

Но хуже другое: далее Белый пишет о том, что физик Планк сказал, будто эфир — это ноль, а мы будем считать по Демокриту, видя в этих нолях души.

Итак, «нули» с их «болью и молью» оказались вовсе не метонимическими, как не метонимичен «ноль» Андрей Белый, да и скорости света оказались, как нам советовал это называть М. А. Гаспаров «Гиперионьими» или «Гиппокрифьими» (понятно, у классиков) или «дьявольскими» у Байрона, не связанными с 300 000 км/с. А «метонимические ноли» обрели вполне реальные души, метонимизируя не теорию относительности или квантовую механику (кстати, соавторам известен и любимый отсутствующим в указателе Вяч. Вс. Ивановым «квантовый компьютер» (8–9)), а простую миллионную статистику смертей «погибших задешево» «легких объектов истребления».

Какими же «Московскими чудаками» надо быть, чтобы начать книгу с фальсификации стенограммы Лондонской конференции, обойти комментарии «анекдотического» Кациса, сделать вид, что не существует наших статей обо всем этом²⁵ и, главное, «не заметить» книгу²⁶, где собраны все нужные нам статьи с 1991 г., да и там пройти мимо предисловия, где столь ненавистному соавторам интертекстальному методу и его адептам дана соответствующая оценка.

Один из таких адептов как-то написал об одном из названных соавторами авторов статей о «Стихах о неизвестном солдате», что не надо портить себе некролог. Мы можем лишь повторить это здесь, обращаясь к совсем юным исследователям, которым остается только снять мерку с самих себя (см. о высшей мере для филологов НИУ ВШЭ выше). И это единственный выход для их «Ганца Кюхельгартена».

Если же кому-то кажется, что позорнейший Мандельштамовский центр НИУ ВШЭ можно заменить такой филологией с РНД

²⁵ Кацис А. «Неизвестный Мандельштам» Иосифа Бродского. 25 лет Лондонской конференции к столетию Осипа Мандельштама // Вопросы литературы. 2016. № 6. С. 298–345; Кацис А. Ф. Иосиф Бродский о стихах Осипа Мандельштама 1917 г.: «Прославим, братья, сумерки свободы ...». Лондон, 1991 («Неизвестный Мандельштам» Иосифа Бродского II) // Перелом 1917 года: революционный контекст русской литературы. Исследования и материалы. М.: ИМЛИ, 2017. С. 298–319.

²⁶ Кацис А. Ф. Смена парадигм и смена Парадигмы. М.: РГГУ, 2012.

дипломами Тартуского университета, а это и один из соавторов, и один из рецензентов, и многие из поблагодаренных, и редактор И. Булкина, то вольному воля. Будем надеяться, что эта ситуация станет хорошей школой для тех молодых филологов, которые, как В. Файнберг, начали писать свою научную работу на первом курсе, а ударно закончили и экстренно выпустили ее еще до конца магистратуры и перед Тартуской аспирантурой.

Наконец, из нашего анализа хотя бы эпиграммки про «портного с хорошей головой» ясно, что честный анализ идиом и фразеологизмов в сочетании со знанием творчества Осипа Манделштама, приводит (пусть и *ad absurdum*, что вполне соответствует формальной логике) к обычной филологической процедуре анализа текста. А плевать «на алтарь» филологии, «где твой огонь горит» и «... в детской резвости колеб<ать> ... треножник» своей науки, право, не стоит!²⁷

Закончим же мы это письмо, напомнив об эпиграфах и вспоминая Максимилиана Волошина — «но как грустно видеть — куда нет!» на фоне «принципиальности» Александра Галича и его призыва из Москвы в Лондон «поклевети»!

²⁷ Для более серьезных читателей, которые не учились в НИУ ВШЭ и не изучали тамошнюю философию с культурологией и основами гуманитарного знания, напомним важнейшую теорему науковедения: «Любой монопараметрический детерминизм неверен». Поэтому идиоматика без подтекстов, цитат, аллюзий, влияний и другого инструментария филологии ничего не заменит и к новым результатам не приведет, «аннигилировав» лишь бакалаврский «метод» соавторов. Заметим, что очень разумной критике подверг и методологию, и особенно психологические выводы соавтора и соавторши к.м.н., психиатр Ю. А. Фрейдин, призвавший их не использовать методы экспериментальной нейрофизиологии. И тот же, уже в качестве манделштамоведа, резонно указал, что с идиомами и фразеологизмами, в мире которых мы живем, мы умеем работать, а мир интертекстуальности известен нам меньше и сам он сложнее, отсюда и меньшая точность в анализе и применении этих структур. Было это за год до выхода книги в Музее Марины Цветаевой (https://yandex.ru/video/preview?text=успенский%20файнберг%20ютуб&path=wizard&parent-reqid=1599048947874853-837676863052918194500190-production-app-host-man-web-yp-293&wiz_type=vital&filmId=13049398810511453116; https://yandex.ru/video/preview?text=успенский%20файнберг%20ютуб&path=wizard&parent-reqid=1599048947874853-837676863052918194500190-production-app-host-man-web-yp-293&wiz_type=vital&filmId=12781725747841352931; https://yandex.ru/video/preview?text=успенский%20файнберг%20ютуб&path=wizard&parent-reqid=1599048947874853-837676863052918194500190-production-app-host-man-web-yp-293&wiz_type=vital&filmId=12433231617317108950). Заметим, что ничего подобного «скандальному» предисловию к рецензируемой книге тогда не прозвучало.

Л. Кацис

К проблеме перечтения книги: *П. Успенский, В. Файнберг*. К русской речи. Идиоматика и семантика поэтического языка
О. Мандельштам. М., 2020. Новое литературное обозрение. Научное приложение. Вып. ССVI. 360 с. — на фоне работ Б. А. и Ф. Б. Успенских. Заметки читателя историко-философской и историко-«косоведческой» литературы. XX

I.

Я куплю себе
Косу новую;
Отобью ее,
Нагочу ее, —
И прости-прощай,
Село родное!
Не плачь, Грунюшка,
Косой вострою
Не подрежусь я...

А. В. Кольцов. «Косарь». 1836

В степи кочуют кочки —
И все идут, идут
Ночлеги, ночи, ночки —
Как бы слепых везут...

*О. Э. Мандельштам.
«Я около Кольцова...» 1936–1937 (?)*

Еще вчера казалось, что рецензия на книгу П. Успенского и В. Файнберг может считаться законченной, и перечитывать

этот «труд» смысла больше нет¹. И тут 16 июля 2020 г., как теперь и принято в современном мандельштамоведении, последовал IT-залп: *Мария Нестеренко*. Поэзия языка: как понимать стихи Мандельштама. Филологи Вероника Файнберг и Павел Успенский — о новой модели чтения стихов великого поэта: <https://gorky.media/context/poeziya-yazyka-kak-ponimat-stihi-mandelshtama/> и «рекламный ролик»: https://polit.ru/article/2020/07/05/ps_uspenskiy_fainberg/²

¹ Достаточно указать, например, в связи с не привлекшей особого внимания соавторов «Одой» «Когда б я уголь взял для высшей похвалы ...» (что у Мандельштама, что при обсуждении в Лондоне) лишь два примера, которыми они ограничились. 1. «Когда б я уголь взял для *высшей похвалы*» помещено в раздел «Нормативное употребление», а не единая метафора «*взять уголь — для высшей похвалы*». С. 77. 2. «Я б поднял брови малый уголок» — попало в раздел «Семантизация элементов идиомы/колокации» «поскольку в стихотворении описывается возможный рисунок, который бы получился, «когда б» поэт (теперь целиком! — А. К.) «уголь взял для высшей похвалы», первостепенным представляется буквальное значение строки: «я бы повыше нарисовал уголок брови». Однако, возможно, из-за подобного стечения слов (м.б. все-таки «стечения обстоятельств»?!) А то возникает какая-то странная коллокация ... — А. К.) проявляется и идиома поднять бровь («удивиться»). С каких пор описание очевидного телодвижения — т. е. жеста, стало идиомой, понять может только лингвист-рецензент М. А. Бобрин, которая, правда, знает «русский Мандельштам» только «как иностраный». И чуть далее вывод: «По-видимому, это удивление относится уже к говорящему субъекту, см. далее: «И поднял вновь, и разрешил иначе ... Гляди, Эсхил, как я, рисуя, плачу!». Наше указание на то, что это обращение Власти в «Прометее прикованном» указанного Эсхила к Гефесту: «Рыдаешь ты о Зевсовыхврагах, / Гляди чтоб о себе ты не заплакал ...» об-суждается и одобряется И. А. Бродским на неизвестных соавторам листах стенограммы. Из педагогических соображений оставим здесь загадку с под-текстом, который потребует особой расшифровки.». Теорию и практику подобного профессионального анализа см.: От слов к телу: сборник статей к 60-летию Юрия Цивьяна / [сост.: А. Лавров, А. Осповат, Р. Тименчик]. М.: Новое лит. обозрение, 2010, с которым соавторы могли ознакомиться дав-ным-давно, и в новейшем двухтомнике хорошо знакомого соавторам изда-тельства: «Язык и семиотика тела. Т. 1–2. Тело и телесность в естественном языке и языке жестов» (Г. Е. Крейдлин (отв. рук.), П. М. Аркадьев, А. Б. Лету-чий, С. И. Переверзева, А. А. Хесед. М., 2020), который вышел, к сожалению, одновременно с интересующей нас монографией.

² См. в предыдущем случае: Осип Мандельштам в «Особом IT отделе». 1. *Владимир Молотников*. «Мы живем, под собою не чуя страны ...»: вопросы к IT-науке. 2. *Леонид Кацис*. «Мы живем, под собою не чуя страны ...»: во-просы из личного опыта // OSTKRAFT. Литературное обозрение. М., 2020. № 2–3. С. 372–383.

Уверенность соавторов в том, что они сделали нечто действительно новое, такова, что автору рецензии показалось необходимым еще раз взять в руки книгу исследователей из НИУ ВШЭ и тартуанцев тож. Хотелось все-таки понять: «кому живется весело, вольготно» на филологических нивах.

Помнили мы и опыт М. А. Гаспарова из его знаменитой статьи: «... если задуматься над картиной восприятия стиха, которую рисует Тынянов, то мы увидим, что она предполагает предпосылку, которая очень существенна, но о которой прямо не говорится. А именно, предполагается, что данные стихи воспринимаются читателем впервые в жизни, что перед нами акт ПЕРВОЧТЕНИЯ. В таком случае, действительно, читатель подступает к тексту без каких-либо априорных ожиданий, каждое слово вносит в его сознание что-то новое и перестраивает то старое, что отложилось в сознании из предыдущих слов. Что впереди — неизвестно и раскрывается лишь постепенно, слово за словом, т. е. сукцессивно; только то, что позади, может быть окинуто единым взглядом, т. е. симультанно (см. ПСЯ, с. 54 о тождествах “прогрессивное = сукцессивное” и “регрессивное = симультанное”). Попробуем вообразить, что перед нами акт не первочтения, а ПЕРЕЧТЕНИЯ, и картина, изображенная Тыняновым, значительно поблекнет. Текст уже знаком, т. е. предстоит сознанию симультанно — конечно, не в подробностях, а лишь в основных чертах. Каждое воспринимаемое слово воспринимается в его связях не только с прочитанным, но и с еще непрочитанным, ориентируясь на эти узловые моменты дальнейшего текста. Чтение движется не по словам, а по целым словесным блокам, различая опорные “сильные места” и промежуточные “слабые места” текста. Это не столько познание, сколько узнавание. Можно сказать, что поэтика перечтения напоминает практику акмеизма с его “радостью узнавания”, а утверждаемая Тыняновым поэтика первочтения — программы футуризма с их лозунгом “Прочитай, разорви!”»³.

Первую, «футуристическую» часть программы мы выполнили в Заметке XIX, теперь же мы решили, используя опыт старшего коллеги, выполнить «акмеистическую» ее часть.

³ Гаспаров М. А. Первочтение и перечтение: к тыняновскому понятию сукцессивности стихотворной речи // Третьи тыняновские чтения. Рига, 1988. С. 15–28.

И неспроста. При перечтении нашей Заметки XIX, после обращения к вступительным положениям книги соавторов, имея опыт чтения стихов О. Э. Мандельштама «К немецкой речи», анализа стихов русско-израильского поэта Михаила Генделева «К арабской речи»⁴, опубликовав не так давно статью «К французской речи» о Мандельштаме и Парнахе-Парноке⁵, грех было повнимательнее не присмотреться к книге со столь интересным заголовком «К русской речи», который явно противоречит откровенно подтекстному «К речи немецкой», куда хотел «уйти ИЗ НАШЕЙ речи» О. Э. Мандельштам. Неужто «нашей» это нечто обратное/антоним «русской»?

К тому же, нам показалось, опять же при перечтении книги, что примеры с «Портным с хорошей головою ...», «Не мучистой бабочкою белой», даже «простенькое» «Дайте Тючеву стрекозу ...» для авторов книги трудны и не совсем понятны. О «Стихах о неизвестном солдате» и речи быть не может.

Поэтому нам, как «старшему товарищу, неглупому и чуткому» захотелось в чисто педагогических целях поискать какой-то абсолютно ясный для авторов пример, на котором можно было бы понять их новый метод и попытаться вставить острие своей косы между камней их построений.

И такой случай представился при «выпуклой радости узнавания» строк О. Э. Мандельштама

Были очи острее точимой косы —
По зегзице в зенице и по капле росы, —

И едва научились они во весь рост
Различать одинокое множество звезд.

9 февраля 1937 г.

Написанное о них соавторами оказалось столь поразительно, что мы просто воспроизведем эти страницы, чтобы, не дай Б-г, не внести сюда каких-то искажений.

⁴ Кацис А. Туда смотреть отсюда. [Рец. на: Генделев Михаил. Любовь война и смерть в воспоминаниях современника. М., 2008]: <https://magazines.gorky.media/nlo/2008/6/tuda-smotret-otsyuda.html>.

⁵ Кацис А. «К французской речи» или Если Парнок — не В. Парнах? «Пансион Мобэр» и О. Мандельштам // Русский Сборник: Исследования по истории России. Т. XXIV. М., 2017.

Если базирующиеся на подтекстах интерпретации настолько персонализированы и часто неубедительны для других читателей, на что же необходимо опереться для формализации смысла текста? Как нам представляется, нужно прежде всего ориентироваться на язык, поэтому ниже мы предлагаем языковой разбор стихотворения.

«Были очи острее...» примечательно тем, что его смысл разворачивается благодаря отталкиванию от «готовых» языковых элементов, так или иначе проявляющихся в каждой строке. Так, первый образ основывается на коллокации *острое зрение*. Здесь она модифицируется: прилагательное *острый* как будто понимается буквально и потому *очи* сравниваются с *точимой*, то есть острой, косой. Одновременно лексема *очи* и лексема *зеница* во второй строке — это фрагменты идиомы *беречь / хранить как зеницу ока*. Обратим внимание на то, что Мандельштам пользуется закрепленной в языке близостью слов, однако смысл идиомы в текст стихотворения не переносится (*очи* употребляются здесь в прямом значении, а *зеница* — как синоним зрачка). Идиома, таким образом, лишь мотивирует словесный ряд.

Во второй строке друг на друга накладываются идиома *по капле* и частотное устойчивое словосочетание *капли росы*. Благодаря этому наложению слово с предлогом читается в двух планах: в буквальном ('в каждом зрачке по одной капле росы') и идиоматическом ('в каждом зрачке понемногу росы'). В отличие от предыдущего случая, здесь одновременно сохраняется исходное значение идиомы и актуализируется прямое значение входящих в нее слов. Добавим, что рифмопара первых двух строк — *коса / роса* — в языковом плане может быть мотивирована пословицей *коси, коса, пока роса* (отметим также «утреннюю» семантику фразеологизма и второй части второй строки).

По-видимому, фразеологизм в третьей строке — *во весь рост* — должен восприниматься в идиоматическом смысле — 'полностью, в истинном значении'. Однако на практике этого не происходит. Обычно *во весь рост* может являться только тот объект, у которого есть характеристика высоты/роста или который наделяется этим параметром метафорически,

например благодаря глаголу *вставать* (ср. сразу же *встал во весь рост* вопрос о том, что делать). Здесь же *встал во весь рост* связана либо с существительным *очи* (которое не может быть оценено по критерию высоты / роста), либо с глаголом *различать* (семантику роста не продуцирующим). Так возникает почти каламбурный эффект: слова, составляющие ядному, прочитываются в буквальном смысле и зрение приобретает не присущую ему характеристику высоты ('глаза смотрят во весь свой рост'). При этом переносное значение в строке тоже сохраняется и выражает интенсивность нового качества зрения. Вероятно, своего рода пульсация смысла идиомы *во весь рост* задается и предыдущим случаем — двойным прочтением словосочетания *по калам*.

Наконец, *одинокое множество звезд* также обыгрывает «готовые» языковые конструкции, контрастно отталкиваясь от таких частотных выражений, как *великое множество*, *бесконечное множество*. Если в узусе такие выражения призваны подчеркнуть только большое количество чего-либо (сма 'очень много'), то в последней строке стихотворения Мандельштама вновь создается смысловая пульсация: в ней возникает, с одной стороны, антропоморфная (*множество звезд названо одиночим*), а с другой — математическая (*одинокие звезды объединены во множество*) перспектива.

Таким образом, семантическая развертка этого стихотворения определяется не столько темой обостренного зрения, сколько устойчивыми языковыми элементами, цепляющимися друг за друга и во многом детерминирующими лексический состав текста.

Так о чем же текст? Он — об остром, переживающем свою «молодость» зрении, которое ощущает возможность воспринять разномасштабные явления окружающего мира — от чая, когда смысл стихотворения Мандельштама менее интересен, чем его языковое устройство.

Добавим, что нам не кажется необходимым искать цельный «скожет», как это сделано в работе Гутриной. Взаимодействие читателя с этим стихотворением в первую очередь должно быть построено на осмыслении употребления слов.

и тогда становится видно, что образы, их семантика и их новизна возникают в результате неконвенционального, непривычного использования и комбинирования слов.

Быть может, наш скромный вывод, что «Были очи...» — стихотворение о зрении, причем его единственная тема разветвляется благодаря обыгрыванию устойчивых языковых конструкций, кому-то покажется слишком простым или даже наивным. Отчасти, в свете глубоких интертекстуальных прогулок, нам самим наше рассуждение кажется каким-то маленьким. Однако в нем мы точно уверены, в отличие от построений Роиена и Гутриной.

Мы также убеждены, что это стихотворение не самое удачное в творческом наследии Мандельштама: нам представляется, что его смысл не вполне продуман, текст кажется наброском или экспромтом. Но происходит это не потому, что нам не удалось обнаружить «главный подтекст», а потому, что мы, понимая его отдельные элементы и видя их связь с языком, упираемся в смысловую неартикулированность. Вероятно, описание «острого зрения» оставляет нас как читателей равнодушными. Кажется, на фоне других воронежских стихов этот текст действительно не самый яркий и эффектный.

Но это стихотворение обнажает одну удивительную особенность поэзии Мандельштама. Описанное выше взаимодействие с языком позволяет его произведениям быть одновременно поэзией сдвигов (столь ценимых в модернизме) и поэзией формул (столь характерных для традиционной литературы в широком смысле слова). За счет такой виртуозной двойственности стихи Мандельштама и удивляют своей необычностью, и кажутся — на каком-то уровне — очень понятными. К этой мысли мы еще вернемся в книге, а пока заметим: вряд ли кто-нибудь возразит, что «Были очи...» — стихи о зрении, хотя о зрении сказано в них достаточно необычно.

Лучше ли такой разговор о стихах Мандельштама интертекстуального метода — решать читателю. Мы считаем, что он тоже уязвим для критики, но все же имеет право на существование. Поэтому дальше мы будем писать о Мандельштаме и его языке.

Эти несколько страниц — квинтэссенция методологии, стилистики и даже поведенческих стратегий соавторов. Sapienti sat!

Комментировать их грубые выпады в адрес покойного и мало нам симпатичного О. Ронена, не говоря уже об оскорбительном для памяти профессионала сопоставлении его очень ранних (как раз студенческо-аспирантских!) соображений с какой-то случайной публикацией впервые нам встретившейся пермской исследовательницы второй половины 2000-х гг., чья странная работа теперь введена в анналы теории мандельштамоведения, мы не будем. Куда интереснее «положительная» программа соавторов, так увлекшихся русским языком самим по себе, что прочесть написанные на нем стихи исследуемого поэта им оказалось не под силу. «Русская речь» уничтожила для них русскую поэзию, далеко в данном случае не самую сложную.

Мы понимаем, что сотни поздравлений с выходом книги, появившиеся в Фейсбуке в первый же день объявления соавторами об этом событии, не приведут к внимательному чтению очень объемной работы теми, кто уже ритуально восхитился, кто «не читал, но ЗНАЕТ...».

Поэтому и приводим полную фотокопию замечательных страниц, где авторы, не умеющие читать стихи вообще и не боящиеся это демонстрировать, на полном серьезе написали, что их (и только их!) лингво-идиоматический разбор оказался интереснее очевидно неудачных стихов Мандельштама.

Читала ли эти строки главный рецензент книги И. З. Сурат, которая знает, что еще в Лондоне обсуждался вопрос, к кому обращены слова «Сохрани мою речь...» и кое-кто считал, что именно «к русской речи»?

Однако эти коротенькие стихи Мандельштама, состоящие из двух двустрочий, никак не дают возможности счесть приведенные «идиомы-фразеологизмы» соавторов, как, впрочем, и работы Ронена и т. д., за прочтение или перечтение стихов Мандельштама.

Итак, начнем: для того, чтобы понять выражение «очи — во весь рост» надо только знать, что «точимая коса» правится косарем, смотрящим на нее, когда он стоит во весь рост.

Глаз косаря направлен к острому концу орудия труда, находящемуся на уровне его глаз. Так увидеть звезды невозможно.

Раз речь в стихах идет о росе, мы имеем дело с правкой косы перед покосом, т. е. очень ранним утром, практически в темноте. Обратившись от острия косы (снизу) резко (вверх) к звездам, глаза



косаря, находящиеся все еще на уровне косы «во весь рост», «едва научились различать» светящее множество звезд в момент появления необходимой для косьбы «капли росы».

Зегзица из первого (нижнего) двустипшия, т. е. просто кукушка, а не героиня «Слова о полку Игореве», накуковала занятому правкой-заточкой косы косарю, сколько ему жить, а он, закончив правку-точку обратился к вечным звездам, которые, при взгляде друг на друга — снизу-вверх и сверху-вниз, перестали быть «одинокими». Равно как отразились очи на влажном полотне косы, так что могут быть видными звездам, а каждый глаз косаря увидел невидимую, обычно, кукушку, удвоенное ку-ку которой и определяет время пребывания человека в вечности «одиноких» без человека «звезд».

Это абсолютно акмеистическое стихотворение того, кто писал:

Трудодень земли знакомой
Я запомнил навсегда,
Воробьевского райкома
Не забуду никогда.
Где я? Что со мной дурного?
Степь беззимняя гола.
Это мачеха Кольцова,
Шутишь: родина щегла!,

а не тех, кто и покоса-то ручного никогда не видел даже в современных фермерских хозяйствах, а к IT-картинкам в данном случае не обратился по неведению того, что там можно найти!

Теперь:

«Пусть читатель вероятный / Скажет с книжкой в руке: / Вот стихи, а все понятно, / Все на русском языке ...», как писал один, на сей раз не воронежский, а смоленский крестьянин.

И уж точно не являются подтекстами-контекстами этого стихотворения наши эпиграфы и наши цитаты из удачных, наверное, воронежских колхозных стихов великого поэта.

Хорошо еще, что соавторы не настолько решительны, чтобы приписать выражение «во весь рост» подтексту из названия книги Георгия Шенгели «Маяковский во весь рост», а то прах веков можно было бы и потревожить!

Стихи же Мандельштама оказались куда тоньше тех никому не нужных (как в каких-то случаях не нужны, разумеется, и подтексты) полу-психо⁶, полу-лингвистических упражнений, которые могут **увести читателя от поэта**, но ведь это уже точно не задача филологии. А вот поди ж ты, она оказалась успешно выполненной в перечитанной книге «нашего юношества».

II. МОЯ РЕЧЬ НА ПОКАЗАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ⁷ ПО СЛУЧАЮ ВОЗМОЖНОГО СКАНДАЛА С КНИГОЙ П. УСПЕНСКОГО И В. ФАЙНБЕРГ ИЛИ «СВОБОДНАЯ ДИСКУССИЯ» С ПРОФЕССОРАМИ-ФИЛОЛОГАМИ НИУ ВШЭ

Профессор, снимите очки-велосипед...

В. Маяковский «Во весь голос»

У этой части нашей заметки могло бы быть и другое название, но не захотелось слишком точной рифмы с эпиграфом из ч. I Заметки XIX, поэтому от названия отсылавшего опять же к Галичу, пришлось отказаться⁸.

⁶ Об этом немало в заключительных теоретических кусках.

⁷ Это столь же традиционно для мандельштамоведения НИУ ВШЭ, как и ранее описанные залпы «Особого IT-отдела». Об одном таком «показательном» лишь для директора Мандельштамовского центра «процессе», где мы по его замыслу оказывались в роли «обвиняемого», см. *Кацис А.* Осип Мандельштам в инвалидном лагере «Мандельштамовской энциклопедии»: <https://regnum.ru/news/cultura/2364505.html>.

⁸ Для тех, кто еще достаточно молод или не помнит, напоминаем «Предполагаемый Текст Моей Предполагаемой Речи На Предполагаемом Съезде Историков

Так или иначе, сейчас мы обратимся именно к профессорской аудитории, которая, обычно, и принимает решения по представленным на рассмотрение работам.

Дорогие коллеги!

Я уже выступил в «ритуальной части» нашего заседания, теперь же, в свободной дискуссии, которая традиционно бывает на защитах, хотелось бы сказать еще несколько слов, т. к. Вы указаны соавторами книги среди «взявших на себя труд прочитать черновик нашей книги» (с. 333.)

В работе Павла Федоровича и Вероники Александровны мое внимание привлекли ссылки на работы Б. А. Успенского, которые сами авторы положили в основу своей работы, совершенно справедливо назвав их открытием. Мы имеем в виду известную статью «Анатомия метафоры у Мандельштама».

Как в предыдущем случае с библиографией к «Стихам о неизвестном солдате», пропущена первая публикация этой работы 1994 года, а даны ее перепечатки 1996, 2000 и даже 2018 гг., хотя сам автор в перепечатках всегда ее указывает как, например 2018/1994⁹. Такая библиографическая избыточность/недостаточность и привлекла наше внимание. Известную статью мы оставим, а обратимся к той, действительно 2018 г., статье которая указана прямо под названными тремя ссылками на одну и ту же работу. Эта интересная работа, приведенная в библиографии «К русской речи» на имя проф. Б. А. Успенского¹⁰, удивляет не своим вполне уместным присутствием в библиографии линво-поэтических работ о Мандельштаме, но тем, что она полностью противоречит по самой постановке исследовательской задачи обсуждаемой книге. На с. 230 этой работы читаем:

«Стихотворения Мандельштама — в особенности позднего периода — нуждаются, можно сказать, в работе дешифровщика. Они насыщены метафорами и иносказаниями. Кроме того, у них сложная поэтика — многоплановое построение, представляющее содержание текста в многомерном пространстве».

Стран Социалистического Лагерея, Если бы Таковой Съезд Состоялся и если бы мне была оказана высокая честь сказать на этом съезде вступительное Слово».

⁹ Успенский Б. А. Анатомия метафоры у Мандельштама // Новое литературное обозрение. 1994. № 7. С. 140–162.

¹⁰ Успенский Б. А. К поэтике позднего Мандельштама («Мастерица виноватых взоров ...»: анализ текста) // Slověne. 2018. Vol. 7. № 2. С. 227–257.

Будь авторы чуть смелее, они должны были бы не просто привести эту совсем недавнюю и еще не переиздававшуюся работу в библиографии, тем более, что и журнал выходит под редакцией Ф. Б. Успенского, но обязаны были вступить с ней в спор. Этого, однако не произошло.

Не будем больше спрашивать, почему? Куда интереснее сравнить наше сегодняшнее прочтение этой работы с тем, о чем идет речь в предыдущих частях наших размышлений.

«Об этом стихотворении много написано. Существует несколько специальных работ, ему посвященных, не говоря о спорадических упоминаниях в разных мандельштамоведческих работах. Только в одной из известных нам работ дается последовательный анализ всего стихотворения — это работа С. В. Поляковой [Полякова 1997]. Это замечательная — пионерская — работа, но она, как кажется, нуждается в коррективах».

Это положение также противоречит работе «К русской речи», где говорится как раз о неучете работ С. В. Поляковой. К этому месту дается важное библиографическое примечание, касающееся работ о «Мастерице ... »:

«См. их относительно полный перечень: [Лекманов, Глуховская и Чабан 2017 (указаны только работы на русском языке)]. Из этого перечня следует исключить [Ронен 2002]: о нашем стихотворении там не говорится»¹¹.

Действительно, «Мастерица...» встречается там не специально, а лишь однажды, и не все стихотворение, а лишь как пример синекдохи, но в очень важном для сравнения с работой Б. А. Успенского контексте: «*Мандельштамовские метафоры для нового, обмирщвленного, отделенного от византийской «культуры-церкви» поэтического языка* часто представляют собой синекдохи «татарщины»: «кумыс», «глухой мешок» янычарской казни, «татары, узбеки и ненцы» (...) Как бы во исполнение пророчества Владимира Соловьева, татарским хребтом видится поэту и молодой век, разбивший позвоночник «устаревшему

¹¹ Успенский Б. А. К поэтике позднего Мандельштама («Мастерица виноватых взоров ... »: анализ текста) // Slověne. 2018. Vol. 7. № 2. С. 230.

хищному зверю» иератически-византийской культуры «Третьего Рима»: «Впереди только татарская спина — страшный шелковый халат Герионовой кожи» («Разговор о Данте»); «Молодых рабочих/Татарские сверкающие спины/С девической повязкой на хребтах, <...> Здравствуй, здравствуй,/Могучий, некрещеный позвоночник,/С которым проживем не век, не два!..» («Сегодня можно снять декалькомани...» 1931)¹².

Этот момент необходимо отметить, т. к. в работе Б. А. Успенского в связи с этим же стихотворением говорится: «Обращение к героине ближайшим образом напоминает наименования Богоматери (ср. такие названия богородичных икон, как *Взыскание погибших* или *Утоли моя печали*). Здесь — то же обыгрывание сакрального образа, о котором мы говорили и которое выше было определено как «*десакрализованный подтекст*»: *имеется в виду ситуация, когда сакральный образ фигурирует вне сакрального контекста*»¹³.

Таким образом, микроскопическая цитата из «Мастерицы...» оказалась достаточной Ронену для включения этого стихотворения (которое Б. А. Успенский рассматривает в очень сильно христианизированном, хотя и сниженном, контексте) в анти-византийский контекст указывая там же: «Совпадение имени героини с именем Богоматери обыгрывается в эпиграмме Мандельштама «Мне вспомнился старинный апокриф...», о которой пойдет речь ниже».

Итак, похоже, здесь проф. «лучшего в мире филфака» О. А. Лекманов с соавторами скорее прав, чем не прав.

Остается отметить, что статья О. Ронена «О «русском голосе» Осипа Мандельштама» была очевидным ответом на ряд дискуссий в Лондоне (в частности, Бродского с С. С. Аверинцевым и Н. А. Струве), где Ронен по ряду причин, обсуждаемых в его переписке с М. Л. Гаспаровым и опубликованной в сборнике памяти академика в РГГУ, не оказался. Вот слова автора:

Первая, краткая версия работы о «русском голосе» представляла собой доклад под названием «Mandel'shtam's Path from the Wolf Cycle to "Stansy"» («Путь Мандельштама от "волчьего цикла"»

¹² Ронен О. Поэтика Осипа Мандельштама. СПб.: Гиперион, 2002. С. 50.

¹³ Успенский Б. А. К поэтике позднего Мандельштама («Мастерица виноватых взоров...»: анализ текста) // Slověne. 2018. Vol. 7, № 2. С. 249.

к «Стансам»»), сделанный 25 ноября 1991 г. на 23-ем съезде AAASS (Американской Ассоциации по распространению знаний в области славистики) в Майами. Полная версия была написана на русском языке в начале 1992 г. и вышла в свет в «Тыняновском сборнике»: *Пятое Тыняновские чтения*, Рига: Зинатне; Москва: Импринт, 1994, с. 180–197. Она содержит несколько дополнений и поправок к моим более ранним исследованиям¹⁴.

Хотя в каких-то других условиях, если бы профессора Ронена пригласили в Лондон и предложили ему там выступить, этот текст прозвучал бы в присутствии Иосифа Бродского и других участников тех событий.

Однако второй пример библиографической справки О. А. Лекманова (которого благодарит за дополнения к его статье сам О. Ронен!), похоже, ввел Б. А. Успенского в заблуждение. Впрочем, и по форме совет старшему коллеге совсем необычен.

Б. А. Успенский указывает: «М. В. Безродный считает, что сочетание слов *мастерица* и *плеч* в этих строках скрывают в себе идиому *заплечных дел мастер*; предполагается тем самым, что М. С. Петровых выступает как палач поэта [см.: Лекманов 2004: 161; Лекманов 2016: 316; Видгоф 2015: 182]; в этих работах нет ссылки на источник, но, как нам известно от О. А. Лекманова, авторы основываются на устном сообщении Безродного). Это предположение не находит подтверждения в тексте стихотворения и представляется натяжкой»¹⁵.

Единственная ссылка на работы М. Безродного дается на сборник остроумных филологических анекдотов: *Безродный М. В.* Конец цитаты. СПб., 1996.

Как бы наши работы ни казались П. Успенскому и В. Файнбергу «анекдотичными», мы не готовы превращать академическую филологию и ее историю за последние, как оказалось, 50 лет, в такой же анекдот, как премия «Большая книга» или фейковое «Мандельштамовское общество», нашедшее себе пристанище в Школе филологии и Мандельштамовском центре НИУ ВШЭ.

Что мешало магистрантке программы «Цифровые методы в гуманитарных науках», читавшей, будем считать, интересующую

¹⁴ Ронен О. Поэтика Осипа Мандельштама. СПб.: Гиперион, 2002. С.43.

¹⁵ Успенский Б. А. К поэтике позднего Мандельштама («Мастерица виноватых взов ...»: анализ текста) // *Slověne*. 2018. Vol. 7, № 2. С. 232.

нас очень содержательную работу классика семиотики и филологии, нажать следующие клавиши в любой системе поиска «Безродный. Библиография», затем выбрать статью из, простите, Википедии, там нажать Институт славистики Гейдельбергского университета, получить Suche | Kontakt

Slavisches Institut > Personal > PROFIL DR. MICHAEL BEZRODNYJ

затем, понятно, раздел:

2. ARTIKEL UND NOTIZEN (AUSWAHL),

где и получить искомое и даже в два раза больше и на двух языках (что превышает лекмановскую языковую компетенцию), да ещё в неанекдотически академической печати:

2.49. Osip Mandelštam: Opfer von politischer Verfolgung oder von poetischer Eingebung? // Welt hinter dem Spiegel: Zum Status des Autors in der russischen Literatur der 1920er bis 1950er Jahre. Berlin, 1998. S. 219–232.

То же (сокр. вар.): Султаны мнительные // Новое лит. обозрение (М.). 1995. № 16. С. 124–128.

Тогда появились бы ответы на многие вопросы, которые задал себе Б. А. Успенский и на которые в ряде случаев даже абсолютно правильно ответил, не учитывая эти статьи, а вот молодые исследователи даже не начали отвечать. Спор с М. Безродным занимает немалое место в работе Б. Успенского:

«М. В. Безродный [Безродный 1996: 130–131], увлеченный поисками совпадений «Мастерицы виноватых взоров...» и пушкинского «Бахчисарайского фонтана», считает, что в имени *Мария* у Мандельштама отразилось имя польской княжны в бахчисарайском гареме; это предположение кажется нам излишним. Одновременно Безродный полагает, что фраза *Ты, Мария — гибнущим подмога* представляет собой цитату из молитвы, обращенной к Мадонне, покровительнице мореплавания, спасающей на водах (текст молитвы не приводится: автор, по-видимому, основывается на общих впечатлениях). Но в данной строфе, в отличие от предыдущей, речь не идет об утоплении и спасении на водах; как мы уже

отмечали, поэт снимает с себя маску янычара и говорит от своего собственного имени»¹⁶.

Именно этому противопоставляется проф. Б. А. Успенским имя Богоматери. Между тем, М. Безродный основывает свой неанекдотический, а академический анализ на работе самого Б. А. Успенского о метафоре у Мандельштама, и применительно к спору о «Бахчисарайском фонтане» даже в кратком варианте работы указывает: «Или путь был более окольным и шел к восточным мотивам Пушкина через русский перевод «Дон-Жуана», где, как заметил Л. Кацис (см.: *Кацис Л. Мандельштам и Байрон (К анализу «Стихов о неизвестном солдате»)*). — Слово и судьба. Осип Мандельштам: Исследования и материалы. М., 1991. С. 452), имеется метрико-семантический аналог строки *И яд разносят хладные скопцы — стих Иль поднести давно готовый яд*»¹⁷. Но ведь это та самая работа, которая попала туда, где был «разбор» нашего анализа «Дайте Тютчеву стрекозу...», т. е. статья «Мандельштам и Байрон» из сборника «Слово и судьба. Осип Мандельштам», М., Наука (!). 1991, которая отнесена П. Успенским и В. Файнберг к другим «аналогичным примерам».

Между тем, сам Борис Андреевич указывает в цитируемой статье 2018 г.: «Утопление в мешке (*roenacullei*) — римская казнь, принятая затем в Византии и в Турции. В Европе и особенно в России она ассоциировалась именно с Турцией. Ср. у Пушкина в «Бахчисарайском фонтане»: «Давно грузинки нет; она // Гарема стражами немymi // В пучину вод опущена» [Пушкин, 4: 168]. Ср. также в «Доне Жуане» Байрона: «And if they should discover your disguise, // You know how near us the deep Bosphorus floats; // And you and I may chance, ere morning rise, // To find our way to Marmora without boats, // Stitch'd up in sacks — a mode of navigation // A good deal practised here upon occasion» (песнь V, строфа 92) [Byron, 5: 270]. То же в «Каменном госте» Пушкина: «Лепорелло [...] А где-то он теперь? // Монах. Его здесь нет // Он в ссылке далеко. // Лепорелло. И слава Богу. //

¹⁶ Успенский Б. А. К поэтике позднего Мандельштама («Мастерица виноватых взоров ...»: анализ текста) // *Slověne*. 2018. Vol. 7, № 2. С. 248–249.

¹⁷ *Безродный М.* Султаны мнительные // Новое литературное обозрение. М., 1995. №16. С. 128. Даем для молодых исследователей адрес: <https://imwerden.de/publ-7567.html>. Отметим, что в других работах, например, Ф. Б. Успенского, наши работы о Мандельштаме и Байроне учитываются.

Чем далее, тем лучше, // Всех бы их, // Развратников, в один мешок да в море» (сцена I) [Пушкин, 7: 141; см.: Витгоф 2012: 449–450]»¹⁸.

Таким образом, круг, как в случае с «Дайте Тютчеву стрекозу...» в очередной раз замкнулся, подтвердив нашу давнюю догадку сразу тремя разными путями. Впрочем, тот специфический способ чтения работ коллег, который привел нас к описываемой ситуации, далеко не единственный. Узкое чтение работ очень узкого круга авторов, кем-то определенных на место «авторитетных», без учета того, что пишется вне «круга» «лучшего в мире филфака» или лотмановско-гаспаровских чтений тех же авторов, уже приводил и еще будет приводить к ситуациям неприятным, как рассматриваемая сегодня библиографическая «путаница-Психея», а то и к анекдотическим ситуациям простоноздревского типа¹⁹.

Между тем, цикл работ и Б. А. и Ф. Б. Успенских последних нескольких лет (иногда и в соавторстве!), основанный на строгой лингвистической базе, однако включенной в многофакторный и глубокий анализ текстов Мандельштама, самим своим существованием противостоит чисто школьной идее ограничиться чтением стихов по словам, по словарям, по справочникам и даже Корпусу русского языка, либо программе подготовки к школьным олимпиадам.

Каким образом, не оговорив целую историю размышлений о «методе» нескольких поколений предшественников, пусть и прискорбно мало представленных в библиографии к их книге, молодые последователи известных ученых вырвали один прием анализа одного уровня поэтического текста и провозгласили его в прямом противоречии с работами названных ими своих предшественников, что, собственно, единственно важно, в базовый принцип анализа, нам не ведомо. Да и не очень интересно. Просто скандальность в моральном и анекдотичность в старом историческом смысле такой ситуации требует своей фиксации.

Между тем, вместо того, чтобы веселиться над лондонской стенограммой или над сознательно искаженным изложением работ «неназванных» коллег, стоило бы задуматься, зачем

¹⁸ Успенский Б. А. К поэтике позднего Мандельштама («Мастерица виноватых взоров...»: анализ текста) // *Slovène*. 2018. Vol. 7, № 2. С. 247.

¹⁹ Об этом специально см.: Кацис А. Об одном «круге» и его кружковой избирательности. К проблеме «Набоков и Пастернак» // *Вопросы литературы*. 2020. № 3. С. 139–147.

П. Ф. Успенскому и его коллеге понадобилось основывать свою работу на заведомо скандальном тексте очень нечистого и не всегда реально грамотного персонажа, который и нам, и Б. А. Успенскому хорошо известен именно в этих качествах?

А для того, чтобы, как говорил автор «Честолюбия», занятие наше было не вовсе бесполезно²⁰, обратимся к работе Ф. Б. Успенского, которая позволит нам в заключение и для завершения сюжета обоих Заметок, сказать два слова и о «Дайте Тютчеву стрекозу...», и о «Стихах о русской поэзии», которые В. Марков — один из двух пионеров их изучения, недаром считал одним стихотворением.

Ф. Б. Успенский, тонко проанализировав соотношение «Квартиры» и «Стихов о русской поэзии» написал:

«Мандельштаму (...) явно была интереснее история литературы как история текстов и поступков. Скорее, он вел диалог напрямую с каждым из вовлеченных в конфликт поэтов, будь то Фет или Некрасов. Сквозь наслоения позднейших воспоминаний и многократно перетолкованных критических прочтений он выделяет жесткую и прямолинейную, почти памфлетную историю, характерную для 60-х гг. XIX столетия.

«Обвинитель» Фет, как мы помним, назван в одном из «стихов о стихах» — «И всегда одышкой болен / Фета жирный карандаш», что же касается имени Некрасова, то первоначально оно мелькнуло лишь в черновом варианте «Стихов о русской поэзии»:

У Некрасова тележка
На торговой мостовой,
И расхаживает ливень
С длинной плеткой ручьевой. [14]

Можно сказать, что интересующая нас строфа в «Квартире» как бы вдогонку дополняет список помянутых русских поэтов. Однако недаром Некрасову находится место уже в совсем ином контексте. Как мы попытались показать, вооруженный молотком, вколачивающим гвозди, он едва ли может служить олицетворением непокупности и чистоты идеалов шестидесятничества [15]. Скорее, он воплощает мучительное противоречие между убеждениями и соблазном благо-

²⁰ Для тех, кто не помнит: «Бросая в воду камешки, смотри на круги, ими образуемые; иначе такое бросание будет пустою забавою».

получия и личного комфорта, страстным сочувствием человеческому страданию и привычкой к респектабельной дистанцированности от него, столь хорошо известное русской литературе XIX в., которое с такой беспощадной контрастностью ожило в советскую эпоху после великого перелома. Любопытно, что в мемуарах Фета употребляется фраза о несоответствии пропаганды и действий — терминологическая и сущностная прямота и конкретность подобного упрека оказывалась более чем востребованной в той поэтике, которую Мандельштам создавал на исходе 1933 г.»²¹.

Мы могли бы просто констатировать, что не так уж просты эти стихотворения, и что идиомами и фразеологизмами здесь не обойдешься. Однако, завершая анализ почти всех черновых редакций «Стихов о русской поэзии» и «Дайте Тютчеву стрекозу...», не можем не отметить давние наблюдения Б. А. Успенского в статье о метафоре у Мандельштама, где указывалось:

Катит гром свою тележку
По торговой мостовой
И расхаживает ливень
С длинной плеткой ручьевой.
(из «Стихов о русской поэзии»)

Вот еще:

По темнobarхатным холмам
В сафьяновых сапожках

Описание грозы в Москве одновременно дается здесь и как описание грозы, и как описание московской уличной жизни, как бы взятое из старинной картинки (гром и ливень предстают здесь как персонажи жанровой сцены).

Они пестрели по лугам
Как маки на дорожках.
(«Вы помните, как бегуны...»)

²¹ Успенский Ф. «Молоток Некрасова и карандаш Фета». О гражданских стихах О. Э. Мандельштама 1933 года»: <http://sites.utoronto.ca/tsq/28/uspensky28.shtml>.

Здесь одновременно описывается пейзаж и бегуны, причем описание пейзажа зависит от описания людей («темнобархатные холмы» явным образом перекликаются с «сафьяновыми сапожками»), а описание людей дается как описание пейзажа (бегуны изображены как описание пейзажа (бегуны изображены как цветы, поэтому они оказываются неподвижными)»²²).

И более того, «просвечивающее» (по Ю. Фрейдину) слово «парень» оказывается неизбежным результатом анализа:

«Обратимся, например, к стихотворению, которое мы уже цитировали выше:

И расхаживает ливень
С длинной плеткой ручьевой.
(из «Стихов о русской поэзии»)

Для того чтобы получить из метафорического текста обычный текст (отвечающий прямому, а не переносному употреблению), мы должны, по-видимому, как-то заменить в нем слово *ливень* (поскольку оно употреблено здесь метафорически). Вместе с тем кажется ясным, какое именно слово должно быть подставлено вместо данного: надо полагать, что это слово *парень*. Фонетическое сходство обоих слов позволяет легко догадываться о субституте, и в то же время искомое слово подсказывается самим контекстом. Таким образом, слово *ливень* — реально употребленное — читается на фоне не произнесенного вслух, но ожидаемого слова *парень*; оба слова как бы соединяются, образуя единый семантический спектр¹². (12 Этот пример был в свое время рассмотрен в работе: [Успенский, 1970, с. 125–126]. Предложенная здесь интерпретация встретила сочувственный отклик Н. Я. Мандельштам)²³.

Вместе с тем этот образ поддерживается фразеологизмом *дождь идет* — поскольку дождь может «ходить», ливень может «расхаживать».

²² Успенский Б. Исследования по русской литературе, фольклору и мифологии. М.: Commonplace, 2018. С. 11.

²³ Не можем пройти мимо еще одного историко-филологического совпадения. Именно в этом 1970 году и именно об этих стихах дискутировали В. Марков и О. Ронен.

Равным образом можно предположить, что эпитет *торговый* в этом стихотворении выступает вместо *торцовый*:

Катит гром свою тележку
По торговой мостовой...

Оба слова семантически объединяются, и раскаты грома предстают как перекаты тележки, скачущей по торцам мостовой»²⁴.

Если же сюда, скажем уже от себя, добавить вариант:

И в сапожках мягких ката
Выступают облака..,

то «Стихи о русской поэзии...» превратятся в жесткий политический памфлет, каковыми они в результате не являются, в отличие от другого стихотворения, где мы встречаем «Некрасова» уже в чистовике.

В свою очередь Ф. Б. Успенский обращается к черновику, где на месте «грома» мы видим имя поэта, которое позволяет понять, почему Мандельштам отправил этот вариант «в корзину», способствующую, как мы знаем, «сохранению энергии произведения».

И раз уж наши размышления 1990–1991 гг. оказались в центре размышлений, как это ни странно и ретроактивно, года 1970, затем в Лондонский и ранний постЛондонский период, и, наконец, в 2020 году, позволим себе вернуться к ним во всеоружии сегодняшнего знания.

Итак, если «Стихи о русской поэзии...» и «Дайте Тютчеву стрекозу...» были одним стихотворением, и на месте «грома» оказался «Некрасов», то есть смысл подумать о том, какой «парень» может и у кого быть «ливнем»?

Достаточно вспомнить «Световой ливень» Марины Цветаевой, как мы получим по примеру старой работы, с которой все начиналось:

У*Цветаевой тележка
На торговой мостовой,

²⁴ Успенский Б. Исследования по русской литературе, фольклору и мифологии. М.: Commonplace, 2018. С. 14–15.

И расхаживает ливень
С длинной плеткой ручьевой.

Однако Мандельштам нигде в интересующих нас стихах не позволил себе тройственных конструкций типа «Некрасов — *Цветаева — **Пастернак», к тому же, «*Пастернака карандаш» уже был в «Фета жирный карандаш», и больше не требовался, как не потребовались и названные нами ранее анаграммы самого Фета. Да и сложное противопоставление «Фет-Некрасов», подробно рассмотренное Ф. Б. Успенским, слишком усложняло бы то *единое (по Маркову) стихотворение, которое разделилось на два разных, не говоря уже о слишком густом и даже трехслойном же политическом контексте.

И это последний вид черновиков, которые могут лишь подтвердить нашу давнюю интуицию относительно именно окончательного варианта «Дайте Тютчеву стрекозу...», его конструкции и его «грамматики поэзии».

Таким образом, мы можем с радостью констатировать, что наши работы, с которых все начиналось (в самых разных смыслах), вполне коррелируют с работами старших поколений семьи Успенских. А у младших коллег есть еще время подумать, «куда идти, в каком сражаться стане...», хотя его и не так уж много...

ИСТОРИЯ OSTKRAFT

| научное обозрение |

Редакционная коллегия:
*Далибор Денда, Юрий Пуцаев,
Кирилл Шевченко*

Ответственный редактор *Модест Колеров*

Оформление *М. Е. Бороздинского*

Корректор *И. Ю. Берштейн*

ISBN 978-5-905040-58-0



9 785905 040580 >

Издатель **Модест Колеров**

Москва, Большой Татарский переулок, 3, кв. 16

ИА № ФС 77-55036 от 14.08.2013

Подписано в печать 07.09.2020. Формат 60 × 90 1/16.

Гарнитура Atrnold. Бумага офсетная. Печать цифровая.

Тираж 100 экз.

Отпечатано в ООО «ЦМИК»

150014, Ярославль, ул. Победы, 51, корп. 2

тел.: (4852) 200-121. www.yarcmtyk.ru